

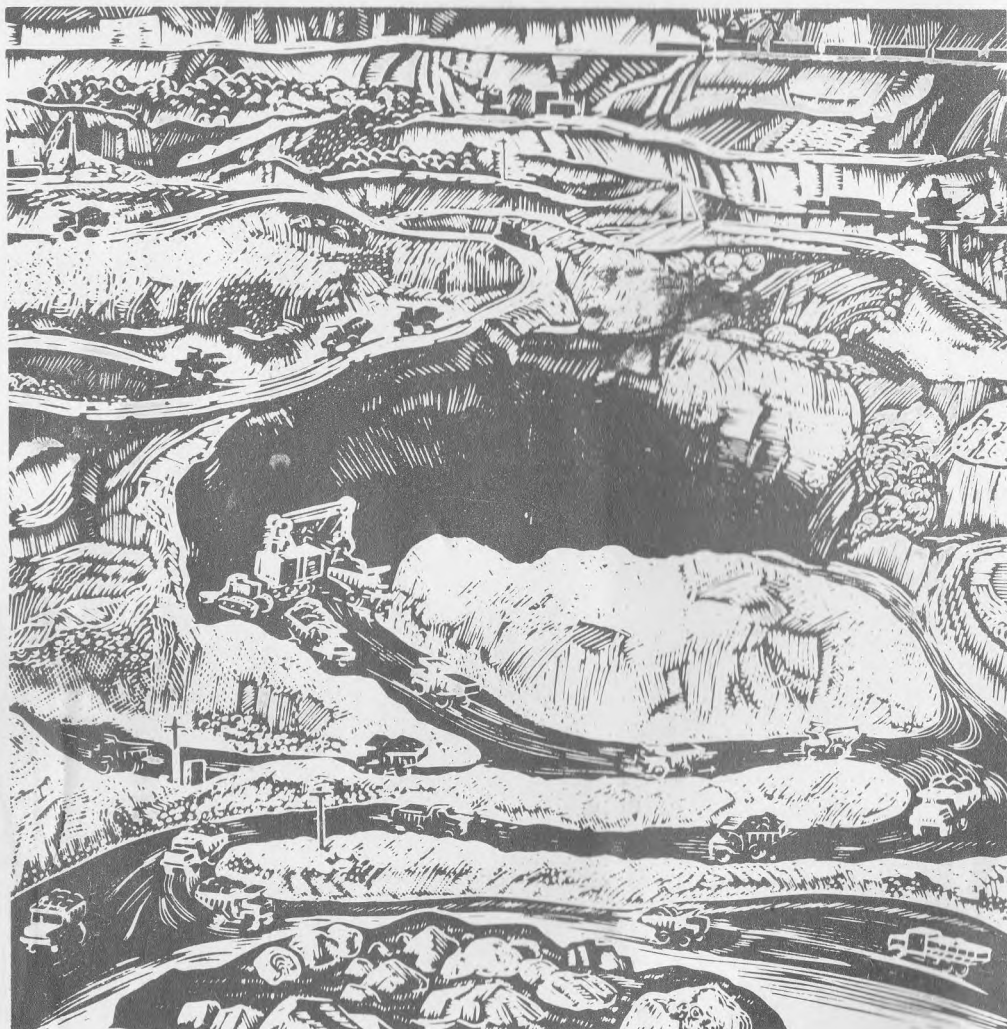
P2
0-38

апрель — июнь

2•1981

ОГНИ
КУЗБАССА

Р₂

0-38

ОГНИ КУЗБАССА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
АЛЬМАНАХ
КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР

Выходит ежеквартально

Год издания 33-й

№ 2(71)

Центральная библиотека
им. А. С. Пушкина
Дворца культуры
г. Ленинск-Кузнецкий Кемер. обл.

В Н О М Е Р Е

ПРОЗА

Афанасий Жигалин. Дорогами войны. Из фронтовых записей. 3

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТУДИЯ «ПРИТОМЬЕ»

ПРОЗА

Николай Калачев. Балабон. Рассказ. 44
Людмила Яковлева. Петя с соседней улицы. Рассказ. . . 49

СТИХИ

Валерий Ковшов. «Чую тепло...» «Проснешься, думая, что спишь...» «Глядят на окна сумерки в упор...» Прощание с рекой. «О, первозданный майский лес!...» 41
Татьяна Карманова. «Вот так...» «У меня болят провода за окном...» 42
Галина Золотая. «Не заумною и мудрою...» «Я что-то Вам о счастье лопочу...» «Ох, не скоро до весны...» . . 43
Николай Клишин. «Мамонты последние уходят...» «Червячок этот дуб подкосил...» «Возлюбили внезапно животных...» 48
Владимир Советов. Монолог из старинной пьесы. «В метро...» Весна. 51

КЕМЕРОВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО, 1981

098 н
132230 ✓
Н

Иосиф Куралов. Свет и лист. «Даль разламывая, ветер...» «Кто сказал...» «Поэт молчит...»	52
Валерий Сибикин. Из впечатлений детства.	53

ПРОБЛЕМА? ДА, ПРОБЛЕМА!

Анатолий Сосимович. Судьба забытых деревень.	57
--	----

ЛЮДИ И СУДЬБЫ

Мэри Кушникова. С любовью к Сибири.	64
---	----

СЛОВО — КРИТИКЕ

Наталья Захарчук. Тепло доброты людской (О первой книге рассказов Любови Скорик «Шли дожди»).	75
--	----

ВЕСЕЛАЯ МИНУТКА

И. Емелин. Юморески. Гони выдергу. По Сеньке ли шапка? Монолог вымиравшего мужчины.	79
--	----

Владимир Матвеев. Со стола пересмешника. Об- лава на рыжих. Очевидное невероятное.	80
---	----

*На 1-й странице обложки: монумент советско-венгерс-
кой дружбы в Кемерове. Скульптор А. Хмелевской. Фото Д. Ко-
робейникова; на 2-й: линогравюра заслуженного художника
РСФСР А. Ананьина «Открытые разработки».*

Редактор В. М. МАЗАЕВ

Редакционная коллегия: В. М. Баянов, С. Л. Донбай,
Г. А. Емельянов, И. М. Киселев, В. Ф. Куропатов, В. Ф. Ма-
твеев (отв. секретарь), В. В. Махалов, З. А. Чигарева,
Г. Е. Юров.

Адрес редакции: 650099, Кемерово-99, Советский пр., 40,
тел. 6-26-95, 6-85-14.

Рукописи не возвращаются

Ведущий редактор Т. Махалова; художественный редактор
А. Ротовский; технический редактор Г. Манохина; коррек-
тор А. Ерофеева

Сдано в набор 19.02.1981 г. Подписано в печать 28.04.1981 г. ОП08470
Формат 70×90^{1/16}. Бумага типографская № 1. Печать высокая. Усл.
печ. л. 5,85. Усл. кр.-отт. 6,44. Уч.-изд. л. 8,01. Тираж 6000. Заказ
№ 3668. Цена 50 коп. Кемеровское книжное издательство, Кемерово-59,
ул. Ноградская, 5. Полиграфкомбинат, Кемерово-50, ул. Ноградская, 5.

0 70500—36 27—81—4702000000
М 145(03)—81

© Кемеровское книжное издательство, 1981

ДОРОГАМИ ВОЙНЫ

Из фронтовых записок

Фронтовые записи Афанасия Георгиевича Жигалина попали в мои руки совершенно случайно. Накануне 35-летия Победы над фашистской Германией редактор нашей газеты сказал мне:

— Я слышал, что Жигалин, бывший инспектор горфо, вел во время войны записи. Узнай его адрес, сходи, посмотри, может, выберешь что-нибудь стоящее для праздничного номера.

Я познакомилась с ветераном и его рукописью. Передо мной оказался документ, каждая строка которого дышала обнаженной правдой. В боевой судьбе сержанта Жигалина и его товарищей по оружию я во всем величии — не побоюсь громких слов — увидела образ русского воина, смелого, сильного, доброго, великодушного, с его чистыми помыслами, с великой любовью к Родине, к труду и миру.

Да, к миру, потому что думы о доме, семье никогда не покидают защитника, они помогают ему преодолеть любые лишения, выжить всем смертям назло.

Вот он, Афанасий Георгиевич, живет от меня через две улицы, с женой Анной Сергеевной. Оба на пенсии, неторопливо хлопочут по хозяйству, возятся в огороде...

Даже не верится, что этот тихий пенсионер и есть тот самый отчаянный сержант Афанасий Жигалин, который в годы Великой Отечественной войны совершил столько будничных в своем героизме дел во имя спасения Отчизны от фашистской нечисти. И не только совершил, но и догадался запечатлеть эти дела в записях, которые вел для себя в минуты затишья, короткого солдатского досуга.

С виду ничем не выдающийся парень, имеющий семь классов образования, сумел увидеть в тех суровых буднях самое главное, не прошел и мимо «мелочей», которые теперь так дороги каждому. Десятки лет из-за чрезмер-

ной скромности автора пролежали фронтные записи в семейном архиве Жигалиных. А документ этот стоит того, чтобы стать достоянием многих. Он сохранился в своей первооснове, исключая незначительные купюры и литературную правку общего характера.

г. Тайга

Л. Яковлева

1942 год

20 марта. С 15 октября 1941 года по сегодняшний день я находился в артиллерийском полку, сформированном в Новосибирске. Двадцать один день учился на курсах младших командиров. Мне присвоено звание младшего сержанта. На днях отправляют в маршевую команду.

21 марта. Выехали из Новосибирска в Ачинск.

23 марта. Из Ачинска держим путь в западном направлении. Все станции забиты воинскими эшелонами. В Арамасе видел первые немецкие трофейные орудия и танки. Питаемся почти всю дорогу только сухарями и селедкой.

12 апреля. Приближаемся к Москве. Ночами все затемнено. Из вагонов нас не выпускают. Здесь здорово страшат немецкими самолетами, но я думаю, что все это преувеличено, что это пустой страх.

17 апреля. Выгрузились в Дмитрове. Интересный городок, чистый, культурный. Вокруг дачные домики. Рядом проходит канал. Есть здесь старинная крепость, а в ней монастырь и большая современная школа. Оба здания повреждены бомбежкой. Немец подходил к Дмитрову почти вплотную. Отсюда началась Московская битва.

Стоим мы в красивом старинном здании с винтовой лестницей.

1 мая. Сегодня я помощник дежурного по части. Пришлось ходить по городу. Отличная погода, но настроение отвратительное. Как-то не очень чувствуется, что нынче праздник.

20 мая. Приехали под город Волоколамск Московской области. Остановились возле деревни Ядрово в лесу. Город разбит до основания.

14 июня. Погода скверная. Бесконечные

дожди. Ходим все время в шинелях. Балаганы наши промокают. Вокруг образовалось настоящее болото. Сушимся у костров. А ночью костры жечь не разрешают. Часто ложимся спать совершенно мокрые, особенно когда задерживаемся на работе или занятиях. Иногда ночью разводим костер прямо в балагане. От дыма сильно болят глаза.

Часто выезжаем на тактические занятия. Вчерашние, наверно, не забудутся никогда. Весь день лил холодный дождь и дул ветер. Со дня на день ждем приказа о выезде на фронт.

26 июня. В 5.00 остановились юго-западнее деревни Денежной. Поблизости лес и небольшие деревушки. Всюду полно военных.

28 июля. В 23.00 выехали на фронт. Едем всю ночь.

29 июля. Продолжаем движение. Все забито войсками. Все движется к фронту. Дорога никудашная из-за больших дождей. Размесило грязь по колено. Приходится мостить ее лесом, благо он рядом.

30 июля. В шесть утра приехали на передовую. Слышим первые выстрелы и разрывы немецких снарядов. Сразу же потянули связь на наблюдательный пункт. Большая спешка. Наш Калинин совсем растерялся, побледнел и не знает, что делать. Вдвоем с Реховским танцам на себе по две катушки и телефонному аппарату. Жарко. Немец обстреливает из артиллерий и минометов. Не поменьше, что творится кругом. Кое-как к вечеру дали связь. Окапываемся. На три пытка, дальше — вода.

1 августа. Ночь просидели в ровике, на дне которого стояла вода. Сон был плохой. Немцы заметили вчера у нас большое движение и долго обстреливали передний край. Утром мы окончательно заняли оборону под деревней Новая. Перетягиваем связь на другое место.

Сегодня я понял, почему нам так часто приходится падать на землю или бегать пригнувшись. Оказывается, мы, новички, пугаемся звука выстрелов своих минометов или пушек, стоящих поблизости в лесу, так как еще не можем отличить выстрел от разрыва. Теперь, когда я разъяснил это своим товарищам, мы посмеялись над собой и принялись рассказывать друг другу о приключениях, случившихся с нами в эти первые фронтовые два дня.

Некоторые из нас стали какими-то неузнаваемыми. Особенно из тех, кто в тылу храбрился. Сейчас от показного «героизма» и следа не осталось. Здесь выявляются лучшие качества у парней, которые раньше были ничем не примечательны. Таков, например, Реховский. Молодец-молодцом!

3 августа. В 6.00 начался настоящий ад: артиллерийская подготовка с нашей стороны и ответный огонь противника. К нашему счастью, местность тут болотистая, и добрая половина мин и снарядов не разрывается. То и дело выходит из строя связь. Дважды устранял повреждения под пулеметным огнем. Стоны и грохот сливаются воедино. Видел, как пехотинцы пошли в атаку. Новички побледили, как бумага, а бывалые идут в бой уверенно и чувствуют себя спокойно.

К концу дня на нашем направлении продвинулись всего на несколько десятков метров. А на правом фланге, говорят, подходе. В нашем подразделении уже есть убитые и раненые.

4 августа. Взяли несколько деревень. Меняем позиции. Случилось так: бомба летит на меня, а я что есть сил бегу ей навстречу, чтоб разорвалась позади. Иного выхода не было. Думал — пропал. Но нет, жив пока Афонька!

В деревне Устиново взяли первые немецкие трофеи: склад с боеприпасами, обмундированием, провизией и сарай с велосипедами. Едим немецкие консервы и прочее.

5 августа. Эта ночь для нас с комбатом-2 была, действительно, испытанием моральных и физических сил. Темнота, хоть глаз коли, дождь как из ведра, да притом холодный такой, и противник то и дело кидается в ата-

ку. Бесперывно ведем огонь. Немец по нашему НП то артналеты делает, то методически бьет. Связь часто рвется. Дежурю и исправляю один, ибо нет больше никого. Сидим в ровике, наполовину заполненном водой. От нее ломит все тело и сводит судорогой мышцы. А вылезть нельзя: пули, как град, и снаряды рвутся рядом. Фрицы орут и подбегают довольно близко. Когда наша пехота освещает местность ракетами, мы ведем по врагу прицельный огонь из автоматов.

Нам вдвоем с одним разведчиком пришлось отбивать труппу немцев, прорвавшихся через боевые порядки. А комбат в это время вызвал огонь на себя. Вот тошно было, когда своя-то батарея накрыла наши окопы! Нас сильно оглушило и закидало грязью и землей, но обошлось, никого не задело. После этого фрицы больше не лезли в атаку, а те, что остались в живых, уползли обратно.

6 августа. Перед рассветом удалось вздремнуть. Поспал минут 30 прямо в воде и очнулся от сильного разрыва бомбы. Сегодня рано начали обрабатывать нас «юнкеры», прямо с рассветом.

Снова бой за высоту. Фрицы бросили в атаку человек двести, но наш дивизион их крепко накрыл, так что мало кто из них уцелел. А перли они нахально, прямо в полный рост.

В 12.00 наши артподготовка и атака прошли удачно. Выбили фрицев из их укреплений. После боя я ходил по этой высоте. Сколько убитых, и как жутко видеть разорванные трупы!

7 августа. Заняли новые позиции. Мы с Корякиным объелись конского мяса. Несколько дней жили впроголодь — наши повара не могут, видно, нас найти. А тут дорвались до свежего, и вот аж нутро наизнанку выворачивает.

9 августа. Стало лучше. Пошли на НП, который находится западнее лесопильного завода. Здесь нас ждало очень печальное известие: погиб связист Василевский и многих наших ранило.

Противника выбили и с этих рубежей. Пошли давать связь, попали под бомбежку. «Юнкеры» налетели. Но обошлось благополучно, если не считать, что я сильно ушиб

голову катушкой, когда прыгал в ровик.

20 сентября. Больше месяца дневник не вел. Было не до того, шли жестокие бои. А сейчас о них писать почему-то не хочется. Я и так на всю жизнь запомню Вазузу, Карманово, кладбище с часовой, МТС и правый фланг.

Сейчас нас вроде обещают отправить на отдых.

21 сентября. Приехали в тыл. Оборудовали блиндаж в расчете на зимовку. Поработать пришлось крепко. Все плечи ободрали, так как лес пришлось таскать на себе... Хотя бы с месяц пожить тут, пусть в землянках, но зато в тепле и без свиста снарядов. Место здесь лесистое. Есть небольшие деревеньки, но почти все они сожжены врагом.

22 сентября. Копаем картошку в колхозе. Поработали с большим удовольствием. Каждый из нас соскучился по мирному труду. Вечером устроили отдых. Наблюдал, как пляшут подмосковные девушки. У них напевы и выходки по сравнению с нашими, сибирскими, совсем иные и для меня странные.

23 сентября. Получили приказ в 5.00 сняться с уборочных работ. Вот и отдохнули... До нового места расположения идем пешком.

24 сентября. Погода пасмурная. Утром выехали на передовую. Миновали деревни Ховань, Середа, Холмец, Дор, Ягодино. Гладково и Голышкино сожжены дотла. Остались лишь печи да трубы. Стоят, как скелеты.

Очень холодно. Сильно перемерзли. Костры жечь не разрешают, ночуем — кто как.

26 сентября. В 2 ночи выехали. Едем с потушенными фарами, ничего не видно. Я завернулся в плащ-палатку и проспал до места. Утром остановились на Минском шоссе, у церкви.

27 сентября. Стоим на месте. Многие собирают в поле горох и варят горошницу. Вечером устроили, шутки ради, суд над красноармейцем Ханиным за «хищение» гороха и капусты. Стоял общий смех, потому что «судьи» и «заседатели» сами весь день лопали то же самое.

28 сентября. В 19.00 выехали. Перед

этим командир полка Яковлев ругал старшин и еще кое-кого за то, что не запаслись вовремя солью. Попутно рассмешил весь полк. Яковлев у нас такой. Не зря тянет к нему людей. Иным командирам не хочется лишний раз на глаза попадаться, а встреча с этим — другое дело.

Продолжаем двигаться по направлению к Вязьме. Грязь, болота. На каждом шагу — мины. Ночь, не видно ни зги. Телефонным железным проводом мне ободрало лоб. Течет кровь, а перевязать некогда. Так и добрался до места.

29 сентября. Остановились в деревне Агапово, в тридцати километрах от передовой. Стоим и ждем продукты. Деревни все сожжены. Поля пустуют. Посевов почти нет. Набрали в поле ржи, намолотили и варим без соли.

1 октября. Поступил приказ ехать обратно в район Минского шоссе. Дорогой получили продукты.

2 октября. В 3.00 прибыли на место. Я со своим отделением ушел в лес, к реке, чтобы там развести костер и обогреться. Вспомнил, что в детстве в такую вот пору случалось купаться в реке. На спор с друзьями искупался в холодной, как лед, воде.

3 октября. Славно вымылись в бане. Прилетали с разведывательной целью немецкие «фокке-вулфы». Наши зенитчики почему-то не обнаружили себя, поскромничали. Завтрак и обед у нас сегодня на славу.

9 октября. В 8.30 двинулись на Москву, Волоколамск, Погорелое. Дорога прекрасная, особенно Минское и Можайское шоссе. За полсотни километров от Москвы все меньше встречали следы разрушения городов и деревень. Руза — последний перед Москвой пострадавший город.

В столицу приехали с наступлением сумерек. Все нам очень интересно. Здесь люди живут по-человечески, на улицах шум, большое движение. Меня будто ошпарила новая обстановка. Стояли часа три из-за скопления машин. Двинулись из Москвы ночью с большими трудностями. Опять едем с потушенными фарами, а улиц — сотни. Спасибо Соловьеву, он хорошо знает столицу, вывел нас.

10 октября. В 4.30 остановились в одном из домов пригорода Москвы позавтракать. Хозяйкой оказалась девушка лет семнадцати, удивительно хорошенькая. Мне показалось, что она выделила меня из других, потому что как-то особенно тепло улыбалась мне, глядя своими голубыми глазами. Отвык от всего. Было немного грустно и странно. Живут они с матерью, очень бедствуют. Если бы была возможность, с удовольствием помог бы им. Перед уходом все-таки осмелился сказать ей о чем-то главном, понятном только нам двоим.

Проезжаем город Истра. Невредим здесь лишь один деревянный домик, от остальных — сплошные развалины и печные трубы. Дикое опустошение. Старинный монастырь — исторический памятник, кремль, башни, бойницы — все разбито.

Обедаем в деревне Ядрово. Здесь мы стояли с 20 по 25 мая. Все уничтожено, заросло травами, неузнаваемо.

12 октября. Прибыли в Карамзино.

13 октября. Получили приказ занять боевой порядок вдоль реки Вазузы.

14 октября. Часть людей оставили оборудовать оборону, а нас отправляют строить деревянную дорогу в район деревни Покров. До места — расстояние 13—15 километров — шли пешком. Кое-как добрались и сразу же приступили к работе. Таскаем на плечах лес.

16 октября. Идет холодный дождь. Работаем сутки без отдыха. Особенно трудно пришлось ночью. Темно, в двух метрах ничего не видно, кругом грязь непролазная. К утру совсем обессилели, спим сидя у костра.

На завтрак опять похлебка из пшена без соли и хлеба. Есть сведения, что немцы разбомбили эшелон с продовольствием. Хоть и трудно, хоть и остались у нас одни носы, всё стерпим. На то и война.

17 октября. Поздно вечером идем в расположение своей части. Мы с Немышевым ведем под руки Ханина. У него куриная слепота. Ничего не видит и, кроме того, ослаб. Отстали из-за Ханина от своих, сбились с дороги и решили заночевать в подбитом «дугласе». Но пролежали в нем минут сорок, замерзли. Кое-как развели костер. Один поддерживает огонь, двое спят по переменке.

18 октября. Рано утром с горем пополам добрались до расположения. Отдыхали через каждые 100—200 метров. Но к нашему приходу подвезли продукты и даже белый хлеб, который мы вообще давно уже не видели. Весь день спали беспробудно.

19 октября. Полковое построение. Командир полка Яковлев вручал первые награды за Кармановскую операцию. Из нашего дивизиона получили медали «За боевые заслуги» санинструктор Жаркова, красноармейцы Агапов, Кялин и (посмертно) наш телефонист Василевский. Комполка сказал, что бои впереди предстоят жестокие и награды эти не последние. И опять, как всегда, добавил кое-что смешное. С ним всегда приходит доброе настроение.

20 октября. Ночь. Идем в деревню Игнатовку оборудовать НП. Здесь мы с Найдышкиным сделали себе маленький блиндажик с одним тоненьким накатом. Леса нет, собирали что попадет под руку. Хорошо, что фрицы освещают время от времени ракетами передний край. Пользуемся этим светом, работаем. Немцы часто беспокоят артналетами. На расвете вернулись в расположение.

21 октября. В 23.00 идем с Найдышкиным дежурить на НП. Соорудили из глины печурку. Блиндажик наш такой маленький, что едва помещаемся в нем. К утру натопили, стало тепло.

25 октября. Погода стоит невеселая. Никаких боевых действий не ведем. Связь держим на всякий случай. Разведчики ведут наблюдение за противником. Копаем брошенный в поле картофель неподалеку от нашего НП и готовим себе дополнительные обеды. Но этим самым себя демаскируем.

Вообще тут устроили целый колхоз. Братва прет со всех сторон и прямо днем роет картошку. Мы-то хоть только вечерами этим занимаемся. А эти, пришлые, ничего не признают. Немцы заметили у нас большое движение. Уже два снаряда разорвались в нескольких метрах от нашего блиндажика. Взрывной волной разметало накат. Нас с Найдышкиным сильно засыпало землей, кое-как выбрались. Мало-мало маладили свою

«Хоромину» и — опять туда. Опять рассказы, мечты, воспоминания, сон.

31 октября. Противник предпринял несколько сильных артналетов по нашему НП. Легко ранило лейтенанта Быкова. Интересный случай произошел с телефонистом Васюковым. Он один дежурил на телефоне. Вышел набрать дров, и в этот момент тяжелый снаряд угодил в блиндаж Васюкова, даже в то место, где телефонист обычно сидел или лежал. Снаряд, не разорвавшись, глубоко ушел в землю.

1 ноября. Отличный ясный день. Противник сильно обстреливает наши огневые. Убило повара Филишова, Иванова и двоих тяжело ранило. Немецкие самолеты не унимаются. С правого фланга передают, что фрицы вылезли из блиндажей и любят, как их летчики сбрасывают на нас бомбы.

2 ноября. Прибыл новый начальник связи лейтенант Рыльцев. Знакомился и беседовал с нами. На фронте он почти не был, но, если верить его словам, знает многое. Сейчас о нем ничего определенного сказать не могу. Увидим на деле.

В 23.55 тревога. Идем на НП. Темно. Грязь. Часто падаем. Едва дошли — отбой. Возвращаемся. Хороша прогулка, так сказать.

4 ноября. В 23.30 идем на НП на смену. Гарагин не спешит на отдых, желает остаться со мной. Чем объяснить эту привязанность его и вообще всех бойцов ко мне? Ведь я даже строже, по-моему, других командиров отделения.

6 ноября. Получили зимнее обмундирование: теплые брюки, фуфайки, безрукавки, валенки, шапки, рукавицы и теплое белье. Я себе выбрал неуклюжий, но зато добротный полушубок. В нем я больше похож на колхозника, чем на командира отделения.

7 ноября. Вот и праздник, годовщина Великого Октября. Встречаем ее в тех же блиндажах. Разница только в том, что сегодня похолоднее, да немец в честь праздника угощает нас почаще снарядами — только накат подскакивает. Пять раз подряд исправляли связь. Два раза попали под обстрел и, главное, в чистом поле, так что и спрятаться некуда. Но все обошлось.

10 ноября. На рассвете заявила о себе наша артиллерия. Или просто «пробуем», или берем «языка».

11 ноября. Вечером «катюши» в ста метрах от нас обстреливали деревню Пруды. Снаряды вылетают и летят сперва, как огненный змей из сказки, а потом уменьшаются и вдали кажутся маленькой искоркой. И так — один за другим. Происходит все мгновенно, а взрывы ужасной силы, и осколки в ночное время светятся и разлетаются в разные стороны.

После налета почти вся деревня сразу же загорелась, и зарево осветило все вокруг на несколько километров. Фрицы забегали, а наши артиллеристы открыли по ним беглый огонь. Как только «катюши» успели отъехать, немцы обстреливали то место, но было поздно.

13 ноября. Никаких изменений. Так надоело сидеть в земле! Скорее бы наступать, что ли. Вечером шрапнелью ранило телефониста Фролова.

14 ноября. Ночью я один отправился в тылы и заблудился. Вышел на передовую. Еще немного и угодил бы, наверное, к немцам. Хорошо, что оступился и свалился в траншею прямо на спящего часового. Тот до полусмерти перепугался, выскочил из-под меня, схватился за винтовку и стал дергать затвор. Я вырвал у него из рук винтовку и кое-как убедил его, что я свой. Узнал, что стоит он в передней траншее. Заснул на посту. Совсем молоденький. Он показал мне дорогу, но, видно, опять не ту. Я проплутал всю ночь, исходил километров десять, но так и не добрался до места. Только утром обнаружил, что оказался в четырех километрах правее своих тылов. Явился весь мокрый от пота, усталый. Сегодня почему-то фрицы не запускали ракет.

25 ноября. С рассветом началась артподготовка. Силен наш огонь. Но, к несчастью, помешала сильная пурга, не стало никакой видимости. Немец ведет ответный огонь по нашим боевым порядкам, особенно по переднему краю.

Выдали сегодня на три дня водки. Настро-

ние превосходное. Не страшны ни горе, ни беда.

Снялись. Едем на правую переправу. Перебрались на ту сторону. Немцы заметили нас, ведут ураганный огонь. Укрыться негде и вперед ехать нельзя, нет продвижения. Большие потери. Вернулись к реке. Ночуем в поле. Я устроился на куче веток. За ночь несколько раз бегал, грелся.

26 ноября. Рано утром заняли старые боевые порядки. НП выбрали на высоте «250». Дасм связь сразу в несколько направлений.

Мне с группой пришлось тянуть ее через так называемую «долину смерти», где сосредоточился наш кавалерийский полк. Немец начал эту долину сильно обстреливать и бомбить. Здесь я потерял Козляева. Он пошел к ручью напиться и как раз попал под бомбежку. Искал его, не нашел.

Вот проклятый фриц! Наделал бед. Слышны стоны и предсмертное ржание лошадей. Но досталось и немецким самолетам. За день было сбито семнадцать тяжелых бомбардировщиков. Вот он, успех наших зенитчиков!

28 ноября. Затишье. Ходили с комсоргом дивизиона сержантом Цунаевым, искали Козляева. Найти так и не смогли. Да и мудрено, все перемешано: трупы людей, лошадей, развороченные груды мерзлой земли, из которой торчит то окровавленная рука, то голова. Ужас. А ведь мы почти привыкли к этому. Уже не содрогается при виде человеческого мяса, как это было в первые дни пребывания на фронте.

30 ноября. Деревня Пруды. Меняем НП. Блиндажей нет. Леса поблизости — тоже. Земля мерзлая, лопатой не возьмешь. Я нашел небольшой ровик, перекрыл его разными дощечками, ветками и сверху накидал немного земли со снегом. Организую связь между батареей и НП. Сидим с начштаба Давыдовым в моей «крепости» на корточках. В каске жжем щепки, прутья, греем носы. А спина и ноги замерзают.

1 декабря. Перешли в блиндаж бывшего немецкого НП, тоже маленький, но лучше нашего. Ночью можно натопить и согреться. Связь рвется через каждые 20—30 минут. Остался один, люди все на пехотной линии.

В блиндаж почти не захожу, без конца исправляю линию и все время под обстрелом.

2 декабря. Поддерживали пехоту, которая сегодня билась за деревню Жеребцы, но все атаки наших окончились неудачей. У пехотинцев большие потери. И связь наша изорвана снарядами в клочья.

5 декабря. Выбили немцев из деревни Хлепень. Накрыли их пушку, что стояла в церкви и причиняла нам много неприятностей. Теперь ходим по Прудам с разогнутой спиной.

9 декабря. Противник заметил связистов и открыл минометный огонь. Ранен в живот старший сержант Корякин. Снайпером убит лейтенант Сатановский. Поздно вечером пришел раненный в грудь Лукьянов.

10 декабря. Шестнадцать человек в небольшой яме, накрытой плащ-палатками. Спим сидя, скорчившись на голой земле, не более трех-четырех часов в сутки. Днем идет мокрый снег, а ночами здорово примораживает, даже гимнастерка застывает, не говоря уж о шинели, которая делается жесткой, как железо. Костры жечь нельзя. Кроме всего этого, фрицы обстреливают нас через каждый час.

11 декабря. Всем хозяйством ведем артнаступление на станцию Мурзино. Наша пехота не дошла до траншеи и залегла.

Вечером ранило сержанта Цунаева. Восемь осколков засело в его спине, но все маленькие. Удивительно, как это меня не задело. Мина разорвалась между нами, а я находился метрах в пяти от Цунаева.

14 декабря. Перенесли НП под деревню Яблоньки. Здесь убит командир 3-го дивизиона Пашалевич.

25 декабря. Перенесли НП в Печору и Хлепень. Потерялся мой связист Замышляев. Вероятно, убит, так как он находился на линии во время сильнейшего обстрела.

28 декабря. Во время очередного поиска нашел Замышляева, заброшенного взрывом в яму. Весь он искромсан осколками и черный от газов. Узнал его лишь по куртке. Жалко мужика! Семья у него осталась большая—семеро детей, и все малышня. А сколько я сегодня видел трупов наших бойцов. И

ведь у каждого из них где-то матери, жены, дети, близкие. Дома еще не знают о беде, надеются, ждут. Когда-то еще дойдет до родных скорбная весть. И даже когда придет похоронка, погибших все равно будут ждать... Проклятая война!

29 декабря. Ходили к церкви за дровами. Вот где фрицев набито! При виде их трупов подумалось: так и надо, не мы к ним пришли, они к нам.

30 декабря. На НП в деревне Хленень прямым попаданием в блиндаж тяжело ранены комбат Ксенофонтов, лейтенант Бражник и сержант Пылев. Убит телефонист Анопкин.

31 декабря. Новый год встретили так: ровно в 24.00 выпили по сто граммов водки, закусили немного, после чего нагрузились катушками и потянули связь в деревню Арестово. В честь праздничка фриц так угощает, что мы, пока до места дотянули, едва живы остались. Этот новый год будет для меня памятным надолго. Катушкой с кабелем сильно ушибло бок, когда падал при обстреле.

1943 год

1 января. Установились сильные морозы. Наше положение с жильем не улучшилось. ЦТС находится все в том же «курятнике». Начальство перешло в другой блиндаж. Дров нет. Собираем прутья, сухую прошлогоднюю траву, а в основном сидим в нетопленном блиндаже. Замерзаем до того, что не разгибаются руки и ноги.

5 января. Положение с водой у нас не лучше, чем с дровами. Во всей округе один колодец, да и тот такой глубокий, что быстро воды не достанешь. Немцы знают это и держат колодец под постоянным наблюдением, стоит появиться там бойцам — начинают обстреливать.

Едва стемнело, пошел за водой. Около колодца собралось человек восемь. Немцы знают, что в это время мы берем воду. Как обычно, начали артобстрел. Мы успели укрыться в траншее. А солдат, который тащил ведро, не захотел, видно, расстаться с водой и продолжал свое дело. Снарядом ему оторвало голову и отбросило ее метров на десять

от колодца. Снаряды падали очень кучно. Один из них разорвался совсем близко от того места, где я лежал. Меня сильно оглушило, так что я кое-как пришел в себя. Весь верх колодца разбило. Воду пришлось брать из небольшого озера, а точнее из большой лужи. Летом здесь, вероятно, купались гуси и утки, а сейчас валялось несколько трупов немцев и две убитые лошади. Оно бы ничего, если бы не зловонный запах. Вот эту водичку мы теперь и попиваем.

6 января. Перешли в бывший немецкий блиндажик. Он удобнее, но зато опаснее, так как выход — прямо к противнику. Немецкий снаряд может свободно залететь в дверь.

10 января. Погода днем стоит ясная. Хорошо наблюдается. Ранило в руку моего бойца Ханина, но неопасно.

12 января. Мои предчувствия меня не обманули. Как не хотелось переходить во вражеский блиндаж. В десять утра немцы начали обстреливать наш район. Мы несколько раз исправляли связь. Вернулись и сидели в блиндаже. Никулин, Безлуный и я. Я навалился на сырую переднюю стенку, Никулин — рядом со мной, Безлуный на нарах напротив, рассказывает о том, что слышал сообщение по радио об освобождении его родного села на Кубани. Сидит он и радуется, что теперь жене и ребятенку можно письмо написать. Мы с Никулиным слушаем, а он разволновался, начал вспоминать, как до войны жил, гулял со своей женой, работал. И вдруг в это время сильнейший взрыв. В первый момент я даже не понял, в чем дело. Сплошной шум стоял в голове. Потом почувствовал, что по лицу моему что-то течет. Потрогал руками — кровь и еще что-то, теплое, липкое.

Бросился я к товарищам. У Никулина снесло череп, и я понял, что его мозги были на моем лице и шинели. Безлуный хрипел и вроде силился подняться. Я схватил его, положил себе на колени, хотел перевязать. Расстегнул его фуфайку и увидел, что вся грудь моего боевого товарища разворочена. Он скончался на моих руках. Я положил тело Безлуного на нары рядом с собой. Обстрел продолжался. Снаряды рвались совсем

близко, содрогалась земля. Меня сковал ужас, какого я никогда раньше не испытывал. Мне казалось, что опять снаряд за снарядом рвется в углу моего блиндажа. После я понял: этот страх был следствием контузии, которую я тогда получил.

Едва закончился обстрел, прибежали Немышевы, Соколов и кто-то еще. Они не узнали меня, так как я был весь в крови и почернел от пороховых газов.

Никулина и Безлуного похоронили здесь же, в Прудах. В похоронах я не участвовал, у меня сильно болела от контузии голова.

18 января. Теперь дежури́м в более безопасном блиндаже. Линия рвется по-прежнему часто, так что бегать приходится много.

21 января. Из моих бойцов убит Гаранин. Сильно заболел Савельев, отправлен в госпиталь.

28 января. В 14.00 сильнейшая десятиминутная артподготовка. Штурмует штрафная рота.

1 февраля. В районе деревни Жеребцы немцы после короткой артподготовки перешли в контратаку. Их успехи незначительны, разбили фрицев в пух и прах.

4 февраля. Иду дежурить к пехотинцам вместо офицера. Условия плохие. Блиндажи маленький, лазаем в нем только на коротках. Днем печь топить совсем нельзя. Противник всего в двухстах метрах от нас, да и дров нет. Часто ходим за топливом на нейтральную полосу. Вся местность сильно протреливается.

11 февраля. Ночь. Буран. Бесконечно рвется связь. Убит Делиуров. Он москвич. Инженер-геолог с высшим образованием. Очень умный был и образованнейший человек. Жалко.

12 февраля. За день так намерзлились, что уж никакого терпения нет. Вечер. Буран и темень. С ординарцем пехотного командира ходили на нейтральную полосу за дровами. Подошли к самым немецким окопам. Отчетливо слышали их разговор. Постояли, послушали. Вдруг рядом с нами «заговорил» пулемет, и вслед за этим в небо взлетели три осветительные ракеты. Мы поспешно скрылись, но дров все-таки принесли.

15 февраля. День солнечный. Получил приказ явиться со всеми своими хлопцами на старые позиции.

18 февраля. Снялись с боевых порядков, остановились в тылах. После стольких опасностей и тяжелых условий можно хоть немного отдохнуть и разогнуть спины.

19 февраля. Ждем. Должны куда-то нас отправить. Живем в мерзлых блиндажах, но настроение у всех прекрасное. Сидим у костров и делимся друг с другом впечатлениями за три прошедших месяца.

20 февраля. В 24.00 начали двигаться к месту сосредоточения.

21 февраля. Прибыли в село Погорелое. Оправдали фашисты название села, сожгли дотла. Ни одного дома не сохранилось. Живем под открытым небом. Ждем погрузки. Ели сегодня удивительный суп из яичного порошка.

23 февраля. Погрузились двадцать второго на машины. Ночью прибыли в Москву. По ней нас возили до утра.

24 февраля. В 18.00 разгрузились на станции Кудринская и сосредоточились в деревне Тучинка. Вся она забита военными. Я кое-как устроился в школе у старушки-учительницы. Напился чаю и впервые за семь месяцев лег спать в квартире. Только успел заснуть, как поступил приказ отправляться дальше.

Едем всю ночь. Сильный ветер и мороз порядочный. Пытаемся спать сидя. Сильно трясет.

25 февраля. Прибыли в какой-то лес. Здесь стоял недавно госпиталь. Блиндажи тут хорошие, но жить в них не придется.

1 марта. Продолжаем двигаться. Дорога плохая. Оттепель. Снег стал рыхлым.

2 марта. В 8 утра остановились в лесу. Здесь у костров завтракаем и отдыхаем. Не дождавшись обеда, снова двинулись вперед. Прибыли в деревню Дуда-Монастырская, это северо-восточнее г. Орла. Ночью занимаем боевой порядок, даем связь.

4 марта. Заняли НП западнее Пырынки. На этом участке противник упорно сопротивляется. Наши части наступают с двадцать

третьего февраля и продвинулись за это время всего на три-четыре километра. Фрицы укрепились на высотах — деревни Ашково, Крестьянская гора и другие. Наши позиции не выгодные.

7 марта. Сколько ни пытаемся наступать, все безрезультатно. Немцы здорово бомбят. Гибнет много лошадей, конского мяса едим вдоволь.

Сегодня били наши «катюши». Я еще не видел такого ураганного огня. Черту — и тому стало бы тошно.

13 марта. Перешли в оборону. Наш дивизион ведет огонь по деревне Островская. Подожгли большой дом. У фрицев поднялась паника. Их сегодня немало побили. Левый фланг вел бой за деревню Ясенки.

17 марта. Эти пять дней много работаем. Трудно, земля мерзлая. У нас большое скопление живой силы и техники. Противник сильно обстреливает. Тяжело ранен в голову Ваня Игнатьев. Вечером поступил приказ о смене позиции.

18 марта. Немец, заметив, что вчера много частей снялось с левого фланга, перешел в атаку. Наши попали в окружение. Часть их сумела выбраться, а часть так и не вернулась. Или погибли, или попали в плен.

20 марта. За эти три дня измучились до полусмерти. Третью ночь не спим. Копаем мерзлую землю для блиндажей, одновременно даем связь.

20 апреля. Ровно месяц не брались за дневник. Обстановка заметно изменилась. Стоим на том же месте. Противник ведет себя в последние дни спокойно. И связь не рвется. Хорошо. Дежури́м: Пайдыкин, Корюков и я. Помылись в бане.

4 мая. Снялись с боевых порядков. Прибыли в район Аладино.

20 мая. Погода стоит прекрасная. Уже трава большая, и лес опушился. Прибыло пополнение. Ребята, видать, что падо. В мое отделение вошли Кокорин, Клеопин, Логвинов, Есипов и Перегудов.

28 мая. Выехали на новые порядки, район за рекой Жиздрой и в деревне Полосово.

15 июня. Объяснили, что вводятся офицерские звания: младший лейтенант, лейтенант,

старший лейтенант, капитан, майор, подполковник, полковник и генеральские звания. И младший комсостав: младший сержант, старшина и какой-то ефрейтор. Красноармейцев будем отныне называть солдатами и будем носить погоны. Хотя смысл такого нововведения объяснили, но разговоров было много на эту тему. Особенно старички недоумевали: «Это что же — к старому возвращаемся?».

20 июня. Вчера всем вручили погоны. Пришили их, и каждый идет, а сам нет-нет да и глянет на свои плечи. Непривычно как-то.

Во второй батарее один пожилой красноармеец категорически отказался пришивать погоны. Говорит, что он в гражданскую войну дрался с погонниками, а теперь его самого заставляют носить эти штуки. Вызывали его к замполиту полка. Неизвестно пока, чем там кончилось.

Офицеров своих узнать не можем. С одной стороны, они выглядят с погонами лучше, подтянутей, строже. А с другой — немного чужими.

25 июня. Наконец-то капитально укрепили свои позиции. Наверно, больше не будем их менять. Или наступать начнем с этих рубежей, или стоять насмерть.

5 июля. На левом фланге — мощная канонада. Непонятно: или наши наступают, или фрицы прут. Здесь пока тихо, но нас предупредили: не исключено, что немцы попытаются прорвать оборону именно на нашем участке. Мы ждем и готовы отразить нападение. Запаслись патронами, гранатами, а, самое главное, проложили связь, чтобы славно играла наша музыка. Пусть сунутся!

8 июля. Стало известно, что 5 июля немцы начали наступление, но войска нашего левого фланга успешно отбивают все их атаки. Значит, наша берет! Мы ждем. Но у нас пока тихо.

12 июля. В 5.00 получили приказ. В 6.00 должен начаться «концерт» с нашей стороны. В 5.20 позавтракали.

И вот 6.00. Грохот тысяч орудий, залпы реактивных «кадюш» и наших знаменитых «катюш». Масса снарядов обрушилась на передовую фашистов. Потом огонь перенесли

на тылы противника. В это время пошла на нас пехота. Первые и вторые траншеи врага взяли без потерь, с ходу.

Мы следом за пехотой потянули связь на новый НП. Трудно передать словами, какая картина представилась нашим взорам на передовой фашистов. Артиллерия и «катюши» все перемешали. Все траншеи будто перепаханы, блиндажи разрушены. Ничего от фрицев не осталось. Руки, ноги, головы... Месиво.

Пехотинцы вели шестнадцать пленных немцев. Все они ошалелые. Конвоиры показали нам двоих, которые помещались. Один все таращил глаза и что-то лопотал по-своему. Штаны у него мокрые и запах от него такой, что с ног валит. А второй молчит и только руки к небу поднимает. Вроде молится. Остальные — не лучше. Озираются, боятся, что их бить будут. Противно смотреть. Ну и вояки! Как мокрые курицы. Это им не сорок первый год.

Артиллерия немцев ведет огонь, а мы все продвигаемся вперед. За день прошли километров десять. К концу дня почему-то нашему полку дали отбой. Как обидно: самое трудное сделали, а теперь сиди и жди неизвестно чего. Ведь так долго жаждали мы этого момента — наступления.

13 июля. В 5.00 выехали на новое место. Куда — не знаем. Сверяю по азимуту направление. Движемся на северо-запад.

15 июля. Прибыли в район Спас-Демеска. В этот же день заняли боевые позиции. Наш НП расположился на самой передовой, т. е. вместе с пехотой. Связь проложили в главной траншее, что ведет к передовой. В ней не менее сорока ниток кабелей проложено, в случае порыва ничего не найдешь.

Здесь фашисты ведут себя агрессивно, без конца обстреливают передовую из всех видов оружия.

16 июля. В траншее закрепляем связь «прищепками», которые специально наделали из сучьев. Все хоть будет отделена от общей массы. Три раза попадали под артналет противника. Пока обошлось, никого не задело.

17 июля. В 6.30 наша артподготовка. По сравнению с Орловским направлением — намного слабее. Вероятно, поэтому наши танки

и пехота сумели выбить фрицев только из первых траншей, а дальше продвинуться не смогли. Кроме того, что фашистская артиллерия и минометы ведут непрерывный огонь, их пулеметчики и снайперы не дают поднять головы.

Сегодня у нас большое горе — погиб мой боевой друг весельчак Найдышкин. Родом он из Красноярского края, Иланского района. Во время артподготовки порвалась связь. Найдышкин с Логвиновым исправили ее, а на обратном пути мой друг угодил под прямое попадание тяжелого снаряда... Кое-что собрали и там же похоронили. Какой парень был! Вчера вечером он особенно всех уморил со смеху. Перед бедой, видать. Есть такая примета.

18 июля. В 6.00 опять артподготовка. Ведем обстрел только по целям. Наши танки и пехота наконец-то прорвали оборону немцев. Мы идем вместе с пехотой. В лесу задержали немецкого повара, который на лошади вез завтрак своим на передовую. Упитанный, здоровенный, он до полусмерти напугался, когда мы вышли из леса ему навстречу. Хотел повернуть, но было уже поздно, мы его окружили.

Смеху было! «Предложили» немцу накормить желающих. Завтрак оказался королевским: рис с мясным фаршем и кофе на молоке с сахаром. Те, кому не хватило, едва не поколотили повара, но мы, сытые, не дали. А пехотный лейтенант выделил солдата, чтобы тот сопровождал пленного с его кухней в наши тылы.

Мы прошли еще километра три и нашли в лесу немецкие блиндажи и с десятков привязанных к деревьям лошадей. Что это были за лошади: гладкие, тонконогие красавцы! Бойцы начали гладить их, ласкать. И в это время появились немецкие самолеты и начали сбрасывать на нас бомбы и ящики с маленькими бомбочками, которые сыпались, как горох, и при разрыве разлетались на тысячи мелких осколков. Это было новое немецкое оружие. Мы попадали на землю. А бедные лошади ржали и метались на привязи. Как они чувствуют опасность! Одну лошадь убило, трех ранило. После налета их пришлось

пристрелить. Остальных мы отвязали и пошли дальше, вперед.

23 июля. Колотим фрицев капитально. Взяли Ярцево. Продвигаемся к Смоленску.

5 ноября. За это время записи не вел. Взяли Смоленск, несколько небольших городов и много деревень. Были успешные бои, были и неудачи. Но успехов — больше. И это радует нас всех.

18 ноября. Прибыли под Оршу. Целей и задач пока не знаем. То ли наступать будем, то ли оборону держать. Местность очень плохая: низкая, широченная и открытая со всех сторон долина. Под ногами торф. Говорят, пласт его достигает трех-пяти метров толщины.

19 ноября. Едва начало темнеть, мы поднялись на единственную высотку, что слева долины, чтобы оборудовать там наблюдательный пункт. Не успели выкопать ровики, как немцы начали методично, с небольшими перерывами обстреливать высоту реактивными снарядами. Они рвутся вокруг нас. Трое наших залезли в блиндажик, кем-то ранее оборудованный. Рядом разорвался снаряд, и блиндажик от сильного сотрясения обвалился. Ребят придавило. Мы с Немышевым кое-как этот завал разобрали, благо, земли на накате было немного.

Высоту пришлось покинуть. На склоне нашли заброшенный блиндажик, просидели в нем до утра.

20 ноября. Узнали, что до нас многие пытались оборудовать НП на этой высоте, но это никому не удалось, только людей зря теряли. Немцы беспрерывно обстреливают высоту, вся земля снарядами перепажана. Оборудовали наблюдательный в низине. В торфе начали рыть траншеи. Выкопали сантиметров на семьдесят, дальше — вода. Блиндажи получились низкие, попасть в них можно только ползком, а внутри находиться в сидячем положении. Земля сырая, и сверху капает, потому что беспрерывно идет дождь.

25 ноября. Утром сидели в блиндаже, и вдруг здоровенный снаряд пробил стенку траншеи ниже наката и влетел к нам в блиндаж, но почему-то не разорвался. Ефрейтор Мельников (из Новосибирской области) схва-

тил снаряд и выбросил его наружу. Пострадал, правда, молодой связист Елкин. Снаряд вскользь задел его по бедру, сильно ушиб. Пришлось парня отправлять в тыл.

Сначала было переполоху, а потом целый день смеялись, что так легко отделались. Если бы снаряд рванул, как ему полагается, от нас, восьмью человек, одни бы ключья остались. Мы от души благодарим тех, кто сотворил этот «гостинец».

29 ноября. Держим оборону. Наступлений вроде не предвидится. Отсиживаемся в блиндажах. Стоит голову высунуть, как уже пули свистят. Часто немцы устраивают артиллерийские и минометные обстрелы. Траншеи мелкие, блиндажи негодные. Связь проложена по открытой местности, часто рвется, а исправлять ее — чистое наказание. Приходится пробираться перебежками, а в лучшем случае — ползком. И все время под прицелом немецких пулеметчиков. У немцев-то укрепления капитальные, они на высоте.

1 декабря. Первый день зимы, а здесь еще не было настоящих морозов. Днем идет дождь со снегом, ночью примораживает до 10 градусов. Шинели смерзаются так, что рук нельзя поднять. Шутим друг над другом... Но так хочется согреться, высушиться, помыться по-настоящему, выспаться. А главное — жить где угодно: хоть в пекле, хоть на Северном полюсе, работать день и ночь, делать любое, пусть самое трудное дело, но только не быть постоянно под смертью, не слышать разрывов этих проклятых мин, снарядов. Так хочется жить! Ведь все мы еще такие молодые, и многие из нас еще не прикасались к женщине. Скольких же не досчитался в этом году только наш дивизион!

Немцам мы сломали рога. Не те теперь стали фашисты, что раньше. Правда, они еще достаточно сильны и умеют драться, но и мы стали другими, если вспомнить сорок первый, сорок второй годы. Техника теперь не та, что прежде. А главное, мы не те. Теперь мы не бежим от немецкого танка, а стремимся навстречу, чтобы уничтожить его, и знаем, как это лучше сделать.

6 декабря. Наконец-то снялись из-под Орши. Радости нашей нет предела. Хоть куда, только бы подальше от этих болот.

9 декабря. Приехали под деревню Соловьи Оршинского района Витебской области. Заняли боевые порядки, оборудовали связь и НП. Построили настоящие блиндажи, установили печурки. Наконец-то зажили по-человечески. Здесь, конечно, тоже постреливают, но хоть обогреться есть где. Стоим в обороне. Связь проложили надежно, рвется редко. Немцы сидят здесь крепко. Наступлений пока не предвидится.

Любители режут в «козла», а я достал у полкового врача Клавдии Михайловны две книги. Читаю. Спасибо ей!

31 декабря. Снялись с передовой. Ехали всю ночь. Новый год встретили в пути. А я вдруг вспомнил, как праздновал Новый год в своей родной Тайге. В клубе имени Ленина был молодежный карнавал. Как радостно тогда было! Поделится мыслями с Борисом Соколовым, он из Москвы родом. Борис рассказал, как бывал на карнавалах в столице. Ну, гады, эти фашисты! Что наделали, а? И сколько еще человеческой крови прольется, пока все кончится. Но теперь-то уж видно, что наша взяла. Скоро им конец будет.

1944 год

2 января. Прибыли в деревню Киргиты Смоленской области, похоже на то, что здесь отдохнем. Наконец-то командование сжалилось над нами. Да и как же иначе? Совсем мало осталось в полку людей. Надо пополняться.

8 января. Как прекрасно здесь! Тихо, снаряды не рвутся, и пули не свистят. Даже не верится, что бывает такая тишина. Деревня целая, а мы рядом в лесу наделали землянок.

20 января. Устроились нормально. Землянки теплые. Жить можно. Получили пополнение людьми и новой техникой. Занимаемся, обучаем новичков, да и «старичков» не забываем.

Бойцы поправились, отмылись, получили

новое обмундирование и стали поговаривать о девчатах. Некоторые бегают по ближайшим деревням. А там девчата — жалко смотреть. Голодные, одеты во что попало. На одной ноге валенок, на другой галоша. Юбки и рубахи на них из мешковины, плащ-палаток наших и немецких. На ком шубенки драные, на ком шинели солдатские, а третьи — вообще в лохмотьях. Особенно те плохо одеты, у кого дома со всеми манатками сгорели. Большинство стесняется своего убогого вида, а те, что побойчее, говорят: «Эх, хлопцы, вы бы нам из еды что-нибудь принесли или гимнастерку какую старую подарили. А насчет любви... Какая там любовь, мы же еле ноги таскаем...»

15 марта. Все еще стоим в тылах. Такой длительный отдых дали нам впервые, хотя наш полк это и заслужил. Ведь с 1942 года мы с передовой не вылазили, за исключением небольших передышек. Все в боях и в боях.

18 марта. Наш взвод связи подвергли проверке по спец- и политподготовке. Был даже представитель из корпуса. У нас все нормально.

20 апреля. Уже совсем тепло. Здесь намного теплее, чем у нас в Сибири. Весна, какая прекрасная пора! Если бы еще и мирное время. Куда захотел бы, туда и пошел. И с кем захотел — с друзьями, девушкой...

Крестьяне начали пахоту, но как? Бедные! На всю деревню осталось две лошаденки да столько же коров. А в иных деревнях и того нет. Так вот, пашут на этих лошаденках или коровах, а они больше стоят, чем работают, потому что, как и люди, еле ноги таскают. Чаще в плуг запрягаются восемь-десять женщин и тянут его на себе. Картина просто ужасная.

Вчера мы, восемь человек, изъявили желание таскать плуг и часа три упирались. Вспотели, натерли плечи. Не знаю, как остальные, а я был очень доволен, что хоть немного смог помочь несчастным женщинам. Как они нас благодарили!

25 апреля. Снялись, поехали на передовую. Продвигаемся только ночью.

27 апреля. Прибыли в район Кричев Могилевской области.

29 апреля. Переехали в район Слобода.

30—31 апреля. Ночами под деревней Усушки оборудовали траншеи, блиндажи.

1 мая. Ночью заняли боевой порядок. Дали связь, но ее нужно будет еще заглублять от танков.

7 мая. Все эти дни вели пристрелку перестрелочной противника. Почти все орудия со второго выстрела попадали по траншеям фашистов. Наш командир дивизиона доволен.

9 мая. Поздно вечером даем связь на левый фланг. Зачем? Начальство не говорит. Что-то задумано. Связь дали хорошую, но как ни поздно, а немцы заметили нас и в ложине, возле мостика, обстреляли из крупнокалиберного пулемета. Туда и обратно пришлось ползти по-пластунски.

10 мая. Рано утром нам сказали, что на левом фланге будем поддерживать разведку боем. Проверили связь, все нормально. В 5.00 наш сильный артиллерист, а после него наши разведчики буквально влетели в траншею противника — они заранее еще потемну подползли к немецким окопам — и захватили в плен ефрейтора. Фриц оказался рыжим-рыжим. С нашей стороны потерь нет, только двоих разведчиков легко ранило. Редко разведка бывает такой удачной.

14 мая. Прямо днем прокладываем связь на правый фланг. Наши опять, видно, что-то затеяли. Противник заметил наше передвижение и открыл минометный огонь. Хотя и пришлось без конца падать на землю с катушками и телефонным аппаратом, обошлось все как нельзя лучше. Все живы и здоровы, жаль, связь в двух местах порвало снарядами.

15 мая. Опять разведка боем. Плотный огонь короткой артподготовки и затем ответный — противника. Многие разведчики сегодня погибли и ранены. А языка так и не взяли.

1 июня. Я с группой ребят поехал на левый фланг (25 километров от наших позиций) в район поселка Красная Поляна, чтобы оборудовать НП. Работаем с неохотой, потому что НП здесь все равно не будет. Просто начальство мозги «пудрит» немцам. Но братва вида не показывает, трудится. Когда

все сделали, только тогда поделились друг с другом своими сомнениями и предположениями.

4 июня. Сомнения наши подтвердились. Поступил приказ совсем в другом месте оборудовать НП и связь.

5 июня. Продолжаем оборудовать НП. У стереотрубы прямой наводкой убит разведчик Антонов.

9 июня. Только закончили оборудование пятикатного блиндажа и прилегли отдохнуть, как получили приказ сняться с боевых позиций. Почти всю ночь сворачивали связь, со штабом она была продолжена по густому лесу. Утром выехали в район наших тылов.

10 июня. Вчера вечером выехали, а сегодня в 6 утра прибыли на место сосредоточения в район леса, южнее деревни Мальковки.

12 июня. Предыдущие два дня весело и с пользой провели время. Погода была на уровне. Мы наделали городков, играли в них и в домино. Соорудили из тряпок мяч и гоняли в футбол. Показывали свою силу и ловкость в борьбе. Мой земляк Минаев оказался непобедимым в борьбе. Да и кто же с ним справится, таким быком? Рост его около двух метров и в плечах — косая сажень.

Необычно тихо без обстрелов. Успокоились нервы, и сразу принялись вспоминать мирное время. Ждать конца войны осталось недолго, по всему видно — скоро крышка фашистским гадам.

13 июня. Заняли боевые порядки. Кокорин, Соколов, Семин и я провели связь по траншее от штаба до НП. В этой траншее проложено столько линий связи, что если угодит мина или снаряд, едва ли найдешь свои концы.

15 июня. Опять наше начальство перенесло НП на новое место. Ночью колаем ямы, траншеи, ямы под блиндажи, таскаем на себе чуть не за километр бревна. Сколько земли перевернуто за эти 15 дней, трудно даже представить.

16 июня. Связь на НП прокладывали ночью по открытой местности. Дважды попадали под минометный обстрел. Из людей никто не пострадал, а вот только что проложенную связь порвало миной. Пришлось возвращать-

ся, чтобы найти концы. Не представляю, как будем исправлять повреждение днем под прицельным огнем немецких пулеметов и снайперов?

18 июня. Противник заметил, вероятно, большое движение у нас и обстреливает из всех калибров наши траншеи. Во время одного из налетов убит радист Саакян и еще есть убитые и раненные среди пехотинцев. Несколько снарядов угодило прямо в траншею и бруствер, поэтому связь со штабом рвалась без конца. Исправляли ее быстро благодаря тому, что мы с Кокориным, Шиловым, Батыровым, Многогрешным и Семиным хорошо закрепили ее по своему методу за борт траншеи. И ниток по траншее проложено не менее сорока. Попробуй пайди свою. Другие связи-сты не могут целыми днями восстановить связь, все перепутали. Нас же научил горький опыт прежних боев.

Хоть и поливают нас фашисты из всех видов оружия, но настроение у всех приподнятое. Чувствуем, что ожидается что-то большое.

19 июня. Немцы точно взбесились — продолжают обстреливать наши передовые из артиллерии, минометов, пулеметов, личного оружия.

Днем несколько раз рвалась связь с НП. Как я и предполагал, невероятно трудно устранять повреждение на открытой местности. Не показываем вида, но прощаемся мысленно с каждым из тех, кто идет на порыв. Все может случиться. Вот и мой черед. Мне как командиру отделения можно и не ходить, но я привык делить с товарищами по оружию все радости и невзгоды. Зато они за мной, как говорится, готовы в огонь и в воду. Не успел вылезть на бруствер, как начал за мной охотиться снайпер. Нет-нет, да прострочит землю пулеметная очередь. Пришлось передвигаться короткими перебежками, а в основном по-пластунски, благо, трава высокая. Восстановил связь, поспешил на НП, чтобы там отосидеться. Немного пробежал и вдруг услышал за спиной шипение снаряда. Упал на землю, и в то же время снаряд разорвался в четырех-пяти метрах от меня. Сильно ударило воздушной волной

и сыпануло землей, но осколка — ни одного. Значит, жив!

На НП все удивились, как уцелел. Они уж собрались за мной с плащ-палаткой ползти, останки мои собирать. Попало мне от Бати (в который раз!), что сам ходил на устранивание повреждения. Пришлось изворачиваться, что, мол, хотел посмотреть, нельзя ли связь в другом месте проложить. Несладко сегодня пришлось и остальным: Батырову, Кокорину, Логвинову, Семину, Павлову. За ними тоже охотился снайпер, и так же рвались поблизости снаряды.

Какие они все молодцы, мои солдаты! Взять хотя бы башкира Батырова. С виду тихоня, но какой смельчак и труженик! Или шутник Кокорин из Бурятии. Плотник по довоенной специальности, он здесь не расстается с топором. Как он выручает нас на строительстве блиндажей, укреплений. Этот не подведет, любой приказ выполнит точно. Или сорокалетиетний крестьянин Многогрешный из Красноярского края. Немногословен и любит говорить: «Раз надо, значит надо».

Ваня Логвинов — деревенский парень из Курской области, нетороплив и добродушен. Почему-то с ним постоянно приключаются какие-нибудь смешные истории.

Крепыш Семин из Горького — парень грамотный и смысленный, но любит почему-то потолковать о выпивках. Видать, грешил этим до войны. Мордвин Глухов — совсем еще мальчишка, наш всеобщий любимец. Красивый, как барышня: глазищи большие и черные, как смородины, лицо смуглое, а щеки всегда полыхают румянцем.

О каждом из них можно было бы написать книгу, об их ярких характерах, о том, как самоотверженно, изо дня в день вносят они свой вклад в дело победы над ненавистным врагом. Во что бы то ни стало победить, освободить родную землю от фашистов — ради этого очень часто под прицельным огнем немецких пулеметчиков-снайперов, артиллерийским обстрелом исправляют они связь, без нее наши батареи слепы. В любую минуту каждого подстерегает смерть или в лучшем случае ранение. Их работа здесь — это каждодневный подвиг.

Что-то я сегодня расфилософствовался во время ночного дежурства.

20 июня. Наши батареи продолжают артиллерию передовой противника: траншей, блиндажей, а особенно — пулеметных точек, минометных и артиллерийских батарей. Если судить по внешнему виду начальства, то все вроде идет нормально.

Вечером во время исправления связи мой солдат Кокорин и сержант второго отделения Соколов контужены тяжелым снарядом. Кокорин очухался немного, а Соколова пришлось отправлять в санчасть. Он, вероятно, к нам больше не вернется.

22 июня. Приказ Бати еще раз проверить связь, закрепить нитки. Все светлое время суток работаем. Несколько раз попадали под обстрел.

Рядом с нашим блиндажом находился блиндаж другой части. Прямым попаданием снаряда разнесло его накат — слабый был — и восемь человек — на куски... Похоронили их там же. У нас сегодня пока все живы-здоровы.

Встретил случайно земляка из Тайги, Михаила Зайцева. Пригласил его в свой блиндаж. Он позже меня попал на фронт. Поведал мне о родном городе. Приятного сообщил мало. Брат его младший, Николай, погиб. Я с ним дружил немного. На передовой Михаил первый день и чувствует себя неважно. Как раз был обстрел, побледиел земляк мой, сник. Для нас эти обстрелы теперь — привычное дело. А Зайцева я утешил: в первый раз со всеми так бывает. Привыкнет. Договорились встретиться с ним после войны в Тайге. Сбудется ли мечта?

23 июня. С утра дождь. С рассвета, с четырех часов, ждем команду. Но началось только в 9.00. Сразу же тысячи снарядов обрушились на передовую противника. Наверно, мало что уцелело у них после 15-минутного обстрела. После этого огонь перенесли в глубь немецкой обороны, затем опять проработали передовую, а потом еще предоставили «заключительное слово» «катушам». Эти уж переменяли все так, что на территории врага только черный дым и пепел стелются, больше ничего не видно.

Теперь очередь за пехотой. Почему-то она пошла в наступление на этот раз без танков. Вероятно, танки где-то в другом месте нужнее. Кое-где еще стреляют немецкие пулеметы. Наши минометчики «гасят» их. А тяжелые гаубицы бьют по тылам противника. Немецкая дальнобойная артиллерия тоже ведет ответный огонь по нашей передовой, часто поэтому рвется связь. Но мы быстро устраняем порывы. Пехота выбила остатки фашистов из первых и вторых окопов, затем пошла дальше.

В тот же день форсировали реку Проня.

Вечером мы сменили НП. Когда давали связь, немного заблудились. Пришлось мне сначала искать расположение штаба, а потом продолжать тянуть связь. Мы расположились в немецких блиндажах. Неподалеку в логу круглая рощица. Немцы укрепились в запасных траншеях. День сегодня был трудным, и опасностей больше, чем надо, но обошлось. Никого из моих даже не ранило.

24 июня. В 5 часов утра немецкие пулеметчики еще отстреливались, а потом затихли. Когда наши разведчики проверили, оказалось, что фрицы уже удрали. Только их дальнобойная артиллерия ведет огонь по нашим порядкам. Чтобы не терять время зря, мотаем с Батыровым трофейный немецкий кабель. Он красный, блестящий, очень красивый с виду. Посмотрим, каков в деле будет.

25 июня. Рапо утром мы, связисты, вместе с разведчиками форсировали вброд реку Бася. Наш штаб остался пока по ту сторону реки. Возле брода лежит много нашего брата. Эти уже отвоевались. Брод беспрерывно обстреливается. Мы как-то удачно проскочили, никого не зацепило. Заняли боевой порядок в районе леса, юго-западнее какой-то деревеньки. Когда потянули связь до штаба, то опять у брода пришлось снимать штаны и сапоги. Только разделись и зашли в воду, немец открыл беглый пулеметный огонь. Пришлось нагишом дрануть вдоль берега. Раненых и убитых нет, а пострадали все — сильно обожглись крапивой. Связь вынуждены тянуть выше брода и уже вylanь. Пригодился нам трофейный кабель, проложили его по дну, и связь работала безотказно.

Когда вернулись на НП, командир дивизиона Миронов в пух и прах разнес радистов Нестерова, Пекшина за то, что они не могут обеспечить радиосвязь со штабом, тем более в период наступления. Кричал, что отдаст обоих под трибунал и еще добавил: «До каких пор будем губить связистов-ниточников? Мы не успеваем пополнять их ряды. Тот убит, другой ранен. А вы сидите, как клушки на ляйцах, со своей радией».

Что правильно, то правильно. Мои парни довольны: наконец-то за нас заступились. В любой, самый страшнейший обстрел, когда все прижмутся и лежат в своих блиндажах, мы, ниточки, «летаем», исправляем связь, невзирая ни на какие снаряды и свист пуль.

26 июня. День теплый, солнечный. Противник отходит, а мы продвигаемся вперед. Когда шли лесом, мы, связисты, как обычно, тащились последними, потому что несли на себе по две катушки провода, телефонные аппараты, оружие и прочую амуницию. Впереди шли наш Батя, начальник разведки, разведчики. Вдруг засвистели пули. Шедшие впереди попадали на землю, кто-то закричал: «Копылов убит!» Пригляделись и увидели, что на дереве сидит «кукушка» — снайпер. Открыли по нему огонь. Он, гад, соскочил и хотел удрать, но мы его догнали и окружили. Снайпер оказался русским, власовцем. Мы ему здорово поддали, а потом пристрелили. Предатель в тысячу раз хуже, чем просто враг.

Батя наш отдал приказ ниточникам остаться возле дороги и ждать связного с указанием. Еще сказал, чтоб вызвали машину и увезли убитого разведчика Копылова, а сам взял с собой двух связистов для связи и вместе с двумя радистами и разведчиками ушел вперед. Не прошло и часа, как прибежал один разведчик и сообщил нам ужасную весть: когда они шли логом, между деревьями Рыки и Хорошки — а шли они кучей — фашисты из замаскированного в кустах «фердинанда» с первого залпа прямой наводкой накрыли всю группу. В результате всеми нами любимые двенадцатидвухлетний капитан Володя Миронов и радист Пекшин убиты, тяжело ранены радист Нестеров и командир отделения связи

Немышев, легко ранен связист Тузов. После такого сообщения мы оставили одного солдата с имуществом, а остальные побежали выносить в безопасное место раненых и убитых. Когда стали подходить, немцы заметили нас и открыли огонь. Пришлось идти в обход по кустам и ползти по-пластунски. Как ни маскировались, фашисты заметили нас, и снаряды ложились вокруг да около один за другим. Кое-как унесли раненых и убитых в кусты. У моего связиста Многогрешного осколком раздробило колено. Если он и выживет, то наверняка потеряет ногу. Сделали носилки и перенесли всех на дорогу к подошедшей машине.

Плохо чувствует себя Нестеров. Он ранен в живот, в лицо и ногу. И Многогрешный стонет и жалуется, говорит: «Умру, а кто будет воспитывать моих детей?».

Как могли допустить такую ошибку? Идти такой кучей, тем более, когда не знаешь, что ожидает впереди? Ведь все старые вояки, стреляные волки... Эх, жаль! Ну, ничего не поделаешь, война. И никто не знает, что ждет его через день или час.

Опять из командиров отделений связи уцелел я один. Вечером с оставшимися в живых дали связь в тот район, где наших побил. Теперь мы ведем огонь по фашистам.

Прибыли новый командир дивизиона капитан Тепухов и начштаба Зотов.

27 июня. Находимся на картофельном поле. Противник всю ночь обстреливал нас из артиллерии, минометов, пулеметов и, как обычно, освещал ракетами. И всю ночь рвалась связь, то и дело исправляли порывы.

Часов в пять утра немцы затихли. Когда пошла наша разведка, выяснилось, что они удрали за Днепр. Мы сменили НП. На левом берегу Днепра находимся вместе с пехотой, которой осталось с гулькин нос. Ведем огонь по видимым целям. За последние дни спали часа по два-три в сутки. А сегодня вообще не спали. Все смертельно устали.

Вернулся сержант Борис Соколов, вернее, сбежал из госпиталя. Теперь мне легче будет. Правда, он плохо слышит после контузии, но хоть будет командовать своим отделением, от которого сохранилось три человека.

В 17.00 наша артиллерия провела артподготовку, после чего вела огонь по видимым целям. Пехота к этому времени пополнилась. Под прикрытием артиллерии и пулеметов она успешно форсировала Днепр. Ура! Наша берет!

28 июня. В 5.00 мы на машинах и все наши орудийные расчеты переправились через Днепр по понтонному мосту и заняли боевой порядок в трех километрах севернее города Могилева. Обеспечили связь НП со штабом и огневыми позициями. Пока не окапываемся. Вероятно, нет еще точных данных о противнике.

Мы с лейтенантом Бондарем и сержантом Сидоровым ходили в город. Едва добрались до пригорода, там все горит и кругом стрельба идет. В домах еще много немцев, а пехота выбивает их. Говорили с гражданским населением. Бедные, какие они все измученные и запуганные! Видели много пленных немцев и власовцев. Сдаются, гады! Мы вернулись. А вот старшина Чернышов и мой связист Семин ушли в город, и о них ничего не известно. Вероятно, попали под пулеметную очередь. А ведь я Семина не отпускал и уговаривал, чтобы он не ходил. Будем считать их пока без вести пропавшими. Может, в дальнейшем что прояснится.

Поехали вперед догонять немцев. Могилев обехали стороной. Выехали на шоссе Могилев — Минск, на шоссе и вокруг него увидели настоящий разгром. Наши танки и авиация поработали на славу. Тысячи, наверное, всевозможных немецких машин разбито, большая часть их сожжена. Вот теперь мы поняли, почему на нашем участке фронта мы делали прорыв без танков. Оказывается, наши танки мощной лавиной громили тылы противника и его резервные части слева и справа. Кругом столько набито фрицев, что наши машины идут прямо по их трупам, убирать их некогда. Неприятно смотреть на раздавленные тела. Тягач скатывает с дороги подбитые немецкие машины, а если встречаются целые, наши ребята заводят их и едут на них дальше. Мы тоже захватили тягач, изготовленный в Чехословакии. Сильная машина! Водителя выбрали себе из пленных немцев красивого чернявого Ганса. Здорово говорит по-русски. На привале

он рассказывал нам свои похождения и анекдоты.

Едем по шоссе. Всюду кругом разбитая хваленая немецкая техника. И всюду трупы «непобедимых воjak». Обычно они подбирают, хоронят своих, а здесь им не до того.

Мирное население возвращается в город и свои деревни. Большинство радо беспрдельно, приветствует нас, смеется и плачет от радости. Люди тащат на себе жалкие пожитки, даже дети и те что-нибудь несут, надсажаются. Да, нам достается на фронте, но и всем этим не легче нашего пришлось: голод, лишения, а сколько страху натерпелись под немцем.

С шоссе свернули влево и здесь увидели массу разгромленной немецкой техники: орудий, машин. Видно, многое сожгли сами немцы, но кое-что не успели. Вот шестиствольный миномет стоит целехонький, а возле дороги — зепитки.

Столько пленных ведут: группу за группой, а некоторые фрицы топают на восток одни, без конвоя.

29 июня. Ночевали между двумя какими-то деревнями. Утром был богатый завтрак. Сейчас много трофеев и всего хватает.

Проезжаем мимо белорусских деревень, паоколице каждой из них стоит крест, а на нем вышитое полотенце. Для чего это, никто из нас не знает, но мы решили, что это какой-то религиозный обычай.

Фашисты, отступая, уничтожают все, что в их силах. Расстреливают своих лошадей и скот мирных жителей. Очень редкие деревни остались целыми, все сожжено и населения не видно, наверное, попряталось в лесах.

30 июня. Наше продвижение остановлено. Немцы обстреливают нас из минометов и пулеметов. Говорят, группа прикрытия, состоящая из немцев и власовцев, заняла боевой порядок. Наш НП в роще, но там фрицы уничтожили немало своих лошадей прямо на привязи. Стоит жара, трупы расперло, просто дышать нечем. В другое место перейти нельзя, лучшего обзора для НП нет. Во второй половине дня выбили немцев, снова двинулись на запад.

2 июля. Продвигаемся на запад в основном по проселочным дорогам. Проезжаем сожженные дотла деревни, где целыми остались только печи. В 17.45 форсировали реку Березина. Это большая река, немного меньше Днепра. Мост взорван, переправлялись по понтоному. Говорят, что в 1812 году здесь русские войска под командованием Баграциона здорово побили французов. И почему это не наука другим? Никому и никогда не одолеть русского человека.

3 июля. Продвигаемся вперед. Сожженных деревень все меньше. Видно, фрицы не успевают их уничтожать.

5 июля. Продолжаем продвижение на запад. Едем на тягаче. Везет нас все тот же немец Ганс. Погода стоит жаркая. Настроение у всех прекрасное. Поем песни, а на привалах устраиваем пляски, спортивные состязания и т. д.

Пленных немцев ведут и ведут.

Остановились на месте бывшего колхозного стана в деревне Есикевичи, южнее Минска. У нас кончилось горючее, а тылы отстали. Будем ждать.

6 июля. Стоим на месте. Колхозный стан состоит из одного сарая и тока, крытого соломой. Кругом леса. Говорят, в лесах укрывается много фашистов из тех, что не хотят сдаваться.

В первой половине дня наши связисты Логвинов и Глухов, никому не сказав ни слова, ушли к реке купаться. Как только они подошли к реке, их окружили немцы. Глухова пристрелил немецкий офицер, а Логвинова ранили в спину. Он притворился мертвым и не выдал себя даже тогда, когда фашисты топтали его ногами. Узнав о происшествии, наши батарейцы дали несколько шрапнельных снарядов по лесу, и мы всей оравой двинулись к реке. Фрицы скрылись в лесу, не сделав ни одного выстрела.

Начальник штаба дивизиона Зотов вместо офицера назначил меня дежурным по управлению. Мы с ним взвесили обстановку и решили занять круговую оборону, всем окопаться. Разбалованные удачами последних дней, солдаты никак не хотели браться за лопаты. Немало пришлось мне потратить

нервов, чтобы заставить каждого выкопать укрытие.

Едва наступили сумерки, немцы подползли по ржи и внезапно пошли на нас в атаку. Хорошо еще, что Виктор Цыганков заметил движение и открыл огонь. Иначе бы нас прикололи, как поросят. Мы попрыгали в свои ровики и тоже начали стрелять. Ранило Витю Цыганкова, который находился рядом со мной. Он осел на дно ровика и сказал: «Убило меня». Я не смог даже поддержать его, потому что увидел, как прут на нас два темных силуэта. Дал по ним очередь из немецкого трофейного автомата, не стало их — или убил, или залегли.

В районе управления вроде тише стало, а на первой батарее, что правее нас, во всю идет пальба. Начштаба вызвал огонь на себя, и третья батарея сделала несколько выстрелов. Отдельные снаряды угодили точно в наше расположение. К счастью, никто из людей не пострадал, только разбило кузов одной из машин. Совсем не хотелось погибать от своих. Мы закричали, чтоб прекратили огонь. Тогда батарейцы подожгли сарай, и нам стало видно немцев.

Фашисты снова ринулись в атаку. Да столько их, гадов, много! Но мы открыли по ним прицельный огонь, они удрали и больше не возобновляли атак.

Я перевязал Цыганкова (он из Тулы), и его унесли в санчасть. Разрывной пулей ему разворотило все плечо. Большая потеря крови. Чувствовал себя очень плохо, едва ли выживет.

Утром подвели итог ночной баталии: в нашем взводе ранен один Цыганков, на первой батарее троих ранило, двоих — тяжело, одного — легко. В районе нашего взвода убито пять немцев, в районе первой батареи — четыре. Да, наверное, немало у них раненых. Ведь они шли вслепую, а мы сидели в ровиках и видели их хорошо, особенно когда они выбегали из ржи. Утром наша братва собралась и начала «заливать» кто как дрался. Наговорили столько, что некоторых хоть сейчас к званию Героя представляй. Если их послушать, так каждый убил по два-три немца. Подсчитали «убитых» на словах фри-

цев, оказалось, что их должно было лежать у наших окопов не меньше трех десятков, а я уже говорил, что обнаружили мы всего пять трупов. Больше всех горячились и спорили парни из пополнения. Им все в диковинку. Посмеялись над ними, и дело чуть до драки не дошло.

Я в споре участия не принимал, но постарался утихомирить буянов, сказал, что мы ведь не знаем, сколько у них раненых, да и трупы они могли унести с собой. Немцы в таких делах аккуратные. Все со мной согласились. Спор на этом прекратился, но по лицам парней было видно, что каждый остался при своем мнении. Вообще-то надо отметить, все дрались здорово, никто не струсил, в том числе и новички. Не знаю, кто сколько убил немцев во вчерашнем бою. Хотя я и не принимал участия в споре, но, по-моему, двоих из той пятерки уложил я, когда дал очередь из автомата по двум силуэтам. Этот немецкий автомат нового образца бьет без промаха. Недаром я из него отлично попадал в мишень за 200 метров.

Передают, что на первой батарее заряжающий Мухомедзянов расстрелял диск, и больше под руками не было. А тут на него немцы прут. Он притаился возле машины с ломом, и когда фрицы поравнялись с ним, разом уложил двоих.

Утром начштаба выстроил всех и объявил нам благодарность за отбитую атаку.

7 июля. Ждем подвоза горючего. После ночной баталии все еще не утихают споры. Но те, что постарше, отдыхают — ночь-то не спали.

Утром пришли два молодых немца, сдались в плен. Их спросили, принимали ли они участие в ночной атаке, ответили, что нет. Когда вся их орава двинулась в атаку, они якобы отстали и отсиделись в лесу. Еще добавили, что многие немецкие солдаты и офицеры хотят сдаться, но им не разрешают офицеры-эсэсовцы. А ночная атака на наш дивизион была организована с целью захвата машин, орудий, боеприпасов, продовольствия. Разделавшись с нами, они хотели пробиться на запад. Но ничего из этого не вышло.

К вечеру сдался еще один немец-старичок, лет за пятьдесят ему.

8 июля. Снялись. Поехали. Едем на чехословацком тягаче. Жара. Пыль. Опять ведут пленных. Сопровождают их в большинстве случаев партизаны. Они сами их и вылавливают, тех, что не сдаются и скрываются в лесах.

На одной короткой остановке и наши бойцы задержали двух фрицев. Те сразу бросили оружие и подняли руки. Присоединили их к колонне пленных.

Проезжали Минск. Как он разрушен! Очень немного уцелело. Остановились возле областного Дома Советов. Он чудом сохранился. Это красивое здание стоит на возвышенном месте. Говорят, что немцы его тоже заминировали, но все-таки удалось его спасти.

Едем дальше. Остановились в трех километрах северо-западнее Добрышева. Организовали круговую оборону.

9 июля. Пересекли польскую границу. Это значит, что на нашем участке земля русская полностью очищена от фашистской нечисти!

В нашем дивизионе появился фотограф. Мы с Павловым сфотографировались на одном из привалов.

10 июля. Держим путь на запад. Дорога хорошая, настроение — тоже. Из-за недостатка горючего остановились в какой-то деревне: холмы, лес. Деревня совершенно не пострадала от войны. Все здесь целое. Одни жители откровенно рады нам, другие еще смотрят недоверчиво.

17 июля. Немца, водителя тягача, и с ним еще шестерых немцев-слесарей забрали от нас и отправили с группой пленных. А тягач передали батареям — возить пушку. Говорят, что под видом сдавшихся в плен шоферов, слесарей орудуют немецкие шпионы.

20 июля. Совершили марш-бросок на двадцать километров. Наконец-то догнали передовые части. Братва смеется, мол, неплохо бы вот так, без боев, докатить до Берлина.

Но опять слышна оружейная стрельба. Как это все надоело! Но добить фашистов надо!

Сейчас небольшой отдых, а там снова предстоит тянуть связь под обстрелом.

21 июля. День был жаркий в прямом и

переносном смысле. Отбили две атаки немцев. Они бросили на нас танки и большое количество живой силы. Танки прорвались через передовые и прошли даже дальше нашего НП, но там их подбили из орудий первой и второй батареи, установленных на прямую наводку. Наши расчеты работали четко и слаженно, а главное, обошлось с нашей стороны без потерь, если не считать нескольких легких ранений.

Хорошо, что немецкие танки не зашли на наш НП, а то у нас на всех была только одна противотанковая граната. Они бы нас потужили. Батя, когда узнал об этом, дал нам разгону. Особенно разведчикам досталось. Мы-то, связисты, как ишаки, вечно катушками обвешены, а у разведчиков, кроме стереотрубы, никакого груза нет. Могли бы и запастись боеприпасами.

Немецкая пехота стала уже не та, что прежде. После атаки мы рассматривали убитых немцев. В большинстве это старики в возрасте за сорок пять, либо подростки — лет, примерно, шестнадцати, почти дети. Их сразу же отсекали от танков и многих перебили. Остальные уползли обратно.

Связь рвалась без конца. Приходилось все время ползать по-пластунски. Местность открытая, даже травы нет. От немецких снайперов и пулеметчиков не знаешь, куда укрыться. Не успеешь голову поднять, как уж над ухом пули свистят. Мне лично пришлось три раза исправлять связь под минометным и пулеметным огнем. Делим по-прежнему всю работу поровну, не считаясь со званиями, тем более, что в моем отделении остались только Кокорин да Курбан Батыров. Вот и все мое войско.

22 июля. Подтянули к линии фронта наши танки и самоходки. В 10.00 сильнейшая артподготовка. Особоно здорово били «катушки», после них танки и пехота пошли в атаку. Фрицы не выдержали и удрали. Мы смотались, поехали дальше.

24 июля. Прибыли к городу Белостоку. На подступах к нему фашисты все яростнее сопротивляются. Здесь большинство деревень разрушено. Сегодня со своими ребятами тянул связь по окраине деревни. (К сожалению,

названия ее никто не знает, и на карте она не значится.) В это время от прямого попадания снаряда загорелся дом. Сначала мы думали, что дом пуст, но вдруг услышали детский плач. Тогда мы бросились к дому, вышибли окно и проникли внутрь. На полу лежала раненная в обе ноги молодая женщина, а возле нее копошились двое ребятешек. Одному из них на вид было годика два, а другому, наверное, меньше года. Мы вынесли их всех. Женщину перевязали. На счастье, пехотинец вез мимо на телеге двух раненых солдат. Мы уложили женщину, усадили на телегу рядом с ней ребятешек. Может быть, в сапбате женщину спасут. Хоть бы выжила! Ох, как нужна она этим маленьким крошкам! Мы пытались беседовать с ней, спрашивали, почему не ушла с детьми из деревни. Она что-то сказала по-польски. Мы ничего не поняли.

Когда видишь убитых военных, как будто это так и должно быть. Дело привычное. Но когда перед тобой искалеченные тела женщин, стариков или, что еще страшнее, детей, становится просто не по себе.

25 июля. Занили боевые позиции. С нашего НП видно окраину города Белостока. Связь проложили по перелескам и кустам. Сегодня замполит части Голубев всем связистам и разведчикам вручал награды: кому «За боевые заслуги», кому «За отвагу». Кокорину, Батырову, Соколову и мне вручил медаль «За отвагу». Мы спросили его, за какие подвиги нас наградили. Он ответил: «У вас, что ни день на передовой, то и подвиг». Это третья моя медаль «За отвагу».

26 июля. В 5.00 сильная десятиминутная наша артподготовка. Затем пехота пошла в атаку. Из первых траншей немцев выбили быстро, а из вторых не смогли. Наши батареи ведут огонь по видимым целям, а также по минометным и артиллерийским батареям противника. К концу дня фрицы сами удрали, потому что наши танки обошли город справа и слева.

Отбой. Начальство поехало за получением нового задания, а у нас кто спит, кто поет и пляшет, кто пишет письма. Отдых.

27 июля. В 4.00 выехали в город. В центре его сделали небольшую остановку. Город

разрушен мало. У всех жителей в палисадниках вишни и яблони. Яблоки еще зеленые, а вишня поспела. Я сегодня ее впервые попробовал. Для нас, сибиряков, это необыкновенное лакомство.

Окна во всех домах закрыты ставнями или забиты досками. Жители вырыли себе в садах, огородах укрытия, сидят, боятся нос высунуть. Но когда увидели, что в городе не фрицы, а русские, стали выбираться из своих погребов и благодарить нас за избавление от немцев.

В 5.30 наша колонна стала выезжать из города по юго-западной шоссе-дороге. Впереди, как обычно, взвод управления дивизиона, машина взвода разведки, за ними вилотную — батарейцы со своими орудиями. Шоссе узкое, и по обе стороны его сосновый бор. По правой стороне, метрах в двухстах от дороги, еще тянулись жилые одноэтажные дома. Ехали как обычно: кто дремал, а кто и спал по-настоящему, потому что ночь была бессонной.

И вдруг по нашим машинам — пулеметные очереди. Град пуль, и сразу крики, стоны. Что, откуда? Ничего не поймем. Мы повыскакивали из машин, все, кто остался жив, залегли в кювет. В первой машине сразу, первыми очередями, убило шофера и начальника разведки Измайлова. Их машина перекадилась через кювет и уткнулась в сосну. Нашу машину тоже всю прошило пулями, но шофер и нач. связи успели выскочить. Фрицы начали бить из минометов вдоль колонны. Это страшнее пулеметов. О развороте машин и думать было нечего. Те, что шли впереди колонны, оказались подбитыми минами. Такой пикальный прицельный огонь, что головы не поднять. Разрывы мин, бестолковые крики и стоны раненых — все слилось в сплошной гул. Потом мы заметили, что один пулемет бьет с чердака деревянного дома, а другой — из лесочка, и миномет из того же леса бьет. Те, что залегли справа от шоссе, начали стрелять по чердаку из автоматов и карабинов трассирующими пулями. Дом загорелся, но пулеметчик не унимается, стреляет. Тогда мы с сержантом Соколовым по-пластунски поползли вдоль кювета

ближе к пулеметчику. Вскоре он нас заметил и прижал к земле. Пришлось нам свернуть в сосняк. Там место повыше, и оттуда хорошо стал виден немецкий пулемет. Дали по нему несколько выстрелов, и он замолчал. Полежали мы, послушали, может, просто немец притаился, ждет. В это время послышался звук летящего снаряда, вероятно, мины, которая задела за верхушку сосны и разорвалась. Град осколков посыпался на нас. Один из них попал Борису в мякоть ноги повыше колена. Я перевязал ему рану. Тут заработали наши орудия, те, что сжали позади нас. Они развернулись и стали бить, одни по минометной батарее противника, другие — по домам, где засели немцы. От домов только ключья полетели, всюду возникли пожары. Минометная батарея врага сразу замолчала, все стихло.

Сколов без посторонней помощи двигаться не мог и, вцепившись в мое плечо, скакал на одной ноге. Когда мы приблизились к родной колонне, увидели безрадостную картину: массу убитых и раненых за какие-то считанные минуты. Такого не было никогда. Из одного только взвода управления, кроме убитых Измайлова, шофера и раненого Соколова, еще троих ранило. А сколько батарейцев погибло! И моего Кокорина... осколком в грудь... насмерть. Такого мужика убить! Тут мои нервы не выдержали, и я впервые заплакал.

Четыре машины разбиты капитально, у многих исковерканы фары, радиаторы, пробиты баллоны, но это все исправимо, а вот люди... Всех убитых похоронили у перекрестка двух дорог на город Белосток.

Теперь в моем отделении остался один Батыров.

Почему же мы так слепо влияли? Выяснилось, что наша пехота вошла в город, но была настолько малочисленна, что противнику не стоило труда контратаковать ее. Остатки пехотинцев отошли на окраину города, а на главном шоссе немцы устроили засаду. Командование пехотой не выставило на дороге дозорных, а мы без предварительной разведки двинулись всей колонной по шоссе. Видно, успех последних дней и та легкость, с которой мы продвигались в последнее время

на запад, усыпили нашу бдительность. И вот расплата. Дорого же обошлась нам оплошность.

Подбитые машины стаскивали тягачами в одно место. Командир дивизиона приказал мне и двум шоферам остаться с этими машинами и ждать дальнейших указаний. «Все равно ты остался один, — сказал он, — и связь тебе тянуть не с кем. Мы будем осуществлять ее по радио».

6 августа. Все еще живем в Белостоке. Уже полторы недели я и шоферы, Толя и Коля, охраняем машины, ждем, когда их заберут. Эти десять дней пролетели, как в сказке. Хозяйка у нас — очень симпатичная полячка по имени Чеша. Ей двадцать лет. Она сказала нам, что ее мать живет в деревне у сына. Там у них скот, за которым мать ухаживает. Отца нет. Кроме того, к нам каждый день приходит две девушки — подруги Чешы — Ядвига и Мариола, которую мы называем Марией, а то и просто Машей. Они тоже полячки, но все неплохо говорят по-русски. Как я узнал, в польском языке много русских слов. Так что мы понимаем друг друга.

У Толи баян. Он неплохо играет на нем. Поем песни, в основном русские, пляшем, как умеем. Чеша угощает нас своей едой, а мы ее — своей, солдатской.

Между нами возникли споры на религиозной почве. Девушки осуждают нас за то, что мы не верим в бога, не ходим в церковь и прочее. А мы им до хрипоты доказываем, что религия — это дурман и отсталость. Один из таких споров едва не стоил нам разрыва всяких добрых отношений с новыми знакомыми. Мне пришлось даже извиниться за своих друзей, которые не совсем тактично отозвались о боге, на что девушки очень обиделись. На следующий день и приятели мои «покаялись», и мир между нами был восстановлен.

Но вот пришел час расставаться с милыми полячками. Откровенно говоря, не хочется уезжать. Впервые за всю войну пришлось мне покинуть как дома, вернее, в гостях. Моим теперешним товарищам, шоферам Толе и Коле, часто приходится бывать в тылах, на передовой они появляются от случая к случаю. А наш брат, связисты...

Провожали нас все трое: Чеша, Ядвига, Мариола. Ядвига — красивая и гордая. По ее виду никак не скажешь, что сожалеет о нашем отъезде. Мариола, скромная и застенчивая девушка, кажется, немного грустила. А беленькая голубоглазая Чеша очень волновалась. Она наговорила мне кучу всяких пожеланий и нежностей... А главное, повторила она, чтоб я остался жив и обязательно писал ей, а после войны чтоб непременно приехал к ней в Белосток. И я ей все обещал. А сам думал: глупышка, ты и не представляешь, какая между нами лежит пропасть. Мне тоже очень жаль было с ней расставаться. Хорошая девушка. Если бы еще излечить ее от религиозного дурмана, совсем бы хороший человек из нее получился.

9 августа. Прибыли в свой дивизион. Зам. командира дивизиона капитан Голубев рассказал нам, что наш полк награжден орденом Суворова, а за взятие города Белостока ему присвоено звание Белостокский.

Из дома получил сразу два письма, да от брата Жени одно. Сестренка Валя пишет, что жить они сейчас стали лучше, завели козу, пьют козье молоко. И Евгений сообщает, что у него все нормально. Так на душе радостно от добрых вестей! Как хочется встретиться со своими родными, поведать о пережитом, помечтать о будущем. С братом Ефимом уже не увидимся. Сложил он свою голову под Москвой. Да что ж я опять грустил? Выше голову и — вперед!

Исполнения пока нет. Батя сказал мне, что связь тянуть не будем, поработают на рациях.

Замполит вручил нам благодарности с подписью Сталина за взятие Белостока.

3 сентября. Почти месяц не вел записей. Нekoгда, все время наступаем. Продвигаемся с тяжелыми боями. Фашисты подбрасывают все новые и новые части. Не успеваем бить. Освобождаем польские деревни и небольшие города. Все деревни в основном целые. Не сравнить с нашей Белоруссией. Здесь у жителей деревень сохранились коровы, лошади; и одеты все люди нормально, и на вид сытые. Дороги в Польше такие, что в любую погоду по ним можно проехать. Почти в каждом населенном пункте костел. Уж настолько они

одурманены этой католической верой, что, кажется, любого ставь к стенке, так он и под страхом смерти от веры не отречется. Мы во многие костелы заходили, осматривали их. Там все иначе украшено и обставлено, чем в наших церквях. В русской церкви торжественно и нарядно, а у них в костелах тоскливо, чинно и мрачно. У нас молятся стоя и бьют земные поклоны, то есть колотятся лбами об пол. А у них стоят кресла в ряд, как в театре, все сидят и читают молитвенники.

За это время получил два письма от Чехи. Привозил их Толя. Он часто ездит в тылы. Заезжал и в Белосток. Чехи каждый раз передает мне устные приветы, а теперь вот два письма прислала на польском языке. Пришлось обращаться за помощью к полякам. Один дед хорошо по-русски говорил. Он когда-то жил в России. Внучка его письма читала, а он переводил. Братва смеется: «Женишься на полячке — придется переводчика нанимать».

5 сентября. Почти с ходу взяли город Остроленку. Только на северо-западной окраине в высоких насыпях шоссе дорог фашисты настроили дзоты, установили много пулеметов, а сами укрылись за насыпями. С нашей же стороны вся местность открытая, ни единого кустика. Окраина вся разрушена. Днем головы поднять нельзя, так что передвигаемся ночью. Наш НП расположился на чердаке одного кирпичного дома в районе, где уцелело несколько отдельно стоящих домов. Ведem пристрелку по передовой и засеченным огнем точкам противника. Корректирует огонь сам Батя. Связь — по радию. Кроме того, имеем телефонную связь с НП командиров первой и третьей батарей, которые находятся неподалеку.

Фрицы засекли нас и стали обстреливать из орудий тяжелого типа. Один из снарядов угодил в угол дома, но, к счастью, никого не зацепило. Вот только разбило радию, а радиста Демина волной отбросило к стене, и он ушиб колено. Батя приказал мне немедленно принести из штаба запасную радию. Вообще-то за ней нужно идти вдвоем. Но путь до штаба не прост. Надо пересечь открытую

местность, не менее 300 метров, да еще перебраться через насыпь шоссеной дороги. Все это просматривается противником и обстреливается минометами, пулеметами и, главное, снайперами. Я решил отправиться один по принципу: чем меньше людей, тем меньше потерь. И так нас, связистов, теперь всего четверо, и все делом заняты.

Связиста Буелова я оставил в укрытии, чтобы он наблюдал за мной. Если благополучно переберусь через насыпь, то он будет ждать моего возвращения, а если со мной что случится, то доложит начальству и пойдет за радией сам. Как только я выбрался из укрытия, вокруг меня так и засвистели пули. Пробежал метров сто и залег в воронке. Дальше пришлось по-пластунски ползти. Из пулемета больше не стреляли, но снайпер охотился за мной всю дорогу. Через насыпь перелетел что было духу. А за насыпью уже не опасно.

Когда пришел в штаб, угодил на обед. Получил письмо из дома, стою под топодем, читаю, радуюсь. И тут меня будто кто колом огрел по правому плечу. Заскочил я в ближайший блиндаж, чувствую, течет что-то горячее по телу. Оказывается, ранило меня в плечо осколком мины, которая зацепилась за макушку тополя, под которым я находился, и разорвалась. Так обидно! В самом пекле не задело, а тут, считай, что в тылу, ранило. Вот теперь до меня дошло, почему Батя приказывал идти за радией непременно вдвоем. Ведь тут никто не знает, где расположен наш НП. Пришлось убеждать начальника штаба, что я смогу доставить радию, если он даст мне одного человека. Дали мне в помощники мужичонку из арснабжения. До зоны обстрела он радию донес, а когда возле нас засвистели пули, заметался и едва не разбил драгоценную пошу. Оказалось, что солдат этот никогда не был на передовой. Стал он меня уговаривать дожидаться темноты и только тогда продолжить путь. А я ему говорю: пока стемнеет, без связи всех наших перебьют, да и нам не уцелеть. Артиллерия без связи — ничто. Только убедить его я так и не смог. Сидит мой герой, съезжился весь, побелел, как известка, и молчит. А у меня такое зло на него, так и пришиб бы на ме-

сте. А потом подумал, что тоже, когда впервые на передовую попал, не лучше этого мужика выглядел. Решил так: я понесу рацию, а он будет наблюдать за мной из воронки. Если я доберусь благополучно до ближайших укрытий, то он вернется «домой». А если меня ранят или убьют, то он обязан взять у меня рацию и доставить, куда я ему указал. Но все обошлось. Правда, досталось мне. По открытой местности пришлось ползти, а рацию тащить волоком за собой одной левой рукой, потому что в правом плече была страшная боль. Да еще снайпер преследовал меня от начала и до конца пути. Наверно, сказалась потеря крови — я сильно ослаб, кружилась голова и вспотел так, как будто искупался в одежде.

Батя устроил мне разнос за то, что я пошел один, и предупредил, что за нарушение приказа получу взыскание, когда выйдем из боев. А потом добавил, что представит меня к награде за то, что хоть и раненый, но донес рацию, которая нужна была, как воздух. А я сидел и думал: зачем награда? Спасибо, жив остался.

Завтра утром будут артподготовка и наступление. Фрицы, наверно, решили раздолбить дома, в которых наши НП. Бьют методично из тяжелых орудий. Хорошо, что в одном кирпичном доме крепкий подвал, в нем и спасаемся. Но если угодит фугасный, то и подвал нас не спасет, останется от нас всех мокрое место. Вечером, когда стемнело, наш повараенок Иванов с портным Смыгиным принесли обед и ужин. Всё вместе. После ужина и я еще двое раненых покандыляли к штабу, откуда нас на машине отправили в санчасть. Вот и закончился еще один боевой день. Правда, для меня он не совсем удачный, но что ж поделаешь, на то и война.

6 сентября. В санчасть привезли в час ночи. Встретила нас Клавдия Михайловна, полковой врач. Это среднего роста, стройная женщина с красивым смуглым лицом и карими глазами. Ей на вид лет двадцать шесть. Говорят, она внимательна к больным и большая умница. У нее был жених, начальник артснабжения, старший лейтенант Шишкин. Он тоже был красивым парнем. Все считали,

что они подходят друг другу. В сорок третьем году ст. лейтенант нелепо погиб, подорвавшись на собственном изобретении для глушения рыбы. Глупая смерть, и, главное, — на войне, да не в бою. Клавдия Михайловна очень тяжело перенесла эту утрату.

И вот теперь доктор оказала первую помощь моим попутчикам, очередь дошла до меня. Мы с Клавдией Михайловной хорошо знакомы, так как я уже больше двух лет беру у нее книги, читаю, когда стоим в обороне. Как она заметила, я у нее самый аккуратный читатель. Я ее библиотеку пополнял новыми книгами, нашел несколько штук в одной разбитой деревне.

Вытащила Клавдия Михайловна из моего плеча осколки с моего согласия без наркоза, так как мало его осталось. Пока онаковырялась в ране, я сильно вспотел и очень ломило поясницу. Хотела отправить меня в госпиталь, но я уговорил ее пока оставить в санчасти. Уж если хуже будет, тогда согласен на госпиталь. А так — в него не хочется. Вылечисься и попадешь в другую часть. А ведь родной полк, что родной дом. Свои рядом. Куда я от них?

12 сентября. Рана моя помаленьку заживает. Рад, что боли особой нет. Доктор первые два дня настаивала, чтобы я ехал в госпиталь, а я ей доказывал, что рана у меня не болит. А если станут напоминать мне о госпитале, то я сбегу на передовую.

Отдыхаю от грохота войны. Хорошо здесь. Санчасть расположена в березовой роще, далеко от передовой. Орудийные выстрелы чуть слышны. Солнечно, тепло. После осмотра сразу же иду гулять в рощу. Познакомился с тремя полячками. Они копают картошку в огороде у самой рощи. Это пожилая женщина и две ее дочери — Ягна и Ева. Хорошенькие девушки. Они нанялись копать картофель к богатому пану. Сколько он им заплатит, они и сами не знают, но работают с восьми утра до семи вечера, без передышки. Перекусят один раз за весь день — и все. Спины не разгибают. В конце дня пан приезжает на лошади за картошкой. Они же помогают ему грузить мешки. По-нашему, это называется эксплуатация человека человеком. Когда я с

ними стал говорить на эту тему, женщина-мать сказала: «А что же нам делать? Земли у нас мало. Лошади нет. Спасибо пану, что даст за работу картонки на еду и семена. Своя-то уродилась плохая, потому что земля тощая, неудобренная...» Короче, у них полная зависимость от панов. Как жалко эту женщину и девочек. Но теперь, наверное, все у них будет по-другому.

Я как мог помогал им, подкапывал одной левой рукой кусты.

13 сентября. Мы втроем — я и со мной двое легкораненых солдат из нашего полка — побывали в польской деревне. Пришли к выводу, что поляки живут точно так же, как мы до коллективизации. Небольшая часть крестьян зажиточна: у них и дома добротные, и скота, слышно, до войны было в избытке. Основная же масса — бедные, редко у кого хватает хлеба до нового урожая.

Видели помещичье имение: большой каменный дом, амбары, сарай, скотные дворы — все из кирпича; огромный фруктовый сад. Нам сказали, что при подходе нашей армии помещик сбежал куда-то, а в имении остались управляющий да две старухи.

14 сентября. Вот я и опять на передовой. Рану свою не долечил. Командир нашего дивизиона Тепухов приезжал в штаб полка и заглянул в санчасть. Я спросил его, как там дела на передовой. Он ответил, что плохо: одного радиста убило, одного тяжело ранило. Связистов-ниточников всего трое. Они без отдыха несколько суток, еле ноги таскают, на ходу спят. Не успеют сесть за телефон, как засыпают. Я к командиру: «Помогите уговорить доктора, чтоб отпустила. Я с вами поеду».

Тот долго клялся Клавдии Михайловне, что мне не придется работать физически, что буду только руководить солдатами, что рану мне, в случае необходимости, обработает санитарруктор. Клавдия Михайловна, наконец, согласилась, но с условием, что, если плечо будет болеть, чтобы меня опять отправили в санчасть.

17 сентября. Немцы не жалеют снарядов и патронов, пытаются задержать наступление. Выручает нас пересеченная местность, есть где укрыться. Пока стоим в обороне.

До вчерашнего дня раненое плечо почти не давало о себе знать. А вчера, когда на бруствере траншеи закапывали провод, начался артналет, и мы все полетели кубарем в траншею. Я сильно ударился правым плечом о стенку окопа. Всю ночь корчился от боли, и сейчас болит.

19 сентября. В 7.00 артиллерия и «катушки» провели 15-минутную обработку немецкой передовой, после чего при поддержке танков нехотинцы пошли в атаку. Фрицы ведут ответный артогонь. Трижды связь перебивало снарядами, но мы быстро устраняли порывы. Пехота и танки успешно выбили из траншей немцев и продвигаются вперед. Во второй половине дня мы сматывали провод и поехали дальше, на запад.

30 декабря. С 19 сентября и по сей день было не до записей. Сегодня появилась такая возможность. Приятно отметить, что мы освободили от фашистов большую территорию Польши, много польских деревень и город Ломжу, форсировали три больших реки и несколько маленьких речушек. Немцы все мосты взрывают, поэтому приходится переправляться или вброд, или на понтонных мостах. Почему-то все реки здесь заболоченные. Река Нарев, например, в том месте, где переправлялись, на протяжении двух километров представляла собой сплошное болото. Пришлось делать настил из бревен, которые мы таскали на себе. Плечи у всех нас после такой работы были в ссадинах, а гимнастерки все в иле и смоле. Смолу потом так и не смогли отстирать.

Польша нам дорого достается. Фашисты используют все для того, чтобы задержать активное продвижение. Правда, потерь в нашем взводе за это время немного. Ранило одного разведчика и моего земляка-радиста И. М. Минаева. Да еще командиру дивизиона Тепухову оторвало руку. Вот как это было. Наш наблюдательный находился на высоте, держал связь со всеми точками по радию и при помощи проводной линии. Немцы вели методичный обстрел из шестистовольного миномета по нашей первой батарее. Особенно доставалось нашей высоте, где расположилось, кроме нас, много наблюдательных пунктов

других частей. Командир дивизиона поставил перед командирами батарей и разведчиками задачу: засечь местонахождение вражеского миномета, и сам с биноклем в руке наблюдал за противником. Я находился рядом с капитаном Тепуховым, сидел в траншее у телефона. По нашей высоте опять ударило шесть снарядов, один за другим они перелетели окопы. Произошел порыв связи. Я, как обычно, побежал устранять повреждение. Пробежал немного — опять налет. Успел прыгнуть в воронку, а когда вылез из нее и посмотрел на наши окопы, то увидел, что один из снарядов попал прямо в бруствер, в то место, где мы только что находились с капитаном. Когда исправил связь и возвратился, увидел, что разведчики перевязывают капитана, а на земле лежит отдельно его рука. Ее оторвало большим осколком снаряда. Наложили жгут, и сразу же четверо солдат понесли нашего командира в тылы. По рации вызвали машину. Мой телефонный аппарат разбило вдребезги. Хорошо, что был запасной. Разведчики говорили мне: «Ну и везучий ты! Не пошел бы исправлять линию, мало бы что сейчас осталось от тебя». В тот же день наши разведчики и батарейцы засекли все-таки этот миномет и, видно, удачно накрыли — больше он не стрелял.

Все мы жалеем капитана. Хотя и грубовавший он был, но справедливый, да и молодой еще, ему всего 26 лет.

Сейчас мы стоим в обороне недалеко от фашистского логова, Восточной Пруссии.

Получили пополнение. К нам прибыл новый начальник связи. Мужчина серьезный, лет тридцати пяти. В мое отделение влились: Петя Гусев 1926 года рождения из Калининской области, а также Хайрула Насибулин и Ахкам Шигапов — тоже оба восемнадцатилетние парни, татары из Казани. Забавные, особенно Ахкам, рыжий веснушчатый крепыш. И еще Кадыров, узбек из Бухары, и Алеша Ручинин. Эти оба 1926 года рождения. Ручинин — младший сержант, спокойный, уравновешенный парень из Рязанской области. Этот будет моим заместителем.

Сейчас состав связистов в наших двух отделениях представляет собой настоящий ин-

тернационал: русские, белорусы, украинцы, татары, башкиры, узбеки, молдаване и осетины. Все бойцы из нового пополнения грамотные, схватывают все быстро, только необстрелянные еще. Боятся, когда рядом рвутся снаряды или свистят пули, много зря падают на землю. Но ничего, привыкнут.

За взятие города Остреленко я получил орден Красной Звезды, и всем нам вручили благодарность Сталина. Наш полк наградили орденом Кутузова. Теперь он называется так: 56-й гвардейский гаубичный артиллерийский Белостокский орденов Суворова и Кутузова полк 346-й корпусной артбригады. Нашего командира полка полковника Войцеховского от нас забрали. Наверно, ему звание генерала присвоили. Все хвалят Войцеховского и жалуют, что перевели его от нас куда-то. Сейчас у нас новый комполка, полковник Королев, пожилой, спокойный такой товарищ.

Вот и все основные события, происшедшие за этот период.

1945 год

27 января. Из двух отделений связи создали одно. Я им командую.

28 января. Стоим в обороне. Возмущаемся, почему не наступаем. Справа от нас 3-ий, а слева — 2-ой Белорусский фронты прорвали оборону противника и уже ведут бой в Восточной Пруссии, а мы все чего-то ждем. Но вообще-то начальство знает, что делает.

8 февраля. Готовимся к наступлению. Скорее бы! Так надоело топтаться на одном и том же месте. Погода здесь отвратительная: то дождь, то мокрый снег, то заморозки, то оттепель. Сказывается близость Балтийского моря.

10 февраля. В 9.00 началась, наконец-то, артподготовка. Чем дальше, тем становимся мы сильнее. Какая плотность огня! Вот иметь бы нам столько орудий, снарядов, минометов в сорок первом. Мы бы им, гадам, не дали ни шагу ступить по родной земле.

Танки и пехота с ходу взяли первые и вторые траншеи противника. За день мы продвинулись более чем на двадцать километров. Наконец-то ворвались в фашистское логово!

Побывали в немецких хуторах. Что им нужно было в нашей стране? Сколько вынесли мы: революцию, разруху, голод... Только-только жить начали лучше, так они нам опять на многие годы напакостили. А сами ведь жили крепко. Это видно по их домам. Даже у крестьян богатые дома из нескольких комнат. А мебель какая. Я и не видел до сих пор такой. Одежды много, скота. Да скот все породистый. Нас всех поражает: зачем им нужна была эта война, неужели только для того, чтобы задавить, стереть с лица земли советскую страну? Не вышло!

15 февраля. С тяжелыми боями продвигаясь на запад. Заняли небольшие города, такие, как Артельсбург, Вертенбург, Гутштадт. Деревень у них нет, живут они хуторами. Теперь мы посмотрели, как у них в городах. Видели тоже просторные благоустроенные квартиры, где красивая мебель, посуда, одежда. Но встречали и бараки, где жила беднота. Там хоть шаром покати, ничего нет, кроме топчанов да грубо сколоченных табуреток. И одежонка жалкая, на утильсырьё годится. Оказывается, не все тут ладно жили. Но войну, конечно, начали не те, что в таких вот бараках ютились.

В городах жителей не видно. Удрали все куда-то.

17 февраля. Сопротивляются фашисты здорово, чувствуют свой конец. В нашем взводе потерь пока нет, а вот пехота несет большие потери. Особенно вчера много наших положили и, в основном, из нового пополнения, солдат двадцать шестого года рождения.

Вечером заняли город Мельзак. Жителей совсем не видно, удрали со своими войсками. Немцы почему-то по городу не стреляют. Из артиллерии ведут огонь только по северо-западной окраине, а центр, должно быть, хотят сохранить.

18 февраля. Днем Батя, начальник разведки, начальник связи, два разведчика и я ходили на рекогносцировку местности. К передовой подойти можно только ночью, так как местность открытая, простреливается пулеметчиками и снайперами. Мы добирались туда и обратно перебежками или по-пластунски.

Когда стемнело, потянули ниточную связь.

Но сегодня такая плотная облачность, что ничего не видно. Хорошо, что днем я заметил несколько ориентиров, по ним и тянем связь.

Фашисты сегодня как одурели — не только интенсивно обстреливают передовую, но и бьют просто куда попало из минометов реактивными снарядами. Пока мы тянули связь, неподалеку от нас разорвалось не меньше десятка снарядов, а обстреливали они ими огромное пространство. Наверно, у них много скопилось этих самых снарядов. По силе взрыва их можно сравнить со средней авиабомбой. У нас никого не задело.

Как только установили связь со всеми точками, нам сообщили, что реактивным снарядом в районе города Мельзака убит наш командующий 3-им Белорусским фронтом генерал армии Черняховский. После этого через несколько минут мы получили команду открыть огонь из всех видов оружия. И, несмотря на ночь, наша артиллерия открыла такой ураганный огонь по передовой врага, что не только немцам, но и всем чертям, наверно, тошно стало.

19 февраля. В восемь утра разведка доложила, что немцы удрали. Видно, ночной артиллерийский обстрел на них здорово нагнал страху. Мы смотали связь и поехали дальше.

Почти все население покинуло свои дома, а те люди, что остались, смотрят на нас зверями. Во многих хуторах хозяев нет, только бродит голодный скот. У дойных коров раздуло вымя, страшно смотреть. Бедные!

5 марта. Одиннадцатый день стоим в обороне. Нет горячего и снарядов. Обстрелы с той и с другой стороны очень редки. Похоже, не одни мы выдохлись.

Погода стоит скверная. Часто идут дожди со снегом. Земля раскисла. По пашням не пролезть, ноги вязнут.

Пока мы находимся в Восточной Пруссии, любители выжить совсем обаятели. Где только они достают эту гадость, ума не приложу. Хорошо, что в моем отделении нет таких. Парни подобрались у меня как на подбор, просто душа радуется за них.

15 марта. Продолжаем ликвидацию немецкой группировки юго-западнее Кенигсберга.

Фашисты отчаянно сопротивляются. Неужели еще на что-то надеются? Ведь по всему видно, что пришел их конец.

Связь держим в основном по радию. Гаубицы работают так чисто, что после обработки немецких позиций там ничего живого не остается. Корректировщики и батарейцы приобрели богатый опыт. Раньше на пристрелку цели сколько снарядов тратили, а теперь со второго, третьего — обязательно попадают в цель.

Сейчас почти постоянно находимся вместе с пехотой, упражняемся в стрельбе из карабинов по немцам, особенно в момент наступления. Если немец падает даже просто от свиста пули или споткнувшись, мы его все равно записываем в покойники, в порядке шутки, конечно. Хотя, безусловно, какое-то количество немцев от нашей стрельбы и действительно пострадало. Правда, мы и сами рискуем попасть под пулю снайпера.

За четыре дня наступления мы порядочно продвинулись, несмотря на то, что против нас брошены отборные части СД, СС, СА и какая-то молодежная воинская часть. И действительно, сопротивляются они до последнего, отступают лишь единицы. Ничего не скажешь — серьезный противник.

25 марта. Ура!!! Вышли к заливу Фришесхафф, взяли город Хайлигенбайль. Полное уничтожение первой группировки!

Я, как и многие другие, впервые увидел море. Какое раздолье!

Фашисты на баржах и лодках удирают, но наши самолеты их топят. Город Хайлигенбайль небольшой, расположен на самом берегу Балтийского моря. Здесь было большое скопление немецких войск. Батареи нашего полка и авиации поработали на славу. От домов мало что осталось. А сколько набито фрицев! На сей раз немцы не только своих убитых, но и раненых не подобрали. Лежат они вперемежку с трупами, корчатся на земле. Гады, к раненым своим и то жалости нет! После боя мы ходили, собирали тех, что могут выжить.

На одной из улиц и на пристани мы увидели месиво из битого кирпича, земли и человеческого мяса. Страшно смотреть.

На плоскую крышу дома взрывной волной

авиабомбы забросило лошадь, и, кажется, это не причинило животному особого вреда. Вот бы заснять на кинолентку. Такое не часто увидишь.

1 апреля. Прибыли в район Кенигсберга — главного логова Восточной Пруссии. Заняли боевые порядки юго-восточнее города, километрах в четырех-пяти от него. С крыши домов, в которых мы расположились, хорошо виден город. Но, как говорится, око видит, а зуб неймет. У немцев очень выгодные позиции: высоты и на них оборудованные траншеи, блиндажи со всевозможными ходами и огромные, хорошо укрепленные дзоты, в каждом из которых можно разместить до 250 человек.

Напротив нашего НП три таких дзота. У нас же — маломальские блиндажики и траншеи, края которых осыпаются, так как почва здесь песчаная, а укрепить ее нечем, леса нет. Дзоты от наших траншей находятся метрах в 200—250. Пулеметчики и снайперы, сидящие там, не дают нам головы поднять. Чуть высунешься, как уж пули свистят. И стреляют в основном из крупнокалиберных пулеметов. Как будем брать этот проклятый Кенигсберг — не знаем.

Связь держим по радию, но и кабельную проложили со всеми точками. Работали ночью. А вот исправлять во время боя придется днем. Задача эта очень сложная.

Сегодня вели пристрелку по немецким окопам, блиндажам и дзотам. Несколько фугасных снарядов угодили точно в дзот, но для такого укрепления наши 122-миллиметровые — это все равно, что слону дробинка. Начальство распорядилось зря снарядов на дзоты не тратить, хватит других целей.

2 апреля. Сегодня вели пристрелку по перекресткам дорог, по мостам, морскому порту, каналу и другим объектам.

5 апреля. Вот уже четвертый день другая артчасть ведет огонь по немецким дзотам из тяжелых орудий 305-го калибра. Каждое такое орудие — мы видели — везли на трех гусеничных тракторах. Попадание из них удивительно точное. Со второго выстрела попадают точно в дзот. Снаряды фугасные. Когда такой снаряд разрывается, земля качается

под ногами. И хоть дзоты от нас примерно в 250 метрах, каждый раз от взрыва края наших траншей осыпаются. Не успеваем выбрасывать песок. Траншеи стали такими широкими, что больше похожи на рвы, чем на окопы. Блиндажи тоже заваливаются и держатся только на подпорках.

Из одного дзота фашисты прекратили стрельбу. Или их там всех перебили, или, может, чокнулись с перепугу.

Наш артдивизион за эти дни разрушил пять блиндажей, подавил шесть пулеметных точек, а сколько уничтожено фашистов в их траншеях — попробуй сосчитай.

Немцы из тяжелых орудий сейчас мало стреляют, но из легких минометов без конца ведут обстрел траншей. Поэтому связь рвется часто. Исправлять ее приходится в дневное время под огнем пулеметов и минометов. А снайперы охотятся за нами, как за зайцами. За эти пять дней связистам досталось здорово. Один уходит на исправление, а у остальных мысль: вернется ли? Но пока обходится. Шигапову прошило осколком пилотку, а Ручинину — шинель в двух местах, но ребят не задело. Повезло им. Особенно Шигапову. На один сантиметр ниже, и раскололо бы черепок нашему Ахкаму.

Да и я сегодня чудом избежал смерти. Побегал исправлять порыв связи и забыл прихватить с собой нож. К счастью, по пути нашел на земле обыкновенный, кухонный. Быстро соединил концы провода и только успел отбежать, как на то место, где устраивал повреждение, упала мина. Не попадись мне этот нож, пока грыз бы зубами изоляцию, точно накрыло бы меня. Ведь именно в том же месте, где только что сидел, снова перебило провод. Пришлось опять добираться к порыву по-пластунски.

Фашисты стреляют минами даже по одному солдату, причем очень метко.

6 апреля. Погода стоит солнечная, безветренная. Здесь уже совсем тепло по сравнению с нашей Сибирью.

В семь утра наконец-то мы начали артподготовку. Вот это концерт! Какая сила, особенно если огонь ведут «катюши»! Жуткое и красивое зрелище, когда летят реак-

тивные снаряды. Их видно, не то, что обычные, артиллерийские.

После артподготовки наши танки и пехота пошли в атаку. Но в нашем районе фашисты из двух дзотов открыли огонь. Пехота залегла. Тогда самоходки окружили эти дзоты и начали бить по фашистским амбразурам. Через несколько минут гарнизон одного дзота сдался в плен. Вышли, гады, с белой тряпкой. Но из дзота, расположенного напротив нас, начали стрелять по нашим самоходкам фауст-патронами. Самоходки были вынуждены отойти немного назад. Пехота и танки обошли дзот слева и успешно выбили из траншей остатки немцев. Но в целом за день продвинулись всего километра на три. Дальше — опять сильные укрепления.

Мы сменили ИИ, выбрали для него чердак двухэтажного дома в пригороде. Сейчас нам хорошо видно город. Наши батареи остались на прежнем месте. Связь держим только по радиции.

Батя приказал всех связистов, кроме меня, отправить в тылы, чтобы избежать лишних потерь. Стал я отсылать своих, а они не хотят идти, обижаются на то, что их лишают права участвовать в сражении. Пришлось накрыть их с верхней полки, только тогда и пошли с неохотой. Поминали недобрым словом меня и Батю. Вот дурни, им добра желают, а они...

На нашем направлении взяли в плен около 500 немцев. Сдаются, в основном, пожилые солдаты.

Ведем огонь по передовым позициям немцев и по видимым целям в городе. Особенно густо стреляем по порту, там что-то фрицы закопились.

Кенигсберг горит. Во время артподготовки десятки тысяч снарядов вленили в него, да теперь поливает его сверху наша авиация. Видно, как рушатся дома. Не всё им наши города разрушать. Пришел и нам черед расчитаться за все.

7 апреля. Сегодня ночью саперы заминировали и взорвали тот дзот, гарнизон которого не сдался, а фашистов, оставшихся в живых, расстреляли. И правильно сделали.

На нашем направлении не наступаем. Мо-

жет быть, сдадутся без боя, так хоть потерь меньше будет.

8 апреля. В восемь утра, после тридцатиминутной подготовки, танки и пехота выбили немцев из укреплений и ворвались в город. Вместе с ними вошли в город и мы. Забрались на чердак пятиэтажного дома, установили связь по радию со штабом и батареями, начали корректировать артогонь по засевшим в домах фашистам. Кое-где устроены баррикады. Мы и не знали, что в стоящем рядом с нами доме находятся немцы. Они первые заметили нас и открыли стрельбу из автоматов. Мне вскользь пулей содрало кожу на левой щеке, а у разведчика Павлова зацепило плечо. Пришлось нам спуститься с чердака на пятый этаж. Начальство и радист устроились в комнате, из окна которой хорошо просматривается местность, а мы затеяли перестрелку с немцами — «соседями». Пошли на хитрость: наденем на палку каску, приподнимем, немцы высовываются, начинают по каске стрелять, а мы — по их головам. По моим подсчетам, мы троих уложили, а братва насчитала не меньше десятка.

Хуже обстояло дело в этот день во взводе разведки третьего дивизиона нашего полка, который находился в одном с нами доме, но только в другом подъезде. В этом взводе в последнее время был мальчишка, Толя, сын нашего полка. Мы выбрали его еще в сорок втором, когда ему не было и тринадцати лет. Родителей Толи убили немцы, и полк усыновил его.

И вот сейчас мальчишка все порывался пробраться в соседний дом, где засели немцы, и уничтожить их гранатой, рассчитавшись таким образом за смерть родных. Разведчики несколько раз удерживали Толю, отговаривали от этой затеи, а потом забыли про него. Он воспользовался этим и бросился к подъезду соседнего дома, но фашисты заметили его и срезали очередь из автомата.

Ну и даст комполка разгону этим разведчикам за то, что не уберегли пацана.

9 апреля. Ночь провели в этом же доме. Вчера вечером, как только стемнело, немцы прекратили перестрелку, и разведчики внесли тело Толика в дом, а потом отпраздновали в тылу.

В 5.40 получили приказ сменить НП. На северо-западной части города немцы организовали круговую оборону в крепких старинных каменных домах. В 6.30 мы вместе с пехотой обосновались в одном уцелевшем доме. Перед нами и артиллеристами встал вопрос: как стрелять, когда не поймешь, где немцы, где наши. Тогда наш командир дивизиона и командир пехотного батальона договорились, что пехота на время обстрела отойдет назад.

Начали пристрелку по целям. Первым же снарядом снесло угол крыши дома, в котором мы находились. После десятка выстрелов поняли, что стрелять по домам бесполезно. Когда начинаем бить по верхним этажам, немцы спускаются в нижние или в подвалы, а разрушить весь дом снарядами невозможно. Тогда решили бить только по баррикадам, и через час от них ничего не осталось. Потом пехота попросила авиацию обработать дома, где засели немцы. Нам и пехоте пришлось отойти на две улицы от этого квартала. Минут через тридцать прилетела девятка ИЛов. Пехота зелеными ракетами указала им цели, и на головы фрицев полетели бомбы. От пяти заходов наших бомбардировщиков дома, в которых сидели фашисты, превратились в развалины.

Стало тихо. Пехота и танки заняли исходные рубежи. Наши обратились к немцам по громкоговорителю с предложением сдаться. Прошло минут десять. Из всех щелей начали выползать фрицы и собираться в указанном им месте. В это время из окна одного дома, должно быть, офицер СС открыл огонь по немцам, которые сдались, и двоих из них ранил. Наш танк заставил пулеметчика замолчать. После этого стрельбы на нашем участке больше не было.

Оставшиеся в живых немцы выходили, сдавались, несли на себе тяжелораненых. Вид у них был ужасный: грязные, небритые, затравленный взгляд... Не то, что в сорок первом-сорок втором, когда все они выглядели такими щеголями.

Мы из любопытства окружили их, рассматривали, переводчик спрашивал, почему они не сдались раньше. Отвечали, что офицеры

им не разрешали сдаваться, а сейчас они прикончили некоторых офицеров, а иные сами пустили себе пулю в лоб.

В 16.00 весь квартал был очищен от немцев. Больше заданий нам не дали и объявили, что до вечера мы свободны. Пошли с ребятами посмотреть город. Он в основном весь разрушен. Многие улицы узкие, а дома на них высокие. Некоторые дома не развалились от взрыва, а только накренились друг к другу, сошлись верхними этажами и каким-то чудом держатся. Картина ужасная.

По улицам не то что проехать, пешком пройти нельзя. Такие завалы, что разбирать их, наверно, десятки лет придется.

Мы запаслись шнапсом, закуской. В одном доме накрыли стол, выпили за успешный разгром Кенигсбергской группировки и тут же заночевали.

10 апреля. Сегодня тихо, только где-то далеко на западе слышна артиллерийская канонада.

Мы решили до обеда побродить по городу. С утра устремились кто куда. Мы с Шиловым ходили вдвоем. Где только не были. Видели, как наша пехота выводила из города группами пленных немцев, видели освобожденных наших пленных. Бедные, до чего их довели! Кожа да кости.

Наша комендатура выводит гражданское население из города в пригородные поселки, опасается, как бы их не придавило обвалами.

Когда мы пришли к своим, нас уже не ждали, считали погибшими и не знали, где искать. К вечеру собрались все. Потерь нет, это хорошо.

11 апреля. Поехали на запад добывать оставшуюся фашистскую группировку в районе города Биллау. Но проехали километров сто, и нас остановили. К вечеру прошел слух, что наш полк отправят на восток воевать с японцами. После такого сообщения столько радости было, особенно у нас, сибиряков, и тех, кто живет вблизи железной дороги. Неужели доведется встретиться со своими родными?! Просто не верилось после четырех лет такого ада. Сколько было разговоров о том, как поедем, как встретимся... До поздней ночи проговорили. Друзья уснули, а я всю ночь не

спал. Даже заплакал тайком от радости и дум своих. И вовсе не загадывал, каким будет исход боев с японцами. Хуже, чем случилось, не будет, а к этому мне не привыкать.

12 апреля. В 10.00 прозвучала команда: «По машинам!» Начали выезжать на шоссе, чтобы отправиться на станцию, но тут прибыл офицер связи полка и объявил, что наш полк на восток не поедет, приказал разгрузиться и ждать дальнейших указаний. Рухнули все наши мечты.

13 апреля. Оборудуем себе жилье. Теперь окатываться необязательно. Многие разбирают цинковую крышу большого сарая и делают себе балаганы.

Я со своим отделением занял хороший блиндаж. Хотя мои подчиненные и агитируют меня тоже смастерить жилище из железа, я их убеждаю, что в блиндаже в любую погоду нормально, а под железом в холод замерзнешь, в жару задохнешься.

20 апреля. Стоим все на том же месте. Погода хорошая. Уже трава подросла, и лес зеленеет.

Почему нас никуда не посылают? Везде же еще идут бои... Одни говорят, что наш полк и так все время был на передовой и поэтому нам дали отдых, другие, — что ждем пополнения, третьи, — что надо кому-то находиться в резерве. С последним я согласен.

Гражданское немецкое население живет группами на хуторах и в поселках. С питанием у них — швах. Дети ходят к нам. Делимся с ними своим пайком, а повара наши отдают им все, что остается от обедов.

8 мая. Весь этот день у меня и Ручинина прошел за выпуском «Боевого листка». Остальные приводили в порядок личное оружие и имущество связи. К концу дня проверил работу подчиненных. Оружие и имущество приведено в отличное состояние.

Вечером спать легли рано, в 20.00, и сразу все заснули. А в 23.00 меня разбудил часовой Насибулин и говорит: «Сержант, почему-то стреляют кругом».

Я схватил наган, автомат и выскочил из блиндажа. Слышу, действительно, кругом идет беспорядочная стрельба, вспыхивают, улетая вверх, ракеты. Я подумал, что немцы выса-

дили десант, а наши отбиваются. Дал своим команду: «Боевая тревога», велел всем взять оружие, как можно больше патронов и гранаты. Быстро все повывскакивали из блиндажа, но понять так ничего и не можем. По-прежнему стрельба кругом стоит, и слышны крики: «Ура». Выходит, наша берет?

Послал я двоих в штаб, узнать, в чем дело. Не успели они до штаба дойти, бежит навстречу разводящий и кричит: «Победа! Кончилась война!».

Тут мы тоже принялись орать и стрелять, кто из чего. Потом обнимались и целовались, многие от счастья плакали.

Всю ночь не спали. Говорили о пережитом, вспоминали погибших однополчан, родных. Жалели тех, кто не дожил до такого счастливого дня... Уснули перед рассветом.

9 мая. День сегодня солнечный и теплый. Кругом уже трава большая, ранние цветы распустились.

Так хорошо на душе, так радостно, что хочется петь, смеяться и в то же время плакать, когда вспомнишь о тех, кто не дожил до Победы. Как жалко брата Ефима, который сложил свою голову под Москвой в самом начале войны, и погибших однополчан. Сколько их полегло на дорогах войны только в нашем взводе связи!

В 10.00 дивизионное построение. Командование сообщило нам, что уцелевшие немецкие части войск безоговорочно капитулировали. Поздравили нас с Победой над самым злым врагом человечества — немецким фашизмом.

Потом мы завели машины и поехали отдыхать на море. Дорогой пели песни. И — вот оно, море! Какая голубизна, какая ширь! Ни конца нет, ни края.

Берег крутой и высокий, вроде горы. А вдоль берега, прямо в горе, построены красивые дачные домики, лепятся, как птичьи гнездышки. Вокруг них насаждения. Все сделано аккуратно, никаких оград. Мелкие деревья ровно подрезаны. Многие из деревьев я видел здесь впервые.

Вода чистая-чистая. И хоть очень большая глубина, на дне все камешки видно и проплывающих рыб. Очень интересно. Вода еще

холодная, но некоторые наши здоровяки уже купаются. Я не устоял перед соблазном и тоже бултыхнулся в воду. Как легко плавать в море, чуть-чуть руками и ногами работаешь и свободно держишься на воде, только пугает немного большая глубина. Четыре раза залезал я в воду. Немного погреюсь и опять плаваю. Зеваки пугали нас, что простынем. Посмотрим.

С моря вернулись к вечеру. Кругом царит веселье. Одни песни поют, другие пляшут, трети в городки или мяч играют. Некоторым уже под пятьдесят лет, а резвятся, как мальчишки. Вот что значит радость для людей! Столько выстрадать, вынести, пережить и вдруг — вот она, Победа!

11 мая. В 11.00 полковое построение. Построили всех в две шеренги — в одну демобилизованных, в другую — нас, со всеми ма-натками.

Выступали командир полка подполковник Королев, замполит и майор. Держали речь трое из демобилизованных, которые дали слово, что с таким же энтузиазмом, с каким воевали, будут заниматься восстановлением народного хозяйства, разрушенного войной. А мы заверили отъезжающих, что они могут спокойно работать, мы будем твердо стоять на страже Родины.

Играл духовой оркестр. Откуда он появился, никому было неизвестно.

Демобилизовали «мужичков» с 1896 года рождения по 1910 год, а также имеющих ранения или важные для народного хозяйства профессии. А нам еще загорать неизвестно до каких пор.

Подошли машины, и все демобилизованные забрались в кузова. Никто не хочет садиться. Все кричат какие-то прощальные слова, многие плачут. И мы рады за товарищей, и у нас глаза на мокром месте.

Оркестр заиграл прощальный марш, все зашумели еще больше, замахали руками. Шофер одной из машин резко взял с места, и вдруг один солдат, что стоял у борта и махал руками, вылетел из машины и попал прямо под колесо. Ему раздавило грудь, и он тут же скончался. Все мы покинули строй, окружили этого солдата и застыли в оцепенении.

Только теперь дошло до всех, почему же не приказали им сесть? Ведь только несколько секунд назад у всех было такое прекрасное настроение, и сразу все помрачнели.

Сняли с машины вещи погибшего. Солдат Епифанов. Из третьего дивизиона, заряжающий второй батареи. Участвовал в боях с 1942 года, сколько раз бывал на прямой наводке, прошел огни и воды. И такая нелепая смерть. Говорят, у него дома пятеро детей. Какое горе для его семьи!

В тот же день его тело увезли в Кенигсберг и похоронили в братской могиле.

20 мая. Продолжаем стоять на прежнем месте. Чистим оружие, изредка проводим занятия, а больше валяемся на траве и отсыпаясь за всю войну. У многих из нас лучшие годы жизни прошли на войне. Кое-кто из ребят был призван в армию еще в 1936—1937 годах и с тех пор не был дома. Например, Ануфриев с первой батареи, в 1937 году он женился, осенью его взяли в армию. Участвовал в боях под Халхин-Голом, в войне с Финляндией и всю эту воевал. Сын родился без него, ему уже семь лет, а отец его ни разу не видел. Некоторые имеют по несколько детей. Каково им? Хорошо, что я не успел жениться. Мы смеемся над женатиками, что жены их с другими в тылу веселятся, а они над нами ржут, говорят, что мы уже превратились в евнухов.

Немцы все еще живут, как мы говорим, общинами. С питанием у них плохо. Дети так и пропадают целыми днями возле наших кухонь. Делимся с ними, чем можем.

15 июня. Все стоим на том же месте. Уже начинают колоситься озимые хлеба там, где они местами были посеяны. А какие травы! Они уже отцвели, и можно бы косить. Но никто косить их не собирается. Наверное, так и пропадут на корню. Хоть бы нам дали инструмент или косилки какие, мы бы с удовольствием все убрали.

20 сентября. В конце августа приехали в Россию. Добирались на машинах, своим ходом, через Кенигсберг, Мельзак, Каунас, Вевне, Вильнюс, Молодечно, Родонкевичи. Минск обехали стороной.

Сколько проехали городов и деревень —

все разрушено войной до основания. Торчат только печные трубы. Возле них колонатаются женщины и дети, готовят себе еду. В лучшем случае это картошка.

Где бы мы ни останавливались, всюду наблюдали одно и то же: варят женщины какую-то траву, добавляя к ней, если есть, картошку.

В какой-то деревне (название, к сожалению, не записал) мы дали детям хлеба, каждому по куску. Старшая — девочка лет семи — сразу набросилась на него и молниеносно съела почти всю горбушку. Потом спохватилась, что матери не дала, разжала ладошку, лепечет виноватым голосом: «Это тебе, мама». А на ладошке у нее маленький кусочек.

Младшие — брат и сестренка этой девочки — смотрят на хлеб и не едят. Мы удивились, а женщина объяснила, что они впервые видят хлеб. Как родились, еще ни разу не ели его. Все забирали немцы. Два раза пытались жители деревни засеять часть поля, но немцы его на корню сжигали, чтоб партизанам не достался.

Дети настолько худющие, что смотреть на них нет сил. Косточки, обтянутые кожей. И такие бледные, что, кажется, у них совсем нет крови. Одеты в лохмотья, босые. Я спросил у матери, как же они зимой жить будут, она ответила, что кое-чем общались помочь, и добавила, что здесь почти все так живут.

Не могу я видеть и слышать такое. Давно уж отбегали мы от того места, а в горле все стоит у меня горький ком. Не могу забыть этих несчастных детей и их мать, молодую женщину, которая выглядела настоящей старухой.

Много еще видели мы на своем пути, но этого я никогда не забуду. Бедные дети, они в глаза не видели молока. Их мать сказала, что в деревне не осталось не то что коровы, но даже ни одной козы. Ах, эта война!

10 октября. Приехали в маленький городишко Н. Устроились в чудом уцелевших деревянных казармах. Делаем ремонт: стеклим окна, перестилаем полы, оборудуем нары. Старые печи разрушены. Кирич, видимо, растащили. Поэтому приспособливаем для отопления казарм железные бочки. Соскучи-

лись по работе, все трудятся с душой, за исключением нескольких филонов. Но в моем отделении таких нет.

22 октября. Несколько раз ходили в увольнительную. А ходить здесь, откровенно говоря, некуда. Братва делает набеги в близлежащие деревни к девчатам. Вчера я тоже прогулялся с ними. Но мне и моим товарищам этот поход пришелся не по душе. И не потому, что девчата не понравились. Нет, девушки хорошие, есть среди них настоящие красавицы. Только мы решили к ним больше не ходить. Серьезных намерений у нас насчет этих девушек нет, а зря морочить им головы не стоит. Они и так судьбой обижены, столько натерпелись в войну.

27 октября. Я еду сопровождать демобилизованных третьей очереди до Новосибирска! Вот это да! Правда, чтобы попасть в эту команду, мне пришлось побегать по начальству. Хорошо, что сестренка Валя прислала письмо, в котором написала, что живут они плохо, дрова возят из леса на себе. Два раза ходил с этим письмом к замполиту. Наконец, сказали: «Ладно, поедешь. Побудешь десять дней дома».

Ведь это чудо! Четыре года не был дома. И какие года!

28 октября. Эшелон продвигается слишком медленно. Подолгу стоим на станциях. Где прошла война, все разрушено. Некоторые станционные службы размещаются в землянках, и люди в основном живут здесь же. Но местами начали строить жилые дома и восстанавливать предприятия.

Сейчас проезжаем по местам, где не проходил фронт. Здесь уже веселее.

1 ноября. Проехали Омск. Тут едем быстрее, чем на Западе. Демобилизованных осталось совсем мало. На каждой станции сходят и сходят. Тех, кто живет близко от станции, встречают родные и знакомые. Сменяются все и плачут. И вдруг резанет по сердцу женский вопль: «А мой-то не придет!..»

В Челябинске я видел, как старушка ходила вдоль эшелона, интересовалась у всех, не видел ли кто на фронте ее сына. Фамилия его Кузнецов, звать Степаном. Высокий такой, волосы русые, глаза серые...

Я подошел, расспросил ее. Старушка сказала, что еще в сорок третьем получила на сына похоронную, а теперь выходит к каждому воинскому эшелону, ищет того, кто, может быть, воевал вместе с ее сыном, видел, как он умирал: сразу ли умер, мучился ли, может, что говорил перед смертью. Единственный он у нее был. Молодой, даже жениться не успел.

...Скорее бы до Новосибирска, а там на первый попавшийся товарняк и — дома!

3 ноября. Я дома! Иду по своей Тайге. Как все изменилось здесь за четыре года. Мне кажется, все дома стали ниже. А людей совсем не узнаю. Все худые. Взрослые сильно постарели, ребята — выросла. Дети какие-то слишком серьезные, не по годам. Одеты все только в рабочую одежду. За всю дорогу до дома не видел ни одного нарядно одетого человека. И все куда-то спешат. По дороге встретил троих знакомых. И все они одинаково сказали: «Значит, живой остался? Это хорошо». Выходит, редкое явление, что вернулся с войны живым.

Подхожу к своей избушке. Она совсем вросла в землю. Открываю дверь — мама! Милая моя мама! Какая она старенькая стала, а худющая! Расцеловал ее всю.

Ну, почему эти слезы? От горя — слезы, от радости — тоже. А здесь и то, и другое вместе.

Тут же прибежала сестра Анисья с сыном Володи. Они живут в домишке напротив.

Ксения и Валя на работе, Лёня в техникуме. Они с Валею окончили по семь классов и пошли работать, когда им не было еще и пятнадцати лет. Валя работает на почте с сорок второго года, а Лёня железнодорожное училище закончил и работал слесарем в вагонном депо, а в этом году в наш Тайгинский техникум поступил. Молодец парень!

Первым пожаловал домой малыш Лёня. Как он вырос, совсем бравым парнем стал. За ним следом Валя появилась. Симпатичная стала какая, настоящая красавица. И какие у нее прекрасные длинные косы.

Последней пришла с работы самая старшая сестра Ксения, усталая, худая. Потом мама накрыла стол, да какой богатый: пожарила

картошки на воде, напекла драников из картошки и даже поставила целую тарелку творога из козьего молока. Я добавил к этому мясные консервы, четыре булки хлеба и целых два килограмма сахара.

Мама достала из ящика старенького комода чепушку водки, которую долго берегла к моему приезду. И начался у нас пир на весь мир.

Сколько было воспоминаний! Прежде всего вспомнили тех, кто уже никогда не вернется домой: старшего нашего брата Ефима, который погиб в сорок первом под Москвой, и зятя Ивана, пропавшего без вести.

А Женю будем ждать, он еще служит в Корее.

Я рассказывал родным, как воевал и много раз чудом оставался живой. А мама сказала: «Это потому, что я каждый день бога за тебя молила». А я ей: «Почему же ты плохо молилась за Ефима и Ивана?» Мать ответила, что в сорок первом и сорок втором сами они чуть с голода не умерли. Картошка вся вымокла, дожди залили. И та, что собрали, в подполье сгнила. Не до бога тогда было.

Можно представить, сколько они, бедные, лиха хватили. Валю нашу тоже война искалечила. Посылали их на лесозаготовки, и упала ей на ногу лесина.

4 ноября. Сегодня мы с Анисей ходили с санками в лес за дровами. Дрова они заготавливали еще летом, примерно, в трех километрах от дома, а вывезти не смогли.

Пожадничал я, наложил много дров и еле дотащил до дома.

5 ноября. Еле-еле выпросил через военкомат лошадь. Один воз дров привезли, больше лошадь не дали. Опять несколько раз привозил дрова на себе. Доплетишься до дома, и ноги отказываются двигаться. Скоро уезжать, а в лесу еще много осталось дров. Мало помог я своим. Ляжет эта тяжесть на плечи Ксении и Лени.

Из друзей моих вернулся домой с войны пока только один Алексей Загороднев, да и тот искалечен. Много ребят погибло. Кое-кто еще служит.

15 ноября. Еду обратно в свою часть. Дослуживать. Когда меня демобилизуют, не знаю.

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТУДИЯ „ПРИТОМЬЕ“

ТРАДИЦИИ И ПОИСКИ

Притомье — новое слово в нашем разговорном обиходе. Понятие, в нем заключенное, определилось лишь недавно и продолжает формироваться. Оно многопланово. Мы воспринимаем его в аспектах географическом, историческом, социальном и, конечно же, поэтическом.

Что за словом?

Быстрая горная река с многочисленными притоками. Уникальные ландшафты Горной Шории и Кузнецкого Алатау. Черневая тайга, кедровые и сосновые боры. Обилие озер и стариц, трав, цветов, кустарников...

Богатейшее месторождение высококачественного угля, железной руды и других полезных ископаемых. Труд первых землепроходцев, проложивших дорогу к подземным кладам. Города, поселки, промышленные гиганты, превратившие Кузбасс в индустриальное сердце Сибири.

И трудовой подвиг кузбассовцев в годы Великой Отечественной войны, когда Притомье стало главной топливной базой страны после оккупации гитлеровцами Донецкого бассейна. И стремительное послевоенное развитие края, утвердившегося на трех индустриальных китах — уголь, металл, химия.

И горячая, неизбывная любовь жителей долины реки Томи к своей земле, их растущая забота о сохранении природных ценностей. И каждый кузбассовец дополнит этот перечень в соответствии со своим жизненным опытом, кругом привязанностей и интересов.

Вот почему члены областного литературного объединения решили назвать свою «организацию» литературной студией «Притомье».

Литературная студия «Притомье» возникла не на голом месте. Она вобрала в себя лучшие традиции ранее существовавших литературных объединений. В то же время есть в ней принципиально новые черты и формы работы, которые определились в течение двух лет и продолжают совершенствоваться.

Организатором творческих сил стал кузбасский комсомол. Кемеровский обком ВЛКСМ заботится о том, чтобы раз в месяц молодые поэты и прозаики со всех уголков области собирались вместе, приглашает к ним лучших лекторов-международников, организует посещение премьер или генеральных репетиций новых спектаклей, обсуждение выставок кузбасских художников. Укрепились контакты с молодыми артистами, молодыми художниками, самодеятельными композиторами. Литераторы — в составе комсомольских бригад — побывали на БАМе, у пограничников Дальнего Востока, у нефтяников Тюмени, в зарубежных поездках.

На ежемесячные занятия студии «Притомье» выносятся узловые вопросы литературного движения. Так состоялась встреча с членом Союза писателей СССР, кандидатом филологических наук Евсеем Цейтлиным, который повел разговор о советской критике, ее проблемах, о журнальной и газетной рецензии. На другом занятии участники студии заслушали отчет литгруппы областного центра, обсудили ее сильные и слабые стороны, послушали новые стихи кемеровчан, Кузбасские писатели — участники V съезда Союза писателей РСФСР — выступили перед молодыми литераторами, поделились своими впечатлениями от работы съезда.

Вечера поэзии в Новокузнецком педагогическом институте и Кемеровском университете, чествование нашего прославленного земляка поэта Василия Федорова, традиционные пушкинские праздники, торжественное заседание, посвященное 100-летию со дня рождения Александра Блока, Дни советской литературы в Кузбассе, встречи с читателями в клубах и Дворцах культуры, в цехах предприятий и в общежитиях — во всех этих мероприятиях активное участие приняли члены литературной студии «Притомье».

Постоянной трибуной студии стала газета «Комсомолец Кузбасса». Произведения молодых литераторов звучат по радио и телевидению, появляются на страницах нашего альманаха. Журнал «Сибирские огни» предоставил слово Александру Ибрагимову, Любови Никоновой, Николаю Колмогорову, Валерию Зубареву, Валентине Пьянковой, журнал «Новый мир» — Семену Печенику. В Кемеровском книжном издательстве вышли книги Леонида Гержидовича, Владимира Иванова, Виталия Крехова, Алексея Томилова, Любови Скорик, Владимира Конькова. В Москве изданы сборники Павла Майского и Ивана Полунина.

Тридцать пять поэтических имен включил сборник «Дыхание земли родимой». Коллектив авторов этой книги удостоен премии «Молодость Кузбасса». Литературная студия «Притомье» выступила с единодушно поддержанным предложением перечислить эту премию в Фонд мира.

Помочь литературным группам городов и районов — одно из основных направлений работы. Эти группы по сути стали первичными организациями литературной студии «Притомье». Именно там идет обсуждение рукописей, определяются произведения, годные для публикации. Профессиональные писатели, бывая в командировках, непременно встречаются с местными литераторами. Постоянны и крепки связи с литгруппой новокузнецчан «Гренада».

Кемеровская писательская организация — творческий руководитель литературной студии «Притомье». Семинары молодых литераторов организуются на основе предложений студии. В декабре 1979 года состоялся выездной семинар в Новокузнецке. Кроме новокузнецчан, в нем участвовали литераторы Прокопьевска, Мысков, Осинников. Рукописи семнадцати молодых поэтов и прозаиков получили профессиональную оценку. Всеобщий интерес вызвало творчество Николая Николаевского, в стихах которого ощутимы ритмы, голоса, запахи большого индустриального города. Стихи эти выйдут отдельной книгой. Высоко оценены также стихи Александра Равеского, рассказы Павла Броницкого и Валерия Сибикина.

Серьезным экзаменом для литературной студии «Притомье» явился семинар, проведенный Кемеровской писательской организацией в октябре 1980 года. Выросло количество обсуждаемых рукописей, свободнее стала поэтическая техника. Молодые поэты раздвигают рамки классической формы, используют белый стих, верлибр, внутреннюю рифму. Открытием семинара стали стихи юной новокузнецчанки Татьяны Кармановой. В ее произведениях много красок, подлинного поэтического чувства.

Наиболее зрелую рукопись представил Валерий Ковшов — плотник из Крапивинского района. В ней угадывается основа будущей книги. Убедительно прозвучали поэтические голоса Прокопьевска — Иосифа Куралова и Николая Клишина.

По секции прозы наиболее интересной была рукопись Геннадия Естамонова. Она рекомендована семинаром Кемеровскому книжному издательству. Людмила Филаткина, Павел Броницкий, Владимир Валиулин, Николай Калачев, Евгений Богданов представили новые рассказы, которые порадовали руководителей семинара. Следует отметить, что молодых прозаиков все более влечет рабочая тема.

Мы публикуем произведения молодых литераторов Кузбасса, получившие «добро» на этом семинаре.

Г. ЮРОВ,
руководитель литературной студии «Притомьсь»

Валерий Ковшов

* * *

Чую тепло, слышу оклик на дереве грачей,
вижу: ручьи пробивают в сугробах тоннели.
Значит — весна, если снег от бессилия плачет
и облака, повстречавшись с теплом, потемнели.

Крошится берег, и глыбы оттаявшей глины
падают с грохотом в мутную бездну потока.
Страшная сила ворочает бревна и льдины,
слабый кустарник калеча легко и жестоко.

Нет утоления для жизни в движении малом,
если нельзя показать непокорную удаль...
Вот он, весны и свободы опаснейший слалом:
в водоворотах крушений обломки и груды.

Вот он, весны и желаний единственный выбор:
жизнь обновлять, очищая от праха и тлена,
воздух глотать, задыхаясь озерною рыбой,
глину месить и в земле утопать по колено.

* * *

Проснешься, думая, что спишь:
чуть видный свет к окну крадется,
густая утренняя тишь
идет прохладой от колодца.
Нет, никогда мне не забыть
и белый сад, и говор птичий,

и разрисованный налличник
пропавшей в зелени избы.
Как не забыть тех славных лет,
где боль — нелепая случайность,
где сердце бьется, не печалась
о том, что кончится рассвет.

Даже в нем твой запах, твой!
 Нет, не вынесу. И опять:
 Как тоска переходит на вой,
 Начинаю стирать.
 Достāju рубашки твои — и в воду.
 Мылю, тру до содранной кожи.
 Может, вспомнишь, икнется, может,
 В наияснейшую погоду.
 Полоскаю. Пусть ссоры и грязь,
 Самые крупные, самые мелкие
 Уплывают по трубам, крутятся
 По часовой стрелке.
 Все перемыто. Рубашки высохли.
 Время катится по часовой.
 Кашель в подъезде. Нет, не твой.
 Кто-то на улице высморкался.
 Снова вечер. Снова ревную.
 Боже! Который день!
 В эти рубашки хоть полк одень,
 В пеструю, легкую сбрую.
 Нет, не вынесу. Просто бред —
 Грязных рубашек нет.
 Самые новые — вчера купила —
 С полки достану: не пахнут тобой,
 Значит, пора на мыло,
 Снова в стиральный бой!
 Воротнички в первозданной спеси
 Морщатся, чуя недобрый час.
 Если и завтра не будешь, если...
 Шкаф опускает лукаво глаз.
 Да, пузатый, блестящий ворон,
 Я и тебя намылю.
 Только б быстрее часы проплыли,
 Только бы скоро, скоро...
 Все перестирано, все перемыто.

Прямо не дом, а больница.
 Даже ночью мне стирка снится:
 Мыло, вода, корыто...
 Если приедешь и не заметишь
 Следов грандиозной стирки,
 Будешь мыться — затру твои плечи
 До дырки.

* * *

У меня болят провода за окном.
 Зябнут липы.
 В бред горячечный слиты,
 Разметаны сном,
 Что-то шепчут невятное...
 Простудилась, наверное.
 Небо в синих отеках, помято.
 Ветренно.
 Поле чешется.
 Зуд. Беспокойство. Жар.
 Новый вирус — тоски пожар —
 Мною тешится.
 Скипачу-ка я чаю,
 На малине его настою.
 О горячую кружку прогреется поле.
 Ветви лип укачаю,
 Провода зашепчу, запою,
 Небо спрячу в подоле.
 Все пройдет.
 Пусть апрель всеми гранями пялится.
 Заяц солнечный свалится
 В огород
 И замрет,
 Как оранжевый градусник,
 Измеряющий медленный ход
 Радости.

г. Новокузнецк

Галина Золоткина

* * *

Не заумною и мудрою,
 А доступной и простой
 Я приду и перепутаю
 Все, что прожито тобой.

Сколько пог больших и маленьких
 Помнит шаткое крыльцо,
 Сколько новых меток-памяток
 На твое легло лицо.

Ты ж глазами очень грустными
 Быть беспечной запретишь,
 Осторожно мне в напутствие
 Лоб губами освятишь.

Ничего не перепутает
 То свидание с тобой,
 Лишь пришедшая доступною —
 Я уйду почти святой...

Ох, не скоро до весны,
До горластой почки:
Папам грезятся сыны,
А родятся дочки.

Смотрит девочка синё
Из своих простынок,
Будто ждали все ее,
А совсем не сына.

И какие ей дела,
Что устала мама.
Эта девочка мала,
Но уже упряма.

Плачет часто по ночам,
Дребезжит басочком,
Будто правда мальчуган,
А совсем не дочка.

Ох, не скоро до весны,
До горластой почки:
Папам грезятся сыны,
А родятся дочки!

Я что-то Вам о счастье лопочу,
И о стихах, и о сомненьях что-то.
Но, знаете, я очень есть хочу,
А Вы меня встречаете с работы.

Я в доме печь топлю и верю снам.
И спится мне огонь, как крылья
птицы.
Мне так хотелось Вас не знать,
Что я бы согласилась не родиться.

Я не кривляюсь. Я была иной.
Я Вам писала письма. И ревела.
Я есть хочу!
А что Вы — не со мной...
Что любите...
Любите, Ваше дело.

г. Ленинск-Кузнецкий

Николай Калачев

БАЛАБОН

РАССКАЗ

Балабон умер в субботу, на Ильин день.

...Еще накануне вечером Генка Балабон, как обычно, играл в «тысяча одно» и, как всегда, получил по ушам свои полсотни «шлягеров». Утомонились поздно, а в шесть тридцать утра загредел голос начальника:

— По-о-дъ-е-ем!!!

Как река в ледоход, зашумел лагерь.

Начальник поискового отряда Петр Петрович Ретинский за готовность без колебания положить тощий живот на отрядный алтарь был прозван Железным Феликсом. Так, год назад, в осеннюю распутицу, когда встал единственный трактор, старикашка ДТ-75, Железный Феликс тридцать

километров от железнодорожной станции ташил, словно конь, на своем костлявом горбу пудовую звездочку с правой гусеницы. Горняки уважали и побаивались Железного Феликса, и еще никто никогда не залеживался, услышав его крик. И Пухов очень удивился, когда, сходя до ветра, застал Генку Балабона укутанным с головой в спальный мешок. Он подошел к тому месту, где, по всей видимости, должна была находиться Генкина голова, приподнял спальник и потряс:

— Балабон, Феликс идет! Не иначе, разнос ждешь?!

Спальник треснул, словно яйцо, и из него проклянул Балабон. Его рыжие бакенбарды, переходящие в черную шикарную бороду, напомунали голову взъерошенного потасканного петуха. Генка продрал кулаком глаза и с обидой сказал Пухову:

— З-зверь ты, Т-трофимыч. Н-не дал д-досмотреть т-такой сон!..

Балабон немного призаикался и очень этого стеснялся. А во всем остальном старался быть, как говорил о нем Пухов, первым парнем в отряде: репутацию имел отчаянного бабника и вышибохи.

Все мужики, отбухав свои десять суток, уезжали па четыре дня домой — в Абакан, Минусинск, а кто — еще ближе: в Курагино и Краснокаменку. Генка же был холостяк, дома не имел, но тоже уходил в Краснокаменку в сером выходном костюме, подправив ножницами бакенбарды и бороду. Возвращался он в конце выходного в изрядном подпитии, садился за обеденный стол под дощатым навесом и, утопив кулаки в бороду, затыгивал коронную: «По-за-быт, по-за-бро-ше-ен с молоды-ы-ых ю-пы-ых ле-ет...» На песню из своей двухместной палатки выходила толстая повариха тетя Саша, которая оставалась стеречь казенное имущество. Она присаживалась напротив Генки и, пригорюнившись, слушала. Балабоповский голос — чистый, с легкой картавинкой — будоражил. Нел Балабон, а из его синих глаз катились слезы. Глядя на него, тетя Саша говорила:

— Жениться тебе, Гена, надо. Пронадены ведь...

Заканчивал Балабон концерт разухабистой «В огороде баня» и уже не плакал, а топал ногами.

Наутро Балабон тяжело болел и целый день, крутя вороток в паре с Такихчем, вторым воротовщиком Пухова, молчал. И только, когда Пухов особенно быстро погружал бадью, придерживал левой рукой сердце, словно оно у него собиралось улететь. Зато на второй день, оклемавшись, Балабон рассказывал про очередной роман в Краснокаменке.

Происходило это, когда заготавливали крепь. Все трое были на поверхности. Пухов и Тыкач пилили пихтовые чурбаки, а Генка колот их пополам и, используя передышки, говорил:

— З-захожу в к-кинотеатр, с-сажусь на п-последний ряд. Я в-всегда п-последний билет достаю... — Балабон брал разбег и уже не заикался. — Парочки там сидят, ну и все кино: гуль-гуль — интим создают. Одинокие бабочки тоже любят позади сидеть. Сажусь, значит, я. Осматриваюсь. Рядом — она. Ничего так бабеч: кругленькая. Ну, я к ней, естественно. Разрешите, говорю, познакомиться: Геннадий Константиныч — разведчик золота. А она так эле-га-а-антно... — Балабон в левой руке держал кувалду и, приседая, правой оттигивал штанину: — Анна Марселя. Я, было, рот раззявил, но тут же прикрыл. Сообразил: шуткует. Очень приятно, говорю... — Балабон замолкал.

Некоторое время в тайге слышались только взвизги пилы да удары кувалды по железу. Очередная чурка отваливалась от пихты — наступала короткая передышка, и Таких спрашивал, округлив глаза:

— И все, что ли?

Генка молча, яростно расправлялся с бревном и, когда Таких и Пухов вновь начинали пилить, продолжал:

— Соседкой оказалась по гостинице. Учительница. Француженка. Как выяснилось, Марселя — прозвище. Ученики дали. Сидим с ней на диване, приятно так беседуем. Вдруг: ой! говорит, неплохо что-то мне. Снеси, говорит, меня, Гена, на кровать. Отнес я ее, полотенце взял, обмахиваю. Открывает глаза. Поцелуй, говорит, меня, Гена. Поцеловал. Свет, говорит, потуши. Ну, думаю, слава богу,

отошла. Вырубил энергию — и в двери. Куда ты, щепчет, Гена?! Пришлось вернуться. Всю ночь не спал.

Угрюмое, в черной щетине лицо Такиха расплывалось в улыбке, а у Пухова, за полста прожитых лет не привыкшего к подобным историям, уши пламенили, будто петушинные гребни. В такие минуты он ненавидел Балабона и мысленно говорил: «Все-таки дочки намного лучше», — и с ласковостью думал о трех своих дочерях, которые уже невестились, а сердце все равно неприятно покалывало: всю жизнь мечтал Пухов о сыне.

Но стоило Балабону запеть — Пухов прощал ему неусузданность его жизни. Балабон говорил, что петь он любит с детства. И Пухов понимал его: Балабон пел и не заикался и от этого чувствовал себя нормальным, как все люди, человеком. Бывая в добром настроении, Балабон пел целую смену. И под эти песни: то печальные, то веселые, быстрее углублялся шурф и бадьи чередой уходили «на-гора». Выдав дневную норму, Пухов и сам, как черт из преисподней, только что не в смоле, а в рыжей глине, выплывал в бадье на поверхность и соображал с Такихчем обед, а Генку просил петь. И Балабон, сидя в сторонке на крепежных стойках, пел и затуманенными глазами смотрел в даль, где зеленая тайга, темнея, сливалась со светлым горизонтом в единое дрожащее марево.

А Пухов, помешивая берестяным черпаком в парящем котелке, любил сейчас пепутевого Балабона и опять примеривал его в зятя. За обедом, прихлебывая уху из хариусов, наловленных Генкой, Пухов чмокал красными губами и говорил:

— Не-е-ет, Геннадий. Семейная жизнь все-таки сподручней. Правильно я говорю, Такихч?

— Так-то оно так. Да опять с какой стороны посмотреть... — Такихч петоропливо вытаскивал из котелка рыбу, раскладывал ее рядком на бересте, присаливал крупной солью и продолжал: — К примеру, с моей ведьмой... — так лучше век холостяковать. — Глядя в котелок, Такихч качал головой, словно там, в котелке, виделась ему его «ведьма». — Как я дома — заездит, подлюка. Я, говорит,

тут, Герасим, изробилась без тебя в доску. А сама полёживает, ляжки состыкованы, будто две дуги. Не ребятишки, дык давно бы послал к такой матери...

Пухов отбрасывал ложку, прикрывал рот ладонью, побагровев, кашлял (не в то горло попало) и про себя матюкался: «...Дурак! Снова эту балду вспомнил. Опять всю обедню спортил». Откашлявшись, он пытался выправить положение:

— В этом деле ты, Такихч, сам промашку дал. Жену надо выбирать, как сбрую для лошади: чтоб нигде не жало, не терло и в то же время слабины чтоб не было. Словом, все чин-чином должно быть. — Пухов щепотью брал с бересты хариуса, обгладывал, жулькал, закрыв глаза, рыбью голову и так же щепотью отбрасывал скелет с комочком мякиша в кострище. — Сбил ты меня, Такихч, с панталыку. Я про Фому, а ты про Ерему. Вот, я говорю, как ни хороша, допустим, ушница здесь, а дома все... — подчеркивал Пухов. — Все лучше. Ты пельмени любишь, Геннадий? — Балабон неопределенно пожимал плечами. — А я люблю-ю!... — Жмурился Пухов. — Как токо приезжаю из тайги, Мироновна уже наготове. Пожуеть вдоволь да медовухой придавишь. Оно и ничо! Тут тебя, брат, и потянет... — Пухов ставил тычком палец, — с женой побаловаться. А следом: в баньку извольте, Трофимыч. Оно и ничо! У меня и дочки в Мироновну. Тоже порядок блюдут. Вот я и говорю, Геннадий, — Пухов в упор смотрел на Балабона, — не пора ли тебе, парень, семейством обзаводиться? Скоро четвертый разменяешь... Люблю тебя, вот, Геннадий, за песни. Так-то, вроде и не за чо. Поедем на выходной ко мне. Три дочки! Любую по дружбе отдам. Оно и ничо... будет.

Балабоновские плечи дергались, и он смущенно говорил:

— Н-нет, Т-трофимыч. Еще п-поколобродю м-маленько, — и, быстро допив чай, уходил в тайгу «поразмяться».

...В поисковом отряде Балабон появился год назад. И после одного из выходных, когда он рассказывал об очередном своем походе, Пухов заметил ему:

— Ох, и балабон ты, парень! — Это у Пухова было самым большим ругательством. — Балабонишь на крупу и на муку. А что балабонишь — и сам не знаешь.

Генка ответил:

— А я т-такой, Т-трофимыч. П-помирать буду, и т-то н-ногой д-дрыгну.

Так Генка стал Балабоном. И теперь никто в отряде не помнил фамилии, что дали Генке родители. А в это субботнее утро Генка, приплясывая на левой ноге (надевал рыжие от глины спецовочные штаны), рассказывал свой сон:

— П-понимаешь, Т-трофимыч, п-приснилась мне д-девушка. М-моло-о-оденькая совсем! Я л-люблю тебя, г-говорит, Г-гена. Что ты, г-говорю, д-девушка, я же с-старик уже. — Балабон справился со штаниной и запрыгал на правой ноге. — Это, г-говорит, н-неважно, Г-гена. Т-только я руку п-протянул, п-по г-голове ее п-погладить, а тут т-ты...

— Кто про что, а вышивый все про баню, — безнадежно сказал Пухов и повернулся к выходу. Он откидывал полог палатки, когда позади раздался вскрик. Схватившись рукой за сердце, Балабон падал ничком на раскладушку.

Пухов бросился к Генке. И откуда только силы взялись?.. В другое время он не строил бы с места этакого верзилу, а сейчас быстро уложил Балабона на спину. Вошел Такыч. Вдвоем они добрый час пытались вернуть Генку к жизни. Палатка заполнялась народом, а Пухов и Такыч давили и давили Генкину твердеющую грудь. Они давили ее до тех пор, пока Железный Феликс не сказал:

— Хватит, мужики. Бесполезно...

Этот день начальник объявил нерабочим.

Еще было неизвестно, где будет похоронен Генка Балабон — здесь, в лагере, или до родных совершит последний путь по железной дороге, а четверо горняков за молодым ельничком, поблизости от лагеря, на высоком пригорке копали могилу; двое мужиков ладил гроб; один на вездеходе уехал в Краснокаменку за фельдшером; Пухов совещался с начальником о похоронах; остальные — чело-

век десять — колготились чуть поодаль от навеса, в тени которого на добела выскобленном обеденном столе лежал обмытый тетей Самшей, выбритый, принаряженный в серый костюм, помолодевший Генка Балабон. Мужики угрюмо курили. От палатки начальника подошел Пухов.

— Из экспедиции радируют: адреса родных в кадрах нет. Хоронить будем тут.

Мужики молчали. Пухов тоже замолчал и, посмотрев в сторону навеса, подумал: «Надо бы что-нибудь сказать подходящее случало», — и сказал:

— Да-а-а. Жил грешно и умер смешно. Оно и ничо...

Пухов понял, что ляпнул несуразное и засопел. Он растерянно переводил глаза с одного на другого. Тут прорвало угрюмого Такыча:

— Не балабон он! Слышишь, Пухов?! Я в Краснокаменке живу! Я знаю. За Генкой ребятишки собачатами ходили... А все вечера в кино... по несколько раз одно и то же смотрел. И пил он в ста метрах от лагеря. — Такыч помолчал, шевеля толстыми потрескавшимися губами, на черной задубелой шее дергался кадык. Тихо закончил: — Просто быть он хотел, как все... — и махнул в сторону Пухова: да что, мол, толку тебе про то говорить...

Пухов поморгал белыми ресничками, повернулся к мужикам спиной и побрел к молодому ельничку. Шел он сгорбившись, по-стариковски шаркая ногами, бездумно скользил перед собой взглядом, и губы его шевелились, на окраине ельника присел на кедровый пенек...

Тут в декабре еще стояла высокая с разлапистой вершиной кедрка, под которой было нечто вроде лагерного клуба. Больно место уж красивое. Но потребовались Сене Кучеравому лыжи широкие, охотничьи, и срубил он, дурак, кедрешку. Будто осины в округе не нашлось. Угробил дерево себе на беду. Вечером того же дня сводил его Балабон на место преступления. О чем они там говорили?.. — не знает Пухов, только вернулся Сена в лагерь с мордой расквашенной. И утречком в неизвестном направлении насовсем испарился из отряда,

и лыжи не потребовались. Долго тогда удивлялся Пухов Балабону: тюфяк тюфяком, а, ты гляди, за правое дело и нагрубить может.

Пухов сидел на пеньке и думал: «Да что же это такое, сынок?.. Как ты мог?.. Эх, Генна-

дий, Геннадий!..» А Балабон лежал под навесом, и была тишина, прерываемая иногда звяканьем кайла, лопаты на высоком пригорке, тихим человеческим стоном у молодого ельничка да криком кукушки.

г. Междуреченск

Николай Клишин

* * *

Мамонты последние уходят:
Климат подвигается другой.
Что-то необычное в природе,
Необычный ледяной покой,
Над планетой солнца свет притушен;
Клонит притяжение земли;
Веет отовсюду вечной стужей;
И следы метели замели.
Тяжко им, громадным и могучим,
Покидать родимые места.
Но наполнены снегами тучи,
И равнина белая пуста.
Умирают тяжело, под снегом,
Каждый остается, как гора,
Двигается за ними кто-то следом —
Наступает новая пора.

* * *

Возлюбили внезапно животных;
Невзлюбили внезапно людей.
И во имя идей благородных
На земле развели лошадей.

Стало сразу спокойно и тихо:
Зелень даже в песках проросла.
Беспрестанно проносятся лихо
Табуны, нет которым числа.

Позабылись людские тревоги —
Что страдать и о чем вспоминать?
Ковылем зарастают дороги,
Где монгольская двигалась рать.

И величием дышит природа.
Звезды ярче сияют во мгле.
От заката теперь до восхода
Тишь и гладь, тишь и гладь
на земле.

* * *

Червячок этот дуб подкосил,
Под могучими кроясь корнями.
Сколько было потрачено сил,
А теперь лишь труха над полями.

Упирался тот дуб в облака
Кроной, будто вершиной Кавказа.
Перед мощью робела рука.
Необъятное было для глаза.

Над землей ураганы неслись,
Исчезали и реки, и горы.
Он ветвями охватывал высь,
Он корнями заполнил просторы.

Содрогалась от мощи земля.
Только тленье кора источала...
И летела труха на поля —
Неземных потрясений начало,

г. Прокопьевск

ПЕТЯ С СОСЕДНЕЙ УЛИЦЫ

РАССКАЗ

«Опять, поди, лежит на диване и пялит глаза на телевизор», — с досадой подумала Катя о муже, пробираясь с сыном по заснеженной тропинке к дому.

Вошла в дом, помогла пятилетнему Генке раздеться и — опять к двери.

— Куда? — лениво спросил из комнаты Василий.

— За молоком сбегаю. Договорилась с одной старушкой с соседней улицы, буду теперь каждый день по два литра у нее брать. — Катя заглянула в комнату, добавила укоризненно: — Вася, ты бы хоть печку затопил, примерзнешь ведь этак к дивану.

— Начинается, — проворчал муж, и пружины старенького дивана скрипнули под ним. Должно быть, улегся поудобнее.

Катя обиженно махнула рукой, подхватила бидончик и вышла за дверь.

— Долго ты что-то, — сказал Василий, когда жена вернулась.

— Поболтали немножко. А ты встал все-таки? И печь затопил? Уже достижение.

— Ничего себе, немножко поболтали. Почти час ходила за молоком, на соседнюю-то улицу. Ох, уж эти женщины, любите же вы поговорить, — заметил Василий.

— Причем тут женщины? — повела Катя плечом. — Я не со старушкой, а с сыном ее беседовала. Сын у нее есть, Петей звать.

— Взрослый?

— Конечно. В нашем с тобой возрасте.

— Семейный?

— Нет, холостой, — рассмеялась чему-то Катя.

— Ну-ну-ну, — оживился Василий. — И о чем же вы с ним беседовали?

— Да так, о жизни, — коротко сказала Катя. А на губах ее играла улыбка.

«Симпатичная у меня Катюха!» — с удовольствием подумал Василий, а вслух спросил:

— Двор почистить, что ли?

— Да ладно, лежи, я сама, — сказала Катерина. — Притомился ведь на работе. Я и то беспокоюсь, здоров ли ты. Что-то в последнее время на усталость жаловаться стал. Может, врачу тебе, Василий, показаться?

— Не беспокойся, силенки пока хватает, — сказал Василий, расправляя плечи. — А лопа-та где у нас, во дворе?

На следующий день побежала Катя за молоком и опять задержалась, как отметил Василий, дольше положенного. Когда жена вернулась, он деланно беспечно тоном спросил:

— Ну, и как там сын?

— Какой сын? А, Петя, что ли? Хороший человек. Внимательный, обходительный. Говорит мне сегодня: «Даже не подумаешь, что у вас ребенку уже пять лет. Как девушка вы».

— Ты смотри! А еще что он говорит?

— А еще он говорит, что знает тебя. И удивляется, как я только живу с тобой. Ведь никакого от тебя внимания. А такую женщину, как я, говорит Петя, на руках носить надо.

— Вот пусть женится и носит свою бабу,— сказал Василий с явным раздражением в голосе.

— Да, и еще терпеть Петя не может,— сказала Катя, тряхнув волосами,— когда женщину бабой называют. Так и говорит: «Терпеть я этого не могу!»

— Чего делать надо? А то через полчаса кино по телевизору.

— Может, в магазин сходишь за хлебом?

— Ну, придумала. Еще по магазинам я бегать буду.

Вернулась Катя из магазина. Хотела попросить мужа воды принести. Да где там! Фильм начался. Теперь его от телевизора не оторвешь. Раньше-то не глянула, что воды нет. Взяла ведра, коромысло и — к колонке. А когда вернулась и переливала воду в бачок, сказала громко, откинув движением головы прядь волос со лба:

— Хорошо, свет не без добрых людей. Свой не поможет, так хоть чужие...

Василий пружинисто поднялся с дивана и вырос в дверном проеме, ухватившись руками за обпалочку.

— Что — чужие? — спросил он.

— Надо же, отклеился от телевизора!

— Какие чужие? — спросил он опять, не дождавшись ответа от жены.

— Какая разница, какие... — сказала Катя, наливая водой чайник. — Петя помог. Увидел, что я воду набираю, свернул к колонке, донес мне воду до дома.

Василий прищурил потемневшие глаза:

— Что ж в дом не зашел? Я б его поблагодарил.

— Он, Петя, с детства такой, — говорила в это время Катя, словно и не замечая перемены в муже, — маленький еще был, а уж матери все-все помогал делать. И вырос — так ни к чему прикоснуться не дает. У такого, если женится, жена, наверно, таскать воду не будет.

— А ты подождать не могла? — сказал Василий, окончательно теряя терпение. — Досмотрел бы кино и принес бы воды.

— Мне ужин готовить надо, а я ждать тебя буду.

— Запомни, Катюха, чтоб к ведрам больше не прикасалась! Я пока еще не калека, чтоб соседи выручали... А молоко ты у этого Пети больше брать не будешь.

— Да ты что, Васенька! Я не у Пети беру молоко, а у тети Дуси. Генке без молока нельзя.

— Тогда я сам за молоком ходить буду!

— Ходи! — Катя рассмеялась, глядя на мужа.

— Веселая ты стала в последнее время, — Василий привлек жену сильными руками к себе и замер на мгновение, вдыхая запах ее волос. Вспомнилось, как целовался с ней в первый месяц знакомства.

На другой день отыскал Василий нужный дом, задержался на крылечке, стараясь выровнять дыхание, подумал про себя: «Ах, черт, нервничаю». И без стука открыл дверь.

На него пахнуло каким-то родным полузабытым запахом детства. Просторная кухня в половину избы с широкой и приземистой русской печью напомнила Василию отчий дом в деревне. Золотистые вязанки лука так же висели на стене. Так же сохли на лавочке, прислоненной к теплому боку печки, подшитые валенки. И даже пожилая женщина, что вошла у печки, со спины показалась Василию похожей на уже ушедшую из жизни его мать.

— Здравствуйте, — сказал он негромко.

Женщина обернулась. На мать совсем не похожа. Но лицо ее в лучиках морщинок показалось ему добрым и каким-то родным.

— Здравствуйте, — ответила хозяйка. — Вы Катын муж? Присядьте. Сейчас налью.

— А где Петя? — спросил Василий, с трудом произнося ненавистное ему имя.

— Петя? Вы разве знаете Петю?

— Да я... — замялся Василий.

— Ох, Петя, Петя, — вздохнула старушка и присела на низенькую скамеечку, положив на передник руки. — Он ведь с семьей на Урале живет. Три года глаз домой не выберет. Матери письма написать время не выберет. Не думала я, что мой Петя таким станет. Маленький был, все, бывало, говорил мне: «Вырасту большой, я, мамка, тебе работать не дам. Всю работу сам делать буду». А те-

Иеръ вот дров наколоть некому... Вы Петю по школе знали, должно?

— Угу,— невнятно бормочет Василий, покашливая в кулак.

— Что долго?— такими словами встречает

г. Тайга

Катя мужа и добавляет с улыбкой:—С Петей разговаривал?

— Эх ты!— говорит Василий укоризненно и любовно.— Кому ты, рыжая, нужна, кроме меня?— И посерьезнев, решает:

— Надо этой тете Дусе дров наколоть. От Пети твоего, как я погляжу, толку мало.

Владимир Советов

МОНОЛОГ ИЗ СТРАННОЙ ПЬЕСЫ

Я хочу, чтоб ты меня любила,
но не за «Сони-стерео» и джинсы «Лэвис»,
которых у меня нет,
и не за Булгакова, Кафку и «Бонни М»,
которых у меня нет,
и не за новые «Жигули» ВАЗ-2106,
которых у меня нет.

Я хочу, чтоб ты меня любила
за благородство, ум и доброту,
которыми я тоже
не блещу.

* * *

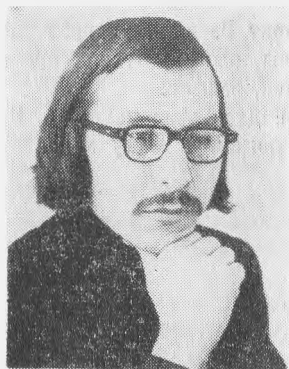
В метро,
желтом от света и кафельной плитки,
сыром от дыхания тысячи легких
и запаха темных тоннелей,
в метро,
где гул миллионов шагов
сливается с шумом его поездов,
уносящих людей безразлично
в разные стороны,
отвернувшись к окну, в вагоне
среди обрывков чужих разговоров,
среди газет справа и слева,
среди усталых людей,
дремлющих на ходу,
стоит маленький высокомерный
мальчишка
и притворяется взрослым.

ВЕСНА

Птенец птеродактиля, гусь
металлический —
Экскаватор ЭШ-10/70 —
сегодня приполз на новый участок.
Железо прошло над полями, дыша
теплым нутром электрическим.
Железо прошло, качая ковшем,
и враз
завалило целую рощицу
с ее родниками и земляничкой.
Железо прошло,
железо.

А внутри
сидел живой человек
и думал, как он
с ближайшей полочки
купит себе мотоцикл.

СВЕТ И ЛИСТ

Постепенно, постепенно
Вкладывает в забыты
Город в каменные стены
Откровения свои.

В пустоту между стенами,
Раскрывая землю, чист, —
Возносился над домами
Невесомый звонкий лист.

В тот момент, земли касаясь,
Отрываясь от земли,
К тучам серым порываясь,
Пятна светлые прошли.

Разошлись на небе тучи,
И в оконный оком,
Снизу вверх — как в пропасть
с кручи,
Свет и лист ушли вдвоем.

А внизу шарообразно
Все горит сухая пыль,
Все горит однообразно
Городская эта быль.

Вновь вокруг темно и пусто,
Но — с простором заодно —
Узнает шестое чувство
То, что первым не дано.

* * *

Даль разламывая, ветер
Тихо стонет в проводах.
Двести лет живет на свете
В пролетарских городах.

Но родней ему и ближе
Не в железины греметь —
Раскрутив солому с крыши,
В тонких дудочках звенеть.

* * *

Кто сказал: «Не возвращаться
К брошенным черновикам»,
Если в сердце постучатся
И попросятся к рукам?

И такие встретишь строки —
В грудь волнение отдает:
Младший старшему уроки
Сквозь года преподает.

* * *

Поэт молчит. Мальчишки пишут,
Такие наглые сперва.
Но с каждым днем труднее дышат
Первоначальные слова.

И дальше чем, тем безысходней
Звучит утеранный мотив.
Не мальчик вниз идет по сходням,
Мужчина, руки опустив.

И вроде смысл ему понятен,
И так легко идут слова...
Не оставляя нервных пятен,
Как — Дым, Дорога и Листва.

Но как повертывать их к свету?
И как значенье означать,
Чтоб шли к единому ответу,
Когда не можешь промолчать?..

г. Прокопьевск

ИЗ ВПЕЧАТЛЕНИЙ ДЕТСТВА

ЛОСИНЫЙ РОДНИК

— Вот и настоящая весна,— открыл дверь в избу Витин дедушка.— Черемуха по тайге занялась. Прямо пеной польнёт. А землю под картошку нынче за Лосиным родником дают.

— Надо глянуть ее,— отозвалась бабушка, отжимая над корытом белье,— возьми вон Витю да и сбегай по-молодецки.

— И правда, коли так,— согласился дедушка.

Лугом идти до Лосиного родника долго. Может, целый час даже. Только все равно не устанешь. Кругом такая красота! Одуванчики из травы золотыми пуговками выглядывают. На легких крылышках семена мать-мачехи качаются — крохотные парашютики. Колыхнется низовой ветерок, и разгораются купальницы. Так и пышут жаром. Их за это жарками и зовут.

— Ку-ку... ку-ку,— несется из кустов. Кукушка жалнит. Витина бабушка как-то говорила: Это она по деткам скорбит. Хочется ей взглянуть на своих деток. Да не может. Нет. Не знают они родную мать. И она их не узнаёт. В «чужих людях» смальства ведь росли. Вот и горюнятся она, мыкалка бедная.

— Сама хороша больно,— сказал тогда дедушка,— порастрясла детей, извертелась вся, распустихала...

— Э-э, деданька,— перебила бабушка, прихватывая тряпкой чугунок,— богом заведено: всякая букашка должна матерью быть. Каждой твари счастье материнское отмерено... а тут не иначе злая разлучница подстроила... чтоб не видать кукушке своих чадушек.

— Бабушка, а кто эта разлучница злая? — интересно Вите.

— Так вот кабы знать-ведать... да никому не дано это колдовство разгадать. И плачет, горемычная. И прорастает тот плач «кукушкиными слезками»...

— Знаю, знаю,— перебил Витя,— цветы такие. Душистые-душистые.

— Потому и душистые, что вся материнская любовь слезой обронила.

Бабушка как-то печально посмотрела на Витю и ласково погладила его по голове.

— Вот бы разгадать кукушкину тайну. Найти бы разлучницу самую эту и заставить с детьми кукушку свести,— размечтался Витя.— Только она куковать тогда перестанет.

— Э-э, Витенька, никакая печаль желанней радости-то не бывала. Да она от счастья-то, от талана, может, так запела бы — лес да горы ходуном бы заходили. Потому нет счастья материнского...

— Дедушка, а почему этот родник Лосиным зовется? — спросил Витя, когда они подходили к роднику.— Лоси в нем пьют? Да?

— Пили и лоси. А теперь в нашей глухомани вон какую электростанцию отгрохали. Заводов понастроили. Горы проломила железная дорога. ЛЭПы тайгу растолкали. Все за какой-то десяток лет. Сморгнуть не успели — город вымахал. Лось шума не любит. Да и от греха подальше. Народец-то в городе всякий попадает.

— А почему родник так называется,— дедушка затаил в глазах хитринку,— ты сам попробуй-ка сообразить.

Родник весь ивовою стеной огорожен. Это от него-то и начинается Черемшанка. Речка небольшая. Хорошо разгонись — перепрыгнешь. А хариусы в ней ходят! Хариусам такая вода — благодать...

Пробирается Витя по тропинке в кустах к роднику. А из травы то тут, то там незабудки выглядывают. Махонькие такие цветочки. Да голубые-голубые. Будто небо кто-то в брызги расплескал. И эти брызги то тут, то там вспыхивают, гаснут, снова вспыхивают... точно в прятки играют.

Вот он, родник. Взглянул Витя, и ого-го! Вот это чудо! Лось! Лежит лось... и рога, и голова, и ноги — всё лосиное. И дышит. Где у лося должны быть ноздри, там вода ключиками. Дышит лось. И все тело его то поднимется, то опустится. Пух от ив всё-всё завалил — шубой лося одело. Под боками «звёра» ключи пульсируют. Все вместе они быстро в роднике воду поднимают. Поднимется вода и тут же скатится через края. И побежала уже речкой Черемшанкой. А в роднике вода снова осядет. Снова поднимется и снова осядет.

И лосиные бока в белой шубе то поднимутся, то опустятся, то поднимутся, то опустятся. Лежит лось и отдыхает в ивовом затишье. А вокруг пеночки ручеечками журчат, малиновки на все лады разливаются, и золотая птичка-юла то и дело вызванивает: тюр-люр-тюр-лив-ти-тив, люр-люр-тюр-ли-и-в, люр-ли-и-и.

Пауки поразвесили свои сети. А в них тоже паху набилось! И получается, будто пуховые одеяла они поразвесили. Трескучую зиму проводили, а теперь сохнут да солнца набираются одеяла.

РАДУГА

Долго у нас дождей не было. Даже земля трещинами пошла, так иссохла.

Появится иной раз туча. Тяжелая, лохматая. Ветер помчится по улице. Верхушки деревьев погибает, задирает хвосты курицам, ставнями хлопает и завертит пыль по дорогам.

Ходуном ходит туча, переваливается, даже кажется, шипит, как черная пена. И здоровенными каплями швыряется.

Шлепнет капля об дорогу — пыль взрывом! По уху попадет — кнутом щелкнет.

Да толку... попрыгают, постучат по дороге, пощелкают капли по листьям на деревьях, а дождя всё равно нет.

— Проклятущее дело, — вздохнет бабушка вслед туче, плюнет в сердцах и заругается: — Анчхрист! И так уж все в огородах пожгло. Лягушки со всей ивановской в пруд собрались. Орут, как оглошенные.

А однажды пришла туча, совсем не похожая на другие. Закрыла солнышко, будто заботливо штору задернула. Легкий ветерок потрепал вязы, лопоухие тополя зашептались, заскрипели калитки.

Засеяла тучка сперва мелко-мелко, да как хлынул дождь! Частый, теплый, шумный. Тузик едва успел ноги в конуру унести! Растрепанные куры под крыльцо сбились, невесёлые стали. Что намокли злятся. А чего злятся-то?

Выскочим мы с Мишкой из сеней, поскачем под дождем, поскачем и снова в сени.

— Витька, во волосы расти будут! — визжит Мишка и большой отогнутый палец показывает.

Прибежал с огорода дедушка. Такой он стал тощий, смешной. Рубаха на нем сморщилась, поприлипла к животу, к спине; волосы на голове сосульками сделались. А с них и с бороды вода капает.

Давай он подставляя под стреху кадушки, ванну, ведра.

Везде ручьи забурили. Подняло водой всякий мусор, палки, щепки и по канавам в водоворотах закрутило.

Звонкие лопаются по лужам бульки с пущырями.

— Хорош дожжачек, одна забава, — радуется дедушка и полотенцем голову вытирает.

А потом тучка тихонько уплыла за амбары, за мельницу, за речку, и выпрыгнуло яркое солнце. Заиграло, рассыпалось по мокрой траве блестками. Червяки из земли повылазили и растянулись как попало. Будто со лому раструсили.

А утки важно по грязи шлепают и раз-раз-раз! Глотают червяков и лопочут. Наверно, спрашивают: «Как-как-зав-трак-трак?»

— Пря-пря-ра-ра-дось!

— Мишка, бежим лужи мерять!

Засучили мы штаны и босиком по канавам! Кораблики пускать — щепки самые. Вода теплая, дно в канавах мягкое И все плывет да об ноги нам ударяется. Щекотно, ну забава, прямо!

Как дернет меня за штанину Мишка: «Гляди, гляди чо!»

Я от толчка поскользнулся и прямо в жидкую глину. Вскочил, хотел заругаться на Мишку, а он и не смотрит, какой я злой, стоит ко мне спиной и рукой показывает, куда мне поглядеть.

Глянул я и ой! Чудо-то какое!

Большущая дуга через речку перевисла. Вся разноцветная, вся переливается.

И колхозная конюшня, и рига, и амбары, и ветряная мельница тоже разноцветные стали, легонькие и будто в поднебесье всплывают.

— Это радуга, — говорит Мишка. Он всегда все знает.

— Мишка, а откуда берется радуга?

— Бабушка говорила: ее бог делает и на землю опускает, чтобы святых на небо забирать.

— Здорово-о-о! Побежим, Мишка, смотреть, как святые по радуге пойдут.

И припустили наперегонки. Она же вот она, рядом.

Но ничего мы не увидели, когда прибежали к конюшне. И у мельницы ничего не было. А все было, как и всегда было. Была в мокрых подтеках мельница, и на ней ершились мокрые воробы. Они отряхивались, чистили перышки и кричали.

А как хотелось потрогать радугу.

Дома я рассказал про свои неудачи.

Мать даже не заругала меня за то, что я пришел как «анчутка». А дедушка, улыбаясь, сказал: «Если бы ты вставать умел рано... Мы бы с тобой искали радугу».

— Встану, дедушка! — обрадовался я, — честное слово. Ну, дедушка, ну, давай искать радугу.

Утром я мигом надел штаны, нырнул в рубаху — и из дома. Даже завтракать не стал. Какое там!

А скворцы-то заливаются! Вся деревня от них звенит. Днем они так не поют.

— Все чудеса, Витя, рано утром бывают, — говорит дедушка. — Кто рано встает, тому все радости от солнышка достаются.

Шли мы вдоль речки по дугу и попали на капустное поле с рассадой. На капустном поле так прохладно сразу, даже зябко стало.

И стоит там трактор, а от него толстенная труба змеей отползла и в другую, в железную трубу вцепилась.

Дедушка подошел к трактористу и о чем-то с ним поговорил.

А тракторист-то... это же Генки Ерохина отец, дядя Семен.

Дядя Семен покивал дедушке головой и крикнул: «Бойся!». Да как дернул какой-то ремень.

Трактор захвохтал, как наседка, потом расхохотался да как затарахтел! Как затрясся!

— Отойдем подальше, — взял меня дедушка за руку, а когда отошли, повернул лицом к трактору.

— Радуга! Радуга! — закричал я и оглянулся, потому что кто-то тоже кричал звонко.

А никто и не кричал. Сам это я и кричал. А дедушка молчал, и дядя Семен молчал. А от трактора с шипеньем вылетала толстенная водяная дуга и сыпала дождем на капустное поле. Под той-то дугой как раз и загорелась радуга.

— Дядя Семен, вы бог? Да?! — изумился я, когда трактор замолк и присмирел, будто он — это не он. — А где у радуги ступеньки были?

— Какие ступеньки? — не понял дядя Семен.

— По которым святые на небо ходят.

— А-а, — рассмеялся он, — святые по которым... — и сразу посерьезнел: — Старушечьи выдумки все это про святых да грешных. Не верь ты им, Виктор.

Так и назвал меня как взрослого.

— Нету никакого бога. Не было и не будет.

— И чертей тоже нету?

— Конечно, нету.

— И домовых, и русалок?

— И леших, и дьяволов, — не дал договорить дядя Семен, — и ведьм, и попов... тьфу

т-ты,— рассмеялся он весело,— заговорился с тобой. Попы-то как раз есть, хотя как раз они-то нам с тобой не нужны, как раз они-то и навывдумывали всю эту чертовщину.

— А тогда кто же большую радугу делает?

— Вот пойдешь в школу, учитель тебе все расскажет. Да что расскажет, он тебя и делать ее научит. И молнию, и дождь, и снег, и еще такое, что и никакому богу не прижится.

— Он все-все умеет?

— Конечно, умеет. И тебя всему научит. Только нет, не знаю, — поскреб дядя Семен затылок, — хочешь ли ты?

И пристально посмотрел на меня.

— Конечно. Еще как хочут-то.

...Эх, скорей бы в школу.

ИВУШКА

Стоят ивы зеленые-зеленые. Точно к празднику вымытые. Дунул ветерок — серебром их окатило. Листья у ивы с одной стороны

зеленым воском облиты, а с другой — белые, пуховитые.

— Смотри, дедушка, — показывает Витя, — дунет ветерок, и листочки раз! — и перевернулись все белой бархатной стороной. Будто много ладошек ива выставила навстречу ветру. Как защищается. Правда?

— Правда, — соглашается дедушка, — да так оно и есть. Защищается и защищает.

— Кого защищает? — интересно Вите.

— А где как не в мелколесье услышишь самых лучших пернатых певцов? Вся весенняя кулижка сюда собирается. В ее зарослях не страшны им никакие хищники, и от непогоды они хорошо укрыты. И стол тут всегда для любого накрыт. Как не запоешь, когда все хорошо и в доме достаток. Вот и заливаются на все голоса, душу радуют, — кивнул он в сторону зарослей, где неуемный перезвон пернатых славил весеннее утро.

— Потому и пришла ивушка в песни к людям. И сама, как песня, хороша в любое время.

Анатолий Сосимович

СУДЬБА ЗАБЫТЫХ ДЕРЕВЕНЬ

ИЗ СЕЛА — В ГОРОД

Было это почти два десятка лет назад. В редакцию Яшкинской районной газеты, где я тогда работал, пришло письмо из деревни Брусьянка. Под ним стояло более десятка подписей рабочих совхоза «Пачинский». Вот что они написали: «Есть такая деревня Брусьянка. Раньше здесь был колхоз, а теперь бригада первого отделения совхоза. Когда на ферме были овцы, работы всем хватало. Овец не стало — пригнали нетелей. Их хотели оставить на зиму. Но получилось так, что от нас и нетелей угнали. И вот теперь целая деревня осталась без работы. Два раза мы ездили всей бригадой в контору, но ничего не добились. Нам обещали квартиры в Паче, чтобы мы могли переехать из Брусьянки и работать на центральной ферме, но и этого обещания не выполнили».

Газета опубликовала это письмо, дирекция совхоза помогла жителям Брусьянки, обеспечив их работой. И, пожалуй, сегодня не стоило бы ворошить прошлое, если бы проблема, поднятая брусьянцами, была локальной, если бы она не касалась многих десятков и даже сотен кузбасских деревень (и не только кузбасских), ныне отнесенных в разряд неперспективных и предназначенных к исчезновению с лица земли. Кстати, Брусьянки уже нет давным-давно, как не стало в том же Яшкинском районе за последние годы нескольких десятков деревень, как разъехались по городам и весям жители сотен неперспективных деревень в Кемеровском и Мариинском, Новокузнецком и Прокопьевском и многих других районах области.

Конечно, прошлого не вернешь и заново

эти деревни в ближайшее время не отстроишь. Да и есть ли необходимость это делать! Но ведь в каждом районе области еще есть десятки деревень, отнесенных к разряду неперспективных, предназначенных к сносу. И их судьбы, судьбы тех, кто все еще живет в таких деревеньках, не могут быть нам сегодня безразличными.

Попробуем вместе, уважаемый читатель, нарисовать картину жизни неперспективной деревни сегодня.

По внешнему виду — деревня как деревня. Электрический свет в домах, телевизионные антенны на крышах. Голубой экран телевизора, динамик громкоговорителя или радиоприемника в считанные минуты перенесет жителей в Москву или на Камчатку, в Алмату или Вильнюс. Но если кто-либо из них захочет попасть в районный центр или на центральную усадьбу совхоза — то тут уж, извините, не прогневайтесь: дороги, особенно в распутицу или во время зимних метелей, становятся непроезжими, а расстояния... До райцентра — 30—50, до конторы хозяйства, как минимум — 10—15 километров. На лошадке летом еще можно добраться, а зимой — большой риск. К тому же лошадей в таких деревнях осталось не так уж много, да и те, как правило, под седлом у сельского начальства служат. А об автобусном сообщении и думать нечего: автобусы ходят в лучшем случае по двум-трем маршрутам в районе, а район по площади что малое европейское государство. Добавим к этому: в таких деревнях кто-то поторопился закрыть медпункт, клуб и библиотеку — невыгодно содержать. И школу восьмилетку, а потом и начальную тоже ликвидировали: во всей дерев-

не едва десятка полтора детишек наберется. Вот и получается, что каждая поездка в больницу превращается в проблему, желание повидаться с дочкой или сыном, которые учатся в соседнем селе и живут в интернате, — обернется горькими мыслями о неухоженном, растущем без материнского догляда чаде; отсутствие соли или спичек, незапасенных впрок, — вызывает досаду на неустроенность всей жизни.

Но главная беда — здесь нет постоянной работы.

Вспоминаю давний разговор с бывшим председателем Литвиновского сельского Совета Е. Г. Жинковым.

— Летом на полях и фермах всем дела хватает — и старому, и молодому. А зимой, к примеру, в Крылове люди без работы сидят. Животноводы и механизаторы — при деле, а остальные — как придется. И в то же время в Нижней Тайменке или в Зырянке, где расположены крупные животноводческие фермы, людей постоянно не хватает.

Оговорюсь, недавно на базе деревень Крылово, Нижняя Тайменка и Зырянка был организован новый совхоз и положение здесь изменилось к лучшему. Но ведь в других-то неперспективных деревнях совхозы не созданы. И практически там мало что изменилось.

Рабочих рук в селах области не хватает с каждым годом все больше и больше. И в то же время в неперспективных деревнях эти руки не находят работы. А без работы, даже если у тебя есть хлеб и все, что нужно к хлебу, — что за жизнь! Уж так устроен наш человек: не может он быть сторонним наблюдателем большого переустройства жизни, он хочет быть активным участником этого переустройства. И многие из тех, кто по стечению обстоятельств оказался жителем неперспективных деревень, приходят к выводу: надо перебираться поближе к постоянной работе, к школе, клубу. Одни переселяются в соседнее село или на центральную усадьбу совхоза, а другие — их значительно больше — в ближние города.

ЗАКОНОМЕРЕН ЛИ ПРОЦЕСС!

Едва ли стоило тревожиться о том, что часть сельского населения уходит на промышленные предприятия, если бы речь шла не о Кемеровской области, а допустим, о Ферганской области Узбекистана, где на селе живет половина населения. В нашей же области, где, по последним данным, уже сегодня в городах и рабочих поселках живет 87 процентов населения, этот процесс превратился в серьезную проблему. Особенно, если учесть, что из 13 процентов, проживающих на селе,

только 6 процентов имеют прямое отношение к сельскохозяйственному производству. А спрос на продукцию сельского хозяйства с каждым годом все больше и больше возрастает. Конечно, как говорят, в идеале такого количества сельского населения достаточно, чтобы прокормить горожан: в Англии, например, при меньшем соотношении сельского и городского населения деревня почти полностью обеспечивает продуктами животноводства многочисленные города. Но то в Англии, где и климат помягче, и условия производства, кроме всего прочего, обеспечивают более высокий уровень производительности труда в сельском хозяйстве, а то в Кузбассе с его коротким летом и почти полугодовой зимой. Добавим для сравнения, что в Англии на 6 млн. гектаров пашни приходится 11,5 млн. сельского населения, а в Кемеровской области на 1,5 млн. гектаров пашни — чуть больше 300 тысяч жителей деревни. Согласитесь, соотношение, о многом заставляющее задуматься. И в первую очередь, о том, что не так уж в сложившейся ситуации закономерен и прогрессивен процесс оттока сельского населения в города. Особенно, если учесть, сколько горожан привлекается сегодня на сельхозработы летом и осенью. Правда, процессы миграции однозначны. Как правило, сейчас основательно растут центральные усадьбы совхозов и колхозов за счет естественного прироста и приезжающих из городов, и в меньшей степени — за счет бывших жителей неперспективных деревень.

Центральные усадьбы таких совхозов, как «Красносельский», «Пачинский», «Шахтер» в Яшкинском или «Сосновский» в Новокузнецком районах, практически превратились в большие и благоустроенные рабочие поселки, в которых проживают от двух до пяти тысяч жителей. Но большинство жителей многочисленных Еловок и Ивановок, Пихтовок и Березовок, попавших в разряд неперспективных и ныне «приказавших долго жить», туда не попали. Они перебрались в города и рабочие поселки.

Почему же люди, всем сердцем любящие землю, прожившие всю сознательную жизнь в селе, уезжают в города, а не на центральные усадьбы хозяйств или в соседние, перспективные села, где обычно располагаются центры отделений совхозов? Ведь, как говорилось выше, многие из них уже сегодня по своему облику и уровню культурно-бытового обслуживания больше похожи на поселки городского типа, чем на деревню.

С кем бы ни приходилось говорить об этом — советскими и партийными работниками, руководителями совхозов, сельскими старожилками, — мнение было одно. Главная причина — затянувшийся процесс сселения не-

перспективных деревень. Да, впрочем, сселения как такового и нет, есть неуправляемый никем процесс медленного затухания таких деревень.

Мне в свое время пришлось проследить от начала до конца, как, например, доживала свои последние годы деревня Еловка в Яшкинском районе. В середине 50-х годов Еловка была центром колхоза имени Кутузова. Был здесь и клуб, и медпункт, и восьмилетняя школа. В конце 50-х — начале 60-х годов Еловку сначала объединили с колхозом «Авангард», и она стала центром бригады. Медпункт закрыли, школа из восьмилетней стала начальной: к тому времени уже было во всеуслышанье объявлено, что Еловка — деревня неперспективная, что в ближайшие годы ей придет конец. А потом образовался совхоз «Пачинский», в который вошли два десятка деревень, в их числе оказалось больше половины неперспективных. Сосредоточив все производственное и жилищное строительство в перспективных селах, совхоз начисто «забыл» о нуждах Еловки и ей подобных деревень. И скоро там остались одни старики. А потом и те подались из родной деревни кто куда.

Помню, в те годы довелось мне как-то разговаривать с В. П. Банщиковым, жителем деревни Сураново — одной из многих неперспективных. Я пытался выяснить, что его держит в этой деревне, почему не переезжает он в соседнюю Березовку или на центральную усадьбу совхоза «Пашковский».

— Переехать — дело нехитрое, — ответил Банщиков. — Но куда! В Пашкове дома вроде и быстро строят, но спрос на квартиры большой: едут в совхоз агрономы, врачи, учителя. А в Березовке пока со строительством дело идет туго. Конечно, можно было бы и мне и другим свои старые дома туда перевезти или новые построить, но ведь это дело не простое. Новый дом построить — не шапку купить, а отцовский дом иному и тронуть страшно. Он как гнилой гриб: не шевелишь его — стоит, а коснешься — рассыплется. Вот почему и уезжают многие в город.

И процесс этот, к сожалению, продолжается и сегодня. Давно ли, кажется, в деревне Мостовая Новокузнецкого района была промартель, а потом — лыжная фабрика, а теперь там живут в оставшихся домах одни дачники из Новокузнецка. Такая же судьба уготована и деревне Кинерки, что на землях совхоза «Осинниковский». Нечего стало там делать людям — и потянулись они кто в Новокузнецк, а кто и еще дальше, но только не на центральную усадьбу и не в соседние Алексеевку или в Костенково. И Кинерки постепенно приобретают статус дачного поселка: жители, уезжая, продают дома новокузнецка-

нам, хотя и нет у тех законного основания на их приобретение, а тем более — на право владения недвижимостью на селе.

На первый взгляд, как будто бы все ясно: исчезновение малых деревень — процесс не только закономерный, но и прогрессивный. Неуклонный подъем производительности труда в сельском хозяйстве области высвобождает рабочие руки, которые так нужны в городах и рабочих поселках.

Но есть здесь и над чем задуматься.

Во-первых, над тем, что уровень производительности труда на селе сегодня еще не настолько высок, чтобы компенсировать отток сельского населения в города. По этой же причине, естественно, поля и фермы области испытывают острую нехватку рабочих рук.

Во-вторых, очевидно и то, что процесс этот — дело не одного дня. Пока житель последней такой деревни покинет ее и переедет в крупный населенный пункт, пройдет немало времени. Сколько же! Год, два, десять лет!

О ЧЕМ ГОВОРIT СТАТИСТИКА

В 1950 году в Яшкинском районе было 103 сельских населенных пункта и столько же колхозов. Концентрация и специализация сельскохозяйственного производства привели к тому, что сейчас здесь 11 крупных совхозов и немногим более пяти десятков населенных пунктов. Таким образом, за тридцать лет сселилось около 50 деревень. По генеральному плану в каждом совхозе намечено оставить в среднем по два-три, только в редких случаях — по четыре населенных пункта. Нетрудно подсчитать, что даже в случае сохранения ныне существующих темпов сселения, а надеяться на их увеличение не приходится, так как определяются они естественным ходом событий, этот процесс растянется на многие годы и приведет к большому издержкам. Прежде всего — к потерям трудовых ресурсов, а также и к запустению ранее обрабатываемых земель и сенокосов.

Однако есть издержки и другого порядка — как материального, так и морального. Достаточно сказать, что все это время совхозы вынуждены будут нести непроизводительные затраты на содержание электролиний, очистку и ремонт дорог и перевозку людей с работы и на работу, доставку детей в школу и из школы; потребности придется содержать крохотные, не окупающие себя магазины; связисты будут платить деньги почталонам, обслуживающим по 10—15 дворов; втуне будут лежать тысячи гектаров земли, занятой строениями уходящих в небытие не-

перспективных деревень. А их жители по-прежнему будут испытывать большие неудобства и трудности из-за неудовлетворительного медицинского и культурного обслуживания, из-за недостатков в организации торговли, связи и транспорта, беспокоиться о судьбе детей, отправленных в интернаты при средних школах под присмотром хотя и заботливых, но чужих людей, чувствовать свою оторванность от жизни больших рабочих коллективов.

Несомненно, дальнейшая специализация и концентрация сельскохозяйственного производства, неуклонное укрепление экономики колхозов и совхозов уже сами по себе создают объективные предпосылки для ускорения процесса сселения неперспективных деревень и коренного решения проблем, связанных с ними.

Мне в свое время уже приходилось выступать в печати по этому вопросу. И, подерживая мысль о том, что деревеньки в 15—20 дворов изжили себя [да и сейчас я в этом твердо убежден], предлагал подтолкнуть процесс их сселения, подкрепить объективные факторы, способствующие ему, организационными мерами. И прежде всего — составлением в каждом хозяйстве плана социального переустройства сел, в котором бы предусматривалось, сколько, каких и когда понадобится совхозу или колхозу специалистов, где и когда они будут учиться, где жить, кто будет кормить их в столовой и учить их детей, обслуживать в магазине или парикмахерской. И, конечно же, в этом плане должно быть предусмотрено, когда, куда и в какой очередности будут переселены те люди, которые в силу обстоятельств оказались жителями неперспективных деревень. Эта точка зрения разделялась тогда многими, кто имел отношение к родившейся в те годы проблеме.

Теперь можно сказать, что планы социального развития есть во многих колхозах и совхозах, есть генеральные планы застройки многих центральных усадеб и даже ряда отделений крупных хозяйств, разработанные проектными институтами. И это, несомненно, значительно ускорило переселение людей из неперспективных деревень.

Но вот вопрос: а не поторопились ли мы тогда, когда так безапелляционно определяли в каждом районе, какой деревне быть перспективной, а какой нет, когда отделяли «чистых от нечистых»? Тем более, в разряд «нечистых» были зачислены почти все деревни с населением на 200—300 человек. А в итоге, по данным члена-корреспондента АН СССР Т. И. Заславской, за последние двадцать лет сократилось, примерно вдвое, число сибирских деревень. А ведь они создавались веками руками первопоселенцев, руками на-

ших дедов и прадедов, которые, надо отдать им должное, умели выбрать для них и место, и «профессию».

На прошедшей осенью прошлого года отчетно-выборной партийной конференции Яшкинского района управляющий вторым отделением совхоза «Шахтер» В. С. Мурашов сказал в своем выступлении о неперспективных деревнях:

— Считаю, что рано мы хороним такие прекрасные деревни, как наша Воскресенка, Иткара, Сосновый Острог, Соломатово, Кулаково. Надо создавать там производство, строить все, что нужно человеку, а не отлучать крестьянина от родной земли.

Очень это правильные слова! И основываются они на большом житейском опыте, опираются на прочный фундамент практики. В том же Яшкинском районе одно время уже был «поставлен крест» на деревне Ботьево — неперспективна. И на многих окнах уже появились тесовые перекрестия — опустели дома. Но стоило только совхозу «Майский» начать в деревне производственное строительство, а в подкрепление ему и жилье построить — ожила деревня, заиграла на улицах гармоника, созывая молодежь на вечерки, о которых уже старики и забывать стали.

Да и создание совхоза «Зырянковский», о котором шла речь выше, крепко опровергает сторонников теории неперспективных деревень.

Но, пожалуй, самым ярким аргументом в пользу отказа от устоявшейся точки зрения на судьбу так называемых неперспективных населенных пунктов является опыт совхоза «Бердский» Искитимского района Новосибирской области. Его директор И. И. Леунов, на горьком своем опыте испытав все «выгоды» от свертывания малых сел, стал последовательным сторонником их сохранения. И на деле доказал, что неперспективных деревень не только в его совхозе, но и в Сибири нет.

ЧЕМУ УЧИТ ОПЫТ СОВХОЗА «БЕРДСКИЙ»

Февральским метельным днем 1979 года мы, группа редакторов городских и районных газет Сибири, — слушатели краткосрочных курсов при Новосибирской Высшей партийной школе, приехали в Искитимский район, чтобы познакомиться с делами и планами одного из лучших совхозов области. Руководители совхоза встретили нас, как это теперь принято, на границе хозяйства, и наш автобус свернул с автотрассы Новосибирск — Барнаул на проселок, ведущий к поселку Рошинский — одному из пяти населенных пунктов, входящих в состав совхоза. Но доехать

до Рошинского нам не удалось: метель за несколько часов перемила дорогу так, что даже трудяга «уазик» пробиться не мог, хотя ранним утром хозяева бульдозером прочистили проселок в ожидании гостей.

Пришлось нам ехать на центральную усадьбу, в поселок Чернореченский и вместо осмотра хозяйства прослушать великолепную лекцию его директора, кандидата экономических наук И. И. Леунова. Но мы не пожалели, что не удалось «пощупать руками» совхоз: рассказ директора был так интересен, в нем было поднято столько проблем, что после его лекции мы еще часа полтора задавали ему вопросы, а он обстоятельно отвечал на них. Каждый из нас интересовался тем, что ему ближе всего, хотя все было интересно. Меня же больше всего увлекла та часть лекции, которая была посвящена проблемам перспективных деревень. То, что рассказывал И. И. Леунов, было так неожиданно и поучительно для меня, а времени на более подробное ознакомление так мало, что минувшим летом я еще раз побывал в Искитиме, чтобы узнать все более подробно.

Иван Иванович Леунов не скрывал, что и его вначале привлекла теория перспективных и неперспективных деревень, появившаяся в начале шестидесятых годов. Суть этой теории, разработанной сибирскими социологами, состоит в том, что современная деревня должна быть с населением не менее тысячи человек. В такой деревне — благоустроенное жилье, средняя школа, клуб, столовая, весь набор коммунально-бытовых услуг, особый микроклимат во взаимоотношениях большой группы сельской интеллигенции с односельчанами, который окажет благотворное, облагораживающее влияние на рост культурного уровня селян, а самое главное — из большой и благоустроенной деревни люди не будут уезжать в города.

В «Бердском» было решено развивать два поселка — Чернореченский и Рошинский, а Александровский, Рябчинка и Койниха были отнесены к числу неперспективных. И вот что из этого вышло.

Чтобы быстро переселить из трех неперспективных поселков людей, которые жили там, надо было построить в Чернореченском и Рошинском более трехсот квартир, а совхоз ежегодно строил шестнадцать-двадцать. Нетрудно подсчитать, что это переселение затянулось бы на 15—20 лет даже в том случае, если бы все вновь построенное жилье отдавалось переселенцам. Такого, естественно, совхоз позволить себе не мог. И как итог этого — в Рябчинке из 380 в 1960 году к 1974 году осталось 244 человека, уменьшилось и число жителей в Койнихе. И тут сказались не только отсутствие восьмилетних школ, но

и узкая специализация этих деревень на производстве одного-двух видов продукции, а значит, и сокращение числа рабочих мест. А ведь вокруг Рябчинки было 2700 гектаров сельскохозяйственных угодий, которые давали ежегодно на 700—800 тысяч рублей продукции. Для того чтобы освоить такой объем производства, на новом месте потребовалось бы как минимум десять лет.

Чтобы не допустить дальнейшего запустения Рябчинки, было решено увеличить здесь производственное строительство, была построена новая начальная школа, которая, как мне рассказывали, скоро станет восьмилетней, детский сад. Отказались и от узкой специализации: наряду с зерном здесь выращивают картофель, держат дойное стадо. И когда-то неперспективная Рябчинка в прошлом году произвела 2700 тонн зерна, 2300 тонн картофеля и 1350 тонн молока. И самое главное, перестали уезжать люди из Рябчинки, начался ее медленный, но заметный рост: сейчас в деревне живут уже более 260 человек.

Учитывая опыт Рябчинки, начали борьбу и за сохранение Александровского. Здесь за последние годы построили 60 квартир с коммунальными удобствами, детский сад, восьмилетнюю школу. Население стало быстро расти: в 1971 году в Александровском проживало 375 человек, а сейчас — 500. Александровцы раньше производили продукции на 841 тысячу рублей, а нынче — на 1 миллион 700 тысяч рублей.

Рассказывает председатель Чернореченского сельского Совета народных депутатов Иван Фролович Сеничев:

— После того, как мы отказались от теории перспективных и неперспективных деревень, многое изменилось. И во внешнем облике наших населенных пунктов, и в производстве, и в составе населения. Сейчас в поселках «Бердского» живут 3100 человек, а в 1961 было только 2290. В каждом населенном пункте — школы: в Чернореченском — средняя, в Рошинском и Александровском — восьмилетки, в Койнихе и Рябчинке — пока начальные, в Койнихе намечено строительство новой, а в Александровском она построена с перспективой «на вырост».

Во всех поселках — столовые; дома строим, как правило, двухквартирные. На центральной усадьбе — музыкальная школа, школа-интернат. Дети работников животноводства содержатся в музыкальной школе, детсадах, школьном интернате за счет совхоза.

Много внимания в совхозе уделяется и проблемам улучшения коммунального обслуживания. Это, пожалуй, единственное хозяйство, где в каждом поселке есть комендант, под началом которого небольшая ремонтно-группа, грузовой автомобиль и автобус. В

обязанности коменданта входит ремонт квартир по заявкам рабочих и ремонт общественных помещений, обеспечение населения топливом и транспортом, а столовых, школ и детских — продуктами. Причем, все это отлажено и работает с точностью и надежностью хорошего механизма.

Социальный эксперимент, затеянный И. И. Леуновым и его сподвижниками, пожалуй, не имел бы успеха, если бы не был подкреплен мерами организационного порядка, перестройкой всей структуры управления хозяйством, позволившей использовать огромные резервы и возможности современной деревни и, естественно, способствующей процессу превращения неперспективных ранее деревень в перспективные.

Здесь внедрена цеховая организация производства. Вместо традиционных отделений создано три цеха — полеводческий, овощеводческий и животноводческий, возглавляют которые главные специалисты хозяйства, ставшие при этой структуре не советниками управляющих отделениями и бригадиров, как было раньше, а организаторами производства продукции на промышленной основе.

В каждом населенном пункте — звенья или бригады, которые занимаются выращиванием зерновых, картофеля или овощей, ухаживают за животными. Отметим, что «Бердский» производит большое количество овощей, а они, как известно, пока требуют много рабочих рук в летнее время. И, конечно же, работы летом не впрок, всем хватает. А чем занять людей зимой! Здесь проблеме разрешили просто: построили теплицы.

Кроме подразделений, которые названы выше, в совхозе на хозрасчете работают службы строительства и ремонта, механизации и электрификации, культуры и быта. Кстати, служба культуры и быта, под началом которой диспетчерская служба, учреждения культуры, столовые, домоуправление и совхозный транспорт, непосредственно подчинена заместителю директора по оперативной работе — главному диспетчеру совхоза. И работают эти службы с завидной оперативностью и эффективностью.

Новая организация управления доказала свою жизненную силу делом: за минувшую пятилетку здесь резко возросло производство овощей и продукции животноводства, а урожайность зерновых выросла в полтора раза. В минувшем году она составила 28 центнеров с гектара.

Опыт совхоза «Бердский» — не новость. В Новосибирской области на отраслевую систему управления перешли десятки хозяйств. И жаль, что в нашей области этот опыт пока не нашел своих последователей. Думается, за ним — будущее.

В эти дни в Кузбассе, как и во всей стране, проходит обсуждение материалов XXVI съезда партии, на предприятиях, в колхозах и совхозах определяются меры по претворению в жизнь грандиозной программы коммунистического строительства, цель которой — дальнейшее повышение благосостояния советских людей. И в числе самых важных и неотложных мер — разработка производственной программы пятилетки.

В этой обширной и жизненно важной для нас программе должно быть определено и место кузбасских сел и деревень, попавших в свое время в разряд неперспективных.

Думается, новое время, новые возможности и новые требования открывают перед ними неплохие перспективы. Речь, конечно же, идет не о тех, где осталось по десять-пятнадцать дворов, хотя и их сегодня со счетов сбрасывать нельзя, а главным образом, о деревнях, в которых проживает сегодня достаточное количество трудоспособного населения.

Есть два пути вовлечения их в активную работу по осуществлению продовольственной программы, а заодно и перевода из неперспективных в перспективные.

Первый, как нам кажется, указан совхозом «Бердский», об опыте которого более или менее подробно рассказано выше.

Второй путь — передача ряда неперспективных деревень с частью прилегающих к ним сельскохозяйственных угодий крупным промышленным предприятиям для организации там подсобных животноводческих хозяйств.

Почему бы, например, ту же деревню Кинерки, которую сегодня совхоз «Осинниковский» не в состоянии развивать и эффективно использовать, не передать, скажем, объединению Южкузбассуголь? Горняки имеют достаточно сил и средств, чтобы в короткий срок создать здесь высокопродуктивную животноводческую ферму, тепло-парниковое хозяйство, построить для этого необходимые производственные помещения, жилье, объекты бытового и культурного назначения.

Конечно, для этого на первых порах необходимо решить и такие очень важные вопросы, как открытие медицинских пунктов и хотя бы начальные школы там, где их в свое время ликвидировали. Видимо, соображения нерентабельности малокомплектных школ должны быть отодвинуты на задний план. Тем более, что есть уже и прецеденты: в ряде районов Новосибирской и Томской областей пошли на то, чтобы содержать школы, в которых не хватает учеников до «нормы», не торопятся закрывать и медпункты. И

это положительно сказывается на закреплении кадров на селе. Добавим, что в малых деревнях доля семей, которые держат скот в личных хозяйствах, больше, чем в крупных. А это сегодня немаловажный аргумент в пользу сохранения неперспективных деревень.

Кроме экономических соображений, связанных с пересмотром дальнейшей судьбы ныне неперспективных деревень, есть и еще одно. По данным ученых, слишком редкая сеть крупных населенных пунктов оказывается нежизнеспособной в условиях Сибири, так как пространственно оторванные друг от друга поселения, насчитывающие по 300—500 жителей, как оказалось, формируют не лучшую, а худшую, менее развитую среду, чем густая сеть деревень. И эта среда во многом способствует тому, что из крупных населенных пунктов люди начинают уезжать, вначале выросшие деревни «вдруг» начинают уменьшаться, становятся мелкими, а потом и вообще исчезают.

И еще. Нельзя не заметить, особенно в Кузбассе, усилившейся тяги горожан к отдыху на лоне природы. Многие горожане — выходцы из соседних сел и деревень, где и по сей день живут их родители или родственники, находят в летнее время в родной

деревне и кров, и стол. А если родственников или знакомых нет, то горожане начинают всеми правдами и неправдами приобретать в деревнях жилые дома, хозяева которых по тем или иным причинам уезжают с насиженных мест. Многие деревни вокруг Новокузнецка, Кемерово и других городов практически наполовину заселены горожанами, которые, правда, бывают там только в летнее время. Большинство из них ведут летом немудрящее хозяйство: выращивают картофель и овощи, иногда содержат свиней и птицу.

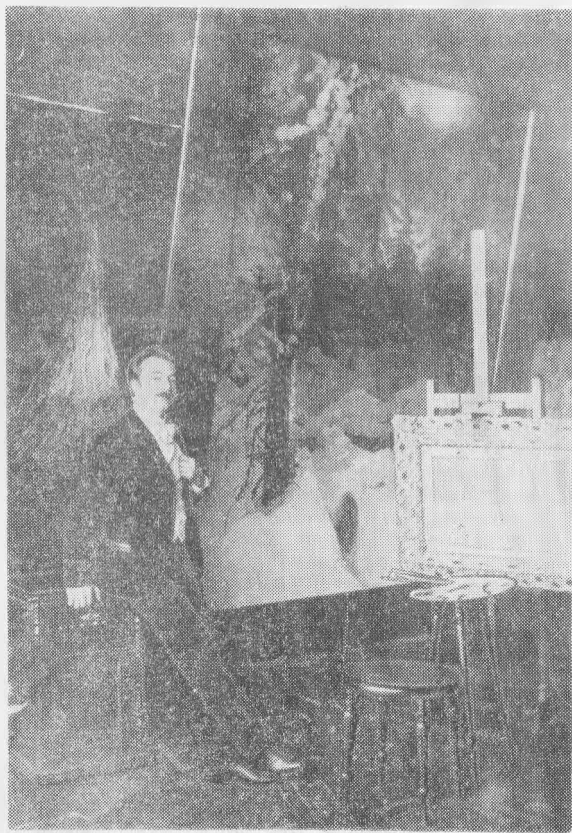
Как относиться к этому факту? Как к развитию частнособственнических тенденций или как к разумному использованию пустующих земель? Нам кажется, настало время всю эту «самодеятельность», зачастую незаконную, ввести в рамки законности, навести порядок в использовании горожанами земельных участков на селе. Думается, беды и урона от этого не будет, а польза — очевидна.

Конечно, проблемы неперспективных деревень не исчерпываются вопросами, поднятыми в этом материале. Одно несомненно: судьбы малых деревень Кузбасса требуют более глубокого изучения и осмысливания, действенных и решительных мер по их сохранению и развитию.

Мэри Кушникова

С ЛЮБОВЬЮ К СИБИРИ

Художник В. Д. Вучичевич
в своей мастерской

Пролог. Это случилось в августе 1919 года. На своей заимке, близ Крапивина, вместе с женой и двумя дочерьми был зверски убит русский художник Вучичевич-Сибирский. В Крапивине еще живы очевидцы и косвенные участники этой драмы. У многих по сей день хранятся фотографии и личные вещи загубленного семейства. Многие хорошо помнят картины художника, большая часть которых, считаясь утерянной, всплывает то там, то здесь опознавательным огоньком: ищите!

И спустя шестьдесят два года еще не постигнут по-настоящему общественный смысл случившегося. Как-то в кругу уважаемых и просвещенных людей в ответ на предложение подумать о том, чтобы воздвигнуть памятник художнику в областном центре (а не только скромный бюст в отдаленном Крапивине), возник спор: а был ли Вучичевич столь уж значительным художником? Почему в такое смутное время уединился на заимке, а не вступил в какой-нибудь партизанский отряд, воевавший с колчаковцами?..

Так возникли первые наброски к этому очерку. И так:

Мозаика. В парикмахерскую деревни Зеленовка, что на трассе Новокузнецк — Панфилово, зашел человек. Его брили перед старинным, чуть потускневшим зеркалом... Человек был любознательным: зеркало его заинтересовало. «Вроде ничего особенного об этой вещи сказать нельзя,— недоумевали зеленковцы.— Вот разве слухи. Говорят, что зеркало попало

сюда из крапивинской парикмахерской еще в 30-х годах».

...Крапивинский райисполком. Посетитель, дождавшись приема, излагал начальству свои нужды и, чтобы чувствовать себя свободнее, старался зацепиться взглядом за что-нибудь нейтральное. Его заинтересовал старинный книжный шкаф с переплетом. Угадывалась работа мастера, знавшего цену подлинной красоте.

...В Тайгинском ДК железнодорожников показывали кино. Перед сеансом зрители прогуливались в фойе. Один из них надолго остановился перед двумя большими картинами. Сиренево-дымчатые дали сгустились к переднему плану и вращались в задумчивых стволах темно-зеленых старых лиственниц. В обрамлении старинной рамы, обтянутой выгоревшим зеленым бархатом, вилась веселая речка среди скошенных лугов. А вдали, на холме, дремала деревенька. Внизу, справа, тонким изящным росчерком, буква к букве, стояла подпись.

...На поблекшей от времени фотографии, в изящном овале, столь модном в 900-е годы, как в теплом гнезде, прижались друг к другу две девочки в локонах и кружевных платьях. Одна обняла за плечи маленького мальчика в щегольской матроске. Круглолицые, светлоглазые, нарядные, они не ведают, что над ними уже навис приговор, который так близок и который помилует лишь одного из них.

...В недрах Кемеровского музея рядом стояли картины. Они сильно пострадали от очередного затопления, постигшего злосчастные фонды, ютящиеся в неопишуемой тесноте. Пожухли краски, отвис холст, появились утраты. И вообще — картины как бы умерли. Потому что даже в самых прекрасных фондах все равно «бездыханны», поскольку картины, как жемчужины, оживают только вблизи человека. А эти так давно были разлучены с людьми, история их появления в музее так запутана, что они вызывают к себе интерес не просто искусствоведческий, но даже несколько детективный.

Шесть пейзажей. Шесть заключенных в старинные рамы кусочков сибирского леса. «Зимний лес» — застывший в жемчужно-сахарной белизне. Лес, буино одаренный сибирским

знойным коротким летом. И лес, озолоченный осенью. И снова «Первый снег», когда от лета не отжили еще бурно-зеленые мазки, а от зимы — пушистые покровы снега. И меркнет перед ними белизна стройных пятнистых бережков, и так они к лицу, эти снега, принарядившейся ими елочке на самом первом плане... И опять зимняя тайга. И «Зимняя дорога в лесу». И еще дорога — «После дождя». По талому снегу меж полей, на которых уже проклюнулась робкая зелень, идут двое с собакой. И наконец — «Озеро». Колдовское озеро — «портрет воды» — труднейшая задача для пейзажиста. Реальнейший реализм, доступный лишь большому мастеру. Реализм, к которому по-сыновьи возвращаются, пройдя все искусства, потому что лишь он один неизменен как хлеб.

Но вдруг оказывается, что пейзажей не шесть, а девять. И почти на всех — тонкий изящный росчерк авторской подписи, буква к букве...

* * *

И зеркало, и шкаф, и картины в клубе, равно и старая фотография — первые кубики мозаики, которую пытаюсь собрать уже который год. Это после того, как среди публикаций кузнецанина Валентина Булакова (последнего секретаря Л. Н. Толстого) впервые встретилось имя художника, написавшего «Дом Достоевского в Кузнецке». Попадалось это имя и в переписке братьев Булаковых с кузнецкими друзьями. Встречалось наряду с именами томского художника Гуркина и широко известного путешественника и этнографа Потанина. А теперь — эти музейные картины, так несправедливо и незначительно задыхающиеся в музейных фондах, где о затоплении весьма ощутимо напоминает тяжелый запах плесени. Они тоже уложились в пунктирный рисунок, который пока едва намечался. Ибо все вместе — рассказы старожиллов, немногие газетные публикации, промелькнувшие в Кемерове и Крапивине, разрозненные предметы и, наконец, картины, воспроизводили то, что так недавно составляло магическое единство — неповторимый микромир незаурядного человека. Все это: и неказистый деревянный памятник

ничек, что еще пару лет назад стоял в поселке Зеленогорске Крапивинского района, и бетонная стела с именем и датами, окруженная железной оградкой и увенчанная красной звездой, которая в августе 1978 года усердием стройотрядовских ребят заменила деревянную колонку, и мраморная мемориальная доска, которую только что извлекли из упаковочного ящика, премного радуясь, что, не в пример другим, она дошла из Тулы невредимой и вскоре появится в Зеленогорске, знаменуя собой памятный бульвар,— все это те же чешуйки мозаики, с помощью которой можно лишь попытаться представить огромный, разноречивый мир, именуемый «художник».

Документы, легенды, предположения... Все они о Владимире Дмитриевиче Вучичевиче, присовокупившем к своей фамилии приставку «Сибирский» в знак верности и неотъемной причастности к Сибири. А вот и он, художник, запечатленный на уникальной фотографии 900-х годов, хранящейся в фондах Кемеровского краеведческого музея, в так называемой «папке Вучичевича», в которой, увы, кроме этой фотографии, в ту пору ничего не было.

...Мастерская художника расскажет о хозяине куда больше, чем любая квартира о своих обитателях. Любимое, избранное, помогающее таинственному зарождению и воплощению художественной мысли таит в себе мастерская. Не просто резной столик или старинное кресло, — а «столик-друг-палитры-удобный-для-руки» и «кресло-в-котором-думается-закрыв-глаза», — вот что обитает в мастерской художника.

...Он стоит подтянутый, щеголеватый, в моднейшей бархатной визитке начала века, отороченной шелковой тесьмой. Белый пикейный жилет, белый шейный платок, подчеркивающий красивую посадку головы. Полноватое холеное лицо с круглым твердым подбородком — лицо человека, много сделавшего и познавшего радость успеха. Поза немного тщеславна и во все не вяжется с жестковатым рисунком рта, прикрытого усами, и ясным взглядом широко расставленных светлых глаз. Вучичевич в своей мастерской снят на фоне огромного холста, на котором опять же снега белеют на скалах и деревьях (не тот ли холст, что написан был

вместе с томским художником Гуркиным по впечатлениям заснеженных вершин Алтая?).

На обороте фотографии — надпись со всеми архаизмами орфографии: «Мастерская В. Д. Вучичевича-Сибирского около села Нагорный Иштанъ в 40 верстах от Томска, построенная на обрыве протока Томи-Иштана».

Итак — Томск, куда он приехал в 1900 году, причем появление его в просвещенном сибирском центре толковалось и толкуется до сих пор столь же разноречиво, как и появление его картин в Кемеровском музее.

В немногих публикациях, появившихся в Сибири (Томск, Иркутск, Кемерово, Крапивино) за последние 25 лет, переезд художника из Петербурга в Томск рассматривается как ссылка. Вернее, рассматривался. Ибо еще здравствовавшая несколько лет назад первая жена художника чуть сместила привычные акценты в устоявшемся образе и тем самым заставила нас по-новому увидеть этого типичного интеллигента и художника «конца века» и попытаться понять причину его гибели. Не фабулу, а обобщенный смысл.

Думается, свидетельства девяностолетней женщины, собранные в 60-х годах П. Н. Сумбаевым, уроженцем Крапивина, проживавшим в Нижнем Тагиле, сопроводительное письмо, с которым упомянутая фотография поступила в Кемеровский музей, и некий посмертный акт, подписанный 60 с лишним лет назад, — звенья одной цепи.

Фотографию читатель может увидеть рядом.

Письмо же гласит: «Выполняя просьбу, высылаю фотографию Вучичевича-Сибирского В. Д. и в ответ прошу выполнить Ваше обещание. Вышлите нам на школу несколько фотокопий с этой фотографии и, если можно, фотокопии хотя бы некоторых картин Вучичевича. И еще одна просьба, вышлите, пожалуйста, одну-две фотокопии с этого портрета в Томский краеведческий музей с надписью, что на обороте. Потому что эту фотографию просили у нас в Томский музей, а мы до сих пор не можем выполнить эту просьбу, оригинал решили сдать в Кемеровский музей и не можем сделать в наших условиях хорошей фотокопии. Прошу вас выслать их в Томск, так как я уезжаю из Крапивина и от-

править не смогу сама, а другие могут просто забыть. Надеюсь, вы выполните свое обещание.

Руководитель краеведческого музея при Крапивинской средней школе Бояринова Л. С. 8.VI.73 года».

А 5 сентября 1919 года и. о. товарища прокурора Лев Иванович Глинский, человек с пестрой биографией и скользкой репутацией, подписался под лаконичными строками, завершающими расследование (вернее — спектакль такового) преступления, произошедшего на заимке Вучичевича: «Дело прекратить за необнаружением виновных».

В чем же связь между данными документами, и чем дополняют они трагическую историю кончины художника Вучичевича-Сибирского?

Получил ли Томск хотя бы фотокопии с уникального фотопортрета художника, а также установлена ли связь с Л. С. Бояриновой, выяснить не удалось. Похоже, что до недавних пор поступление фотографии в музей осталось без последствий во всех отношениях. А письмо, сопровождавшее эту фотографию, написано человеком весьма обязательным («Пожалуйста, выполните обещание, пошлите в Томск фотокопию!») и весьма вдумчивым. Почему так нарочито послан портрет художника в Кемеровский музей (уникальный портрет, ведь Томск не напрасно жаждет получить его)? Не как повод ли к размышлению, которое Крапивинская школа собственными возможностями не берется довести до логического конца?

Стоит приглядеться к названной фотографии, так мало согласуется она с историей о насильственно высланном в Томск человеке, чуть не профессиональном революционере, убитом колчаковцами по политическим мотивам. Очевидно, Л. С. Бояринова понимала психологическую значимость этой фотографии и поэтому настаивала на посылке хотя бы фотокопии в Томск. Фотография — психологический ключ к драме Вучичевича, а от нее — прямой мостик к свидетельству первой его жены: Вучичевич, сын украинского помещика (кстати, рожденный не в Харькове, как считалось до недавних пор, а в Полтаве), питомец Петер-

бургской Академии художеств. Он любимый ученик Шишкина, им огражденный от исключения за участие в студенческих революционных кружках 90-х годов. Любимый ученик Репина. («...Пользуясь случаем, чтобы насколько это возможно выразить Вам то незабываемое, что вселилось во мне с первых дней моего знакомства с Вами, которым я горжусь. Вы первый поддерживали во мне энергию к работе, так часто подверженной разочарованиям...» — из поздравительного письма к 60-летию И. Е. Репина, отправленного из Томска в 1904 году). Участник «Товарищества передвижных выставок». Готовит к очередной выставке картину «Зима», которую задолго до окончания оспаривали друг у друга меценаты. Узнает о готовящемся побеге из Белгородского централа, продает картину петербургскому собирателю-миллионеру и оплачивает намеченную акцию. Картина в выставке не участвовала. Побег удался.

Возможно, в кругах, где тридцатилетний Вучичевич был широко известен по выставкам в Полтаве, Харькове, Кременчуге, Бердичеве, Николаеве, Херсоне, Пскове, Саратове, он и был предупрежден кем-либо из своих почитателей, близких к кормилу, что вольнодумные его выступления и связи взяты на примету. Так или иначе, но Вучичевич внезапно уезжает из Петербурга в Харьков, а в 1900 году обосновывается в Томске. Сам по себе. Фрондируя. Впрочем, следуя волне, охватившей передовую интеллигенцию той поры: в Сибирь! В край неизведанный и богатый, в котором, возможно, таится будущее благоденствие России! Именно такой видится Сибирь и Чехову во время его поездок на Сахалин.

В Томске Вучичевич устраивается преподавателем рисования в Марининской женской гимназии и в духовной семинарии (вряд ли ссыльного взяли бы учителем в духовную семинарию!). В 1903 году вместе с группой художников-передвижников устраивает выставку в Томске, где показывает свои пейзажи, затем едет с выставкой в Читу. Красноярск и Иркутск, с которыми почти пятнадцать лет пребывает в тесной связи. Иркутяне полюбили тонкие, психологические пейзажи художника и охотно приобретали их.

По рассказам А. Д. Фатьянова, долгие годы бывшего директором Иркутского областного художественного музея, помимо множества подписных холстов в иркутских частных собраниях, в музее появились приобретенные и подаренные коллекционерами в разные годы картины «На реке Оке» и «Спрятался месяц за тучей» (удивительно поэтическая картина!), «Вечер на озере», «Река Томь». Все это картины, «осевшие» в Иркутске в результате выставки 1903 года,— она стала фундаментом последующих побед Вучичевича в Сибири.

Своим дебютом 1903 года художник был доволен. Ничто не говорит о его принудительном пребывании в Томске. («...Я объехал со своей выставкой большую часть России и доехал до Томска где думаю отдохнуть. Дальше ехать положительно не стоит...»— из упомянутого выше письма к И. Е. Репину). А если обратиться к «Солнцу России» или «Ниве» (СПБ, 1914 г., № 30): «Мы слишком мало знаем нашу великую окраину, и многое в произведениях сибирского художника явилось для нас свежим, новым и интересным». Еще бы не новым! Когда же мог пресыщенный петербургский посетитель вернисажей увидеть, как «Байкал нахмурился», услышать «Осенний шум Байкала»?

Сказание из 101 картины о Сибири — тридцать три из них про «славное море священный Байкал» — привез Вучичевич-Сибирский в российскую столицу в 1914 году на свою персональную выставку. Такой успех и такой размах отнюдь не удел опального живописца. Очевидно, в творчестве каждого художника бывает «Болдинская осень». В истории сибирской живописи таковой можно считать «томское сидение» художника Вучичевича. Впрочем, «сидение» — не то слово. Для Вучичевича Сибирь — не «место поселения», а вторая родина. Принадлежностью к ней он гордится, о чем с некоторым вызовом и объявляет своей двойной подписью.

Не множа легенд. Казалось бы, зачем доказывать доброхотность переезда художника (известного и удачливого художника!) из Петербурга в Томск? Но стоит ли множить легенды, благодаря которым в списке памятни-

ков Кузбасса упомянутая выше крапивинская стела числится как надгробие «художника-революционера»...

Ведь если бы Вучичевич был профессиональным или хотя бы последовательно активным революционером, его участие в петербургских кружках и многие другие его поступки были бы закономерны — он был бы одним из когорты славных. Но Вучичевич был прежде всего художником. Творцом. Он был представителем лучшей, передовой российской интеллигенции, которая несла в себе неосознанное стремление к добру и справедливости и став перед выбором, ошибалась редко. Именно это было возвышенно и прекрасно.

Вспомним: картина «Зима» и побег революционера из Белгородского центра оказались на одной странице истории. В 1905 году, по свидетельству старожилов Томска, Вучичевич участвует в демонстрациях, организованных С. М. Кировым, и даже печатает и распространяет прокламации.

В Томском краеведческом музее имеется картина «Черносотенный погром в Томске» (события 20 октября 1905 года). Осенний громадой кафедрального собора — огненно-красный смерч. Озверевший извечный лавочник, «раскованный» вседозволенностью реакции, палит, крушит и лютует. Чтобы выбрать такой сюжет, художник должен быть гражданином.

Достоверно известно также, что Вучичевич отказался от почетного поста попечителя учебного округа, предложенного сибирским эсеровским центром (ссылному «левому» не предложили бы). — Выбран отъезд. Уединение. И тем самым — подведена черта. Подписан приговор о собственной обреченности.

Недаром же много позже крапивинский житель А. Д. Борисов, один из организаторов первых сельхозячеек, бывший ученик двухлетней начальной школы, расскажет, как учитель П. А. Пятакович, показывая ребятам картины Вучичевича, обещал: «Когда станете постарше, этот замечательный художник и вас научит рисовать». В ту пору П. А. Пятакович, будущий председатель волостного земельного комитета, еще был юн и мечтателен. Он любил детей и был нежным сыном.

У крапивинского старожилы Н. Д. Конева, о котором — ниже, хранится его фотография 1910 года — провинциально-наивная, в обрамлении роз и незабудок, с автографом на обороте: «Дорогим родителям от любящего сына Петра». Он еще не ведал, что его так же, как и художника, с которым он был так близок, ожидает равно мученическая смерть от рук мракобесов и черносотенцев, именовавшихся в данном историческом отрезке колчаковцами.

Человек же с фамилией Колумб, похожий больше на прозвище, поведает, что в доме художника Вучичевича встречались партизаны. А пожилой и степенный московский житель Григорий Дмитриевич Шувалов, бывший лихой командир Иванов-Шувалов, что поставил свою подпись под необыкновенным партизанским уставом той поры («Каждый партизан должен иметь бодрый и молодецватый вид, он должен помнить и гордиться, что он защитник дорогой свободы и угнетенных трудящихся масс»), подтвердит, что именно в доме Вучичевича он получал сведения о перемещении отряда Шевелева-Лубкова, с которым вел согласованные действия. В доме Вучичевича, который никогда не считал себя революционером, но был художником и просвещенным человеком, а потому, сам того не ведая, не задуывался, по какую сторону баррикады встать...

Как у каждого человека-творца, баррикада проходила через его сердце. Он был просветителем и выбирал Свет. По самой своей сущности. Именно оттого в колчаковскую пору Вучичевич-Сибирский не просто известный художник и любимец публики, но и прежде всего русский интеллигент в самом высоком и передовом смысле — был обречен неизбежно.

Противостояние. В день, когда на томском перекрестке встретились питомец Петербургской Академии художеств Владимир Вучичевич и бывший швейцар названной Академии Алексей Сажин (поистине неисповедимы житейские перекрестки!), вошло в зенит противостояние света и тьмы, охватившее Сибирь после 1905 года и отраженное в судьбах этих двух столь разных людей. Вучичевич, отказавшийся от предложенного почета, решил покинуть Томск. Алексей Сажин, слу-

чайно и на беду встреченный, рассказал о своем житье-бытье в некоем живописном месте, удаленном от городской суеты и как бы нарочно созданным для художника. С доверчивостью, присущей именно просвещенным людям, Вучичевич выбрал место своей будущей гибели.

Нет, Сажин не был преднамеренным злодеем, заманившим художника в ловушку. Он вовсе не питал ненависти к Вучичевичу. Напротив, ему импонировало такое неожиданное соседство. Его сын Саня, недоучившийся «реалист», даже сватался к обаятельной Лизе Вучичевич и, по воспоминаниям старожил Крапивина, не обошел в своих матримониальных планах и младшую дочь художника, Зою. И, естественно, получил отказ. Не потому, что был сыном бывшего швейцара, а ныне сельского кулака. А потому, что был невежей по сути и погромщиком по призванию. Несмотря на изумительную беспечность, непрактичные просвещенные люди обладают врожденным «нюхом» на подлость. Вучичевичи отринули притязания соседского отпрыска. Так был скреплен приговор Вучичевича и его семейства.

Кто и почему убил художника Вучичевича-Сибирского? Отвергнутый претендент на руку дочери, Александр Сажин? Кулак Сажин? Колчаковец Сажин? Бандит Сажин?

И если бы он не был отвергнут, то избежал бы семейство Вучичевичей кровавой расправы от любой другой злонамеренной руки в столь смутное время и в столь темном углу? Кстати, в убийстве участвовали еще два сообщника, уже вовсе никакого счета к Вучичевичу не имевшие. И тут — вспомним: «Дело прикрыто за необнаружением виновных...» — стоит ли поднимать шум из-за человека, который просто «не ко времени» и не к месту в колючую пору, в глухой мракобесной щели... Доказательство? Бесхитростный рассказ семидесятилетней Матрены Алексеевны Савкиной-Сажиной, поныне проживающей в Крапивине, записанный научным сотрудником Кемеровского краеведческого музея, О. Н. Баронской.

Да, она знала это семейство. Приехали Вучичевичи в году 1910—1913-м. Она «всегда видела их дом» (всегда, значит, много лет

видела?) напротив родительского дома. Да, Саша был красивый, веселый. И чего не веселиться? Жили хорошо, богато. Лес валили, скот держали, только хлеб не сеяли — покупали. А Саня все ездил на вечерки в соседние деревни Калашное и Бартеневку. А то — в Фомичиху и Тупичиху, были рядом и такие деревни. Хорошие были вечерки, парни и девушки парами собирались. Целуются, играют. Пляшут. Вина не пили, ни боже мой. Не то, что сейчас, «одна срамота!» (Матрена сегодняшние вечеринки осуждает категорично.)

Еще она помнит, как прибежали мужики и сказали, что художников семью кто-то убил. («Мы все испугались, закрылись на замки. А кто убил — дело темное. Тайга ведь!»). Пошел слух, что Саня убил, и «родители очень волновались, зачем он так сделал». (...Волновались. И только-то?) Потом умер брат Василий. Потом отец. Тут же рядышком и похоронены. С матерью Матрена осталась одна. Саши нет. Сгинул от дома не близко. А жить стало трудно. Скота много — две кобылы, два жеребца, да жеребята, да две коровы дойные. И телята, и гурт овечек. Денег только не было. Хлеб покупать надо — а он дорогой. Продать ничего нельзя — все на миллионы идет. Соли, главное, не купишь. Мяса много, а засолить нельзя. («Мы с матерью скот кололи и ели от пуза, до противности. Мясо на соль меняли, засаливали и опять ели. Даже с души воротило»). Так они жили три года. Задыхаясь от собственного добра. Потом жизнь вошла в колею. О художнике и думать забыли. Чужой, пришлый был человек.

Рассказ неторопливый, спокойный. С убежденностью в невинности Саши. Во всех случаях. И более того: с акцентом, — ничего, мол, подобного быть не могло. Потому, что «Саша был партизан и погиб за Советскую власть». Даже так. Как же, однако, припудривает время самые кровавые события зыбкой пеленой, стирая факты и даты, сглаживая углы. «За необнаружением виновных»...

Но семьдесят лет назад, когда возник этот пятикомнатный «дом на бугре» против крепкого сажинского хозяйства, какими предстали Вучичевичи перед Сажинскими и прочими соседями?

...В самом деле — появляется среди знакомых от века жителей поселка Калашного удивительное семейство. В невиданном доселе сочетании мольберт и пистолет сопутствуют странному человеку в очках, широкой шляпе и высоких сапогах! Он приглашает местных старожилов, братьев Бобковых Федора и Александра Акимовичей (последний и сейчас живет в Кемерове), и они ставят ему диковинный дом с обсерваторией. Он приглашает к себе людей и рассказывает им про звезды. Он даже пишет иконы. (Где сейчас икона Николая Чудотворца, крамольно изображенного безбородым, к изумлению «заказчика» Трофима Корюкова из Кедровки, который строил Вучичевичу коровник?)

С «нерусским лицом» жена художника, Софья Петровна (врач) лечит людей бесплатно. И все семейство читает книги. У них было множество книг. Бакенщик Иван Максимович Фролов возил им газеты и книги. (Его дочь, Фролова Анфиса Ивановна, дружна была с дочерьми Вучичевича. Эта женщина — общественница, депутат поселкового совета скончалась в Крапивине года три назад. Так недавно все это было!..) Вучичевичи казались местным крепким хозяйством людьми важными и богатыми. Дома Сажина и Вучичевича стояли «окна в окна» по обе стороны реки. На острове Долгом оба семейства косили сено. (Так что Матрена Сажина очень помнит «господских барышень»...)

Вучичевичи могли сами косить сено и донть коров, и все равно были именно такими, какими их видели Сажинские, — важными своей общечеловеческой значимостью и богатым светом своих знаний. Но таким преимуществам местные богатеи не завидовали — они их презирали. (Кулак в селе и лавочник в городе — накупив, всполошенная колчаковщиной и стремящаяся поглотить все, что выходит за рамки привычной продажно-покупной надежности.)

Какими запомнились Вучичевичи крапивинцам? Жительница Бартеневки Анна Николаевна Иванова в 1966 году рассказывала как в 1919 году у нее разболелся палец. И повезли ее к художнику. «Красивая полная женщина полечила чем-то», а сам художник шутил с

отцом девочки, ланти его примерял. Аня рассматривала шелковые штормы на окнах и ковровые бархатные дорожки, а художник — узоры, вышитые у нее на переднике.

А еще: Николай Краснов — охотник — руку повредил. Рука хоть левая, а с порченной рукой какая охота. «Но художник чем-то мазал, примочки прикладывал — спас руку». Борисов Анатолий Дмитриевич, тот самый ученик П. А. Пятаковича, о котором поминалось выше, запомнил художника, потому что тот попросил его отца привезти дров зимой 1918 года. Отец взял с собой маленького Толю, они привезли и сгрузили дрова около сарайчика. Из большого дома, «в котором все окна светились», вышел высокий, плотный, седой человек в сюртуке, заплатил отцу за дрова. Пригласил в дом. Сидели там за столом три девочки и мальчик Толиковых лет. Мальчишки принялись играть, а художник и отец чай пили с медом, и художник рассказывал про свою пасеку. Потом принес три картины и показал. Толя запомнил большие и красивые картины и, когда позднее услышал, что художник обещал учить ребят рисовать, очень обрадовался.

В таком равновесном и внешне даже дружелюбном противостоянии в поселке Калашном достаточно было малейшей брешки, чтобы последовала вспышка. Колчаковщина эту трещину пробила.

Реакция страшна не только оттого, что она — орудие регресса, она страшна тем, что высвобождает силы тьмы. Убийство семьи Вучичевичей равнозначно сожжению книг на кострах и еще более раннему сожжению мудрецов и ученых.

Фабула. Как свершилось убийство? Зверски, как и было предопределено «климатом» колчаковской поры. Изнасилованы и убиты жена и дочери — нарядные девочки со старинной фотографии. У Софьи Петровны отрублены два пальца — видно, она пыталась защищаться от занесенной сабли. Пальцы валялись рядом. На одном — обручальное золотое кольцо, которое положили с ней в гроб. Смертельно ранен Вучичевич. Чудом спаслись лишь приемные сын и дочь (Сереза — 13 лет и Вера — 11 лет). Были ли свидетели? Были. И не один.

В 1968 году крапивинский учитель истории и страстный краевед Н. Д. Конев, о котором поминалось выше, задал своим ученикам «тематический поиск»: Революция и гражданская война в Крапивине. И мальчик, который жил в доме Матрены Сажиной, принес книжку альманаха «Сталинские огни» № 4 за 1954 год. В ней — статья «Займка Вучичевича» Ф. Логинова. Статья живейшим образом заинтересовала кружковцев. Выходило, будто Логинов от очевидцев многое знал о Вучичевиче. Да и сам Логинов, участник гражданской войны, бывший чоновец, казался загадочным. Работник леспромхоза с начальным образованием никогда не отличался склонностью к литературе, и вдруг — такой обстоятельный рассказ.

Загадочным Логинов остается по сей день. Сейчас, когда его уже нет в живых, проживающая в Крапивине его супруга свято чтит названный номер альманаха, утверждая, что очерк написан ее мужем без всякой помощи. Старые же сотрудники альманаха никогда Логинова не видели и всегда считали, что автор очерка — томищ, и даже припоминали, что рукопись поступила из Томска...

Так или иначе, а после прочитанного рассказа разыскана была «бабка Ананыха». Посадили ее в лодку и повезли на займку. Она и показала забытую могилу. А могила заросла так, что и не найти, — только по остаткам фундамента бывшего дома и отыскала, потому что на всю жизнь запомнила тот день... Она была первой, увидевшей «драму на займке». К ней, проживающей в одном из трех домиков, что стояли в каких-нибудь двухстах метрах от «художникова дома на бугре», прибежали уцелевшие приемные дети художника. Она и созвала соседей. Вучичевич лежал в сенях, живой. Над ним склонились Елизавета Степановна Логинова и Тихон Михайлович Сухорослов. Вучичевич сам рассказал, как все произошло.

Еще называют старожилы близкого к Вучичевичу, а ныне покойного и уже упомянутого ранее Христофора Никитевича, по прозвищу «Колумб». Не улыбайтесь, читатель. Это не смешная, а драматическая кличка. Христофор Иванов, призванный в армию, назвал свою фамилию и свое имя полупьяному писа-

рю, а тот только ухмыльнулся: ишь, Иванов, а Христофор. Теперь будешь Колумб. И так и записал. Навечно наделив, волею собственного хмеля, всех потомков этого вполне реального и обыденного крапивинского жителя фантастической фамилий.

А Христофор Колумб, первый член колхоза «Восток», в годы Великой Отечественной войны, будучи 67 лет от роду, вырабатывал 500—600 трудодней, за что немало почитаем был земляками! Сын же его, Христофор Колумб Второй, по сей день работает в Крапивине в механической мастерской и бережет фотографии, подаренные некогда отцу Вучичевичем (художник был страстным любителем-фотографом).

Был и еще свидетель, имя которого не установлено, но он дал письменные показания. Из них видно, что наутро преступления пятидесятилетний Вучичевич был жив. Это был очень сильный человек. Рубленые раны на голове и на левом предплечье, девять колотых ран на груди и животе не убили его.

С этого момента посмертная судьба художника (если можно так выразиться) вырисовывается неоднозначно. Иные повествователи обрывают рассказ на приведенном выше свидетельстве. Другие говорят и пишут о том, как пришедшего в сознание Вучичевича соседи уложили в лодку и повезли в Щегловск, — называют фамилии Сухорослова и Баева — но в пути он скончался. Многие же утверждают, что Вучичевич-Сибирский умер в Щегловской больнице.

Упомянутый Ф. А. Логинов, автор документальной повести о Вучичевиче, приводит сведения некоего кемеровского областного работника Павла Петровича Шульги, который был якобы хорошо знаком с художником, бывал у него дома, где видел картины Репина, Поленова, Шишкина с дружескими надписями (не равному по таланту таких бы не дарили), и сам обладал несколькими работами, подаренными Вучичевичем. По приведенному свидетельству П. П. Шульги, художник пролежал в Щегловской больнице два дня и скончался 2 сентября 1919 года, успев лично рассказать обо всех подробностях нападения и назвать убийц.

Значит, памятник в Зеленогорске поставлен на могиле семьи Вучичевича, а он сам захоронен в Щегловске? А доказательства?

Работник Кемеровского краеведческого музея О. И. Баронская, несколько лет скрупулезно разрабатывающая историю своего музея, находит важный документ: за подписью директора Веры Семеновны Даниленко удостоверение № 6—33 от 8 февраля 1941 года, «выданное сотруднику Никитину Серафиму Владимировичу в том, что ему действительно поручается сбор материала о жизни и деятельности художника Вучичевича-Сибирского, трагически погибшего в августе 1919 года в Крапивинском районе Новосибирской области». Жена С. В. Никитина, давно умершего буквально «на музейном посту», рассказала О. Н. Баронской, что Никитину удалось найти не только важные сведения о гибели художника, но и несколько его картин. Более того, автору книги о Кемерове И. А. Балибалу женой Никитина была передана записка со слов мужа: «Вучичевич-Сибирский В. Д.— убит в 1919 году в августе. Умер в Кемеровской больнице (врач Красулин)». А жена Красулина по сей день живет в Кемерове.

Однако что скажет И. А. Балибалов, он, который одним из первых писал о необходимости найти картины Вучичевича и вообще воздать должное его памяти в нашем крае? Мнение его однозначно — оно подкреплено множеством свидетельств: Вучичевич скончался в Кемерове и похоронен, очевидно, на старом, ныне не существующем кладбище, что располагалось в районе сегодняшнего Дворца строителей, или на том, что находилось в нынешнем Притомском районе города.

По свидетельству упомянутого ранее А. А. Бобкова (один из братьев, что строил дом художнику), в Кемерово на похороны приезжала из Томска теща художника, которая и увезла с собой двух его приемных детей.

А картины? Вернемся к «детективным» картинам из музейных фондов. Оттого детективных, что поступление их в музей по сей день окутано тревожной двусмысленностью. По акту № 181 они переданы музею 28 мая 1967 года Геннадием Даниловичем Межонши-

ным с такой легендой: их хранил отец сдатчика Мехоношин Даниил Петрович, который до 1924 года учительствовал в селе Борисово, в 30 километрах от Крапивина. Но тогда — как же утверждение такого свидетеля, как С. В. Никитин, о том, что уже в 1940 году в отделе природы Кемеровского музея числились картины Вучичевича, изображающие «характерные для нашего края пейзажи»? И как быть с авторитетным свидетельством Павла Фокиевича Шахматова (тоже бывшего музейного работника, а ныне преподавателя Кемеровского архитектурного техникума), который узнал от директора музея В. С. Даниленко, что эти картины были найдены еще в 30-х годах за шкафом областной библиотеки и что в Кемерове «картин Вучичевича было много, но их растащили» (это он же, П. Ф. Шахматов был тем зрителем, что узнал подпись художника в Тайгинском клубе в 1958 году, о чем оповещено было областное управление культуры). Более того, — выпускник омского художественного училища П. Ф. Шахматов лично реставрировал (очищал) найденные картины, о чем был составлен акт экспертизы с приложением фотографий до и после реставрации (такого акта сейчас в музее нет).

Так сколько же картин Вучичевича-Сибирского, ученика и друга Репина и Шишкина, было в Кемеровском музее, где сейчас уцелело их всего девять (если их еще можно считать уцелевшими), коли актом 1967 года приняты и такие картины, которые находились в музее с 30-х годов? И сколько еще неизвестных картин художника можно найти в Кузбассе? Согласно объявлению, данному в прессе театральной секцией Щегловского уездного отдела наробраза, «с 25 июня по 3 июля 1920 года в Щегловске посмертно состоялась третья и последняя в этом городе персональная выставка Вучичевича-Сибирского». В комиссию по изучению наследия художника входил учитель Филимонов, который в 1938 году показывал кемеровчанину П. Ф. Шахматову 18 этюдов Вучичевича и большую картину «Мельница» — свое личное собрание.

Выводы. В поселке Зеленогорске улица по праву будет носить имя художника. По праву следует увековечить место не столь его

гибели, сколь той кровавой коллизии невежества и таланта, преступности и добра, тьмы и света, какой по своей сути была колчаковщина в Сибири и символом которой в большой мере можно считать расправу на займке Вучичевича. В 1920 году дом художника перенесли в село Бартеневка, где была открыта школа. И эта школа, тоже по праву, являет собой мемориал Вучичевича. Но можно ли, прикрепив мемориальные доски на всех объектах, связанных с именем Вучичевича, считать долг выполненным не формально и до конца? Ибо памятник, обобщенный памятник торжеству творчества над мракобесием, требует себе места в Кемерове, в областном центре, в предположительном районе ныне утраченного захоронения художника, имя которого славно было на всю Россию и стояло в одном ряду с плеядой российских «передвижников». И неужели братья по творчеству, кузбасские художники, не внесут свою лепту в почитание Вучичевича-Сибирского не только предполагаемым бюстом в Крапивине, но и достойным монументом в Кемерове?

Настоящая статья не является законченным исследованием. Она — лишь напоминание о большом художнике, имя которого кровавыми корнями вросло в Кузнецкую землю и о котором тщанием любителей своего края сейчас известно лишь чуть больше, чем пару лет назад.

Прошло свыше 60 лет с момента его посмертной выставки в Кемерове, и настала пора подумать о следующей, юбилейной. Ведь минули 110-летие со дня его рождения (1869 год) и 60-летие кончины (1919 год). А подготовка к выставке требует серьезного изучения сибирских и украинских архивов, чтобы установить хотя бы приблизительно число написанных им картин и наметить их следы. Может быть, разыскать каталоги. Кто знает, где находятся сейчас самые лучшие картины художника. Возможно, они анонимно таятся в глухих клубах или сельских столовых и лишь в самом счастливом случае попали в серьезные частные собрания...

Сибирская биография Вучичевича тоже ставит массу вопросов. Если в 1920 году в Кемерове состоялась 3-я выставка художника,

значит, Вучичевич бывал в Кузбассе не раз до того, как поселился на заимке? Это самое первое предположение подтверждается вполне. Вспомним: ведь еще в 1904 году опубликован в Томске В. Ф. Булгаковым критический разбор картины Вучичевича «Достоевский в Кузнецке»! Где теперь эта картина? Каким событием была бы она для Кузбасса в преддверии юбилея Достоевского 1981 года, когда в Кузнецке открыт музей его имени!

Впереди — глубокое исследование незаурядной биографии большого художника, который именно в нашем крае, чуть не накануне своей гибели, заканчивает кроваво-пламенную кар-

тину Томского погрома, как бы предчувствуя уготованную ему судьбу и желая подчеркнуть для потомков, что силы преступности, невежества и идеологической слепоты могут быть повергнуты лишь неразрывно связанными силами просвещения, великого света культуры и политического провидения.

Автор приносит глубокую благодарность за любезное содействие И. А. Балибалову, О. Н. Баронской, Н. Д. Коневу, В. М. Ткаченко и П. А. Шахматову, равно авторам ранних газетных публикаций, которые содержат немало ценных сведений.

ДНИ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В КУЗБАССЕ

С 27 января по 4 февраля в нашей области проходили Дни советской литературы. Трудящиеся городов и поселков Кузбасса встречались с известными писателями страны, приехавшими из Москвы, Ленинграда, Киева, Смоленска, Фрунзе, Донецка, Липецка, Свердловска, а также с поэтами Кемерово.

Р. Рождественский, В. Демидов, М. Квливидзе, А. Киреева, Б. Ласкин и Г. Юров выступили в Кемерове, Новокузнецке, Ленинске-Кузнецком, Березовском перед шахтерами, металлургами, студентами.

Трудящиеся городов Белова, Гурьевска, Киселевска, Прокопьевска и совхоза «Чистогорский» принимали у себя Л. Ошанина, В. Баянова, С. Давыдова, О. Султанова, Г. Чубач.

У сельчан Промышленновского района, на Бачатском угольном разрезе, в Юрге, Тайге, Анжеро-Судженске побывали Ю. Гальперин, В. Махалов, А. Мишин, В. Назин, А. Скалон.

В Новокузнецке, Осинниках, Мысках и Междуреченске была самая большая группа писателей: В. Попов, Б. Джамбинов, И. Киселев, В. Мазаев, С. Мекшен, И. Фонарьков, Я. Шведов, Г. Шуров.

Репортажи о днях советской литературы в Кузбассе публиковались в «Литературной газете», в газетах «Литературная Россия», «Кузбасс» и «Комсомолец Кузбасса».

Дни советской литературы в Кузбассе стали ярким, волнующим событием в культурной жизни нашей области.

С. Лаврентьев

Наталья Захарчук

ТЕПЛО ДОБРОТЫ ЛЮДСКОЙ

О первой книге рассказов Любови Скорик „Шли дожди“

Носит людей по свету. Гонит их с места на место работа. Зовут большие города, дальние края. Ищут люди счастья, учатся, влюбляются, ошибаются, женятся, добиваются успехов и терпят неудачи. А где-то в глубине Сибири ждет их тихая деревенька Шалаевка. Зимой она цепляется печными дымами за низкие облака, летом врастает в землю огородами — поэтому основательна, устойчива, постоянна. Постоянен здесь уклад жизни, незыблемы веками сложившиеся моральные устои. И как далеко ни заносило бы героев книги рассказов Л. Скорик «Шли дожди» (Кемерово, 1980) по дорогам жизни, как ни уведило бы их от Шалаевки, она неизменно присутствует в их взглядах, поступках, делах, определяет самой нравственную их основу.

Конечно, для быстротекущей сегодняшней жизни со всеми ее сложностями патриархальный уклад Шалаевки тесноват, да и сама она, почти начисто очищенная от всяческой скверны, изрядно идеализирована. Но легкая завеса времени, которой отделяет от нас события автор, позволяет — без ущерба для достоверности повествования — высветить в первую очередь то главное, что складывалось веками и составляет основу духовного мира народа и не может, не должно зачеркиваться временем даже на самых крутых виражах его стремительного движения. Это честь и достоинство человека, его ответственность перед людьми и своей землей, доброта и труд как основа всего лучшего — душевного здоровья и красоты, спокойной совести и самоуверждения.

Среди всех воспоминаний на исходе длинной, почти столетней, жизни деда Федота (рассказ «На посту») самыми радостными были воспоминания о работе — той самой, приятной, завидной, живой, которая горит в руках, делается споро, вкусно, с наслажде-

нием. «Всякую работу знал и умел в своей жизни Федот. Любил удалой разгул косы, умное сдержанное тюканье молотка, шершавую ласковость кирпича и прилипчивую прохладу мокрой глины. И все же восторг — такой, что не помнишь уже ни себя, ни звания своего, ни забот, до того одолевавших, ни радостей, — такой восторг он знал, только держа в руках зеркальное, его ладонями отполированное топориче». В настоящий гимн плотницкому топору, а вернее — умным, талантливым, честным рабочим рукам, складываются строки о том, как, сливаясь в нерасторжимое целое с рукой человека, топор сам летит туда, куда нужно, сам ладно, красиво ведет нужную линию и, кажется, поспевает даже вперед своего хозяина, заставляя его «лишь дивиться да ласково оглаживать топориче». Не приходится удивляться, что Федот завещает снарядить топор, главный инструмент своей жизни, с ним вместе в последний путь. А когда думает о смертном часе старый плотник и о том, что может случиться где-то «там», в загробной жизни, рай (простим ему, столетнему, это заблуждение), то хотел бы он там сразу свои порядки завести — «до работы всех допустить. Чутко подправить, что не так, — и иди, работай на радость. Что можешь и сколько можешь. А то от скуотищи там еще раз помереть можно».

Работать на радость — это дорогого стоит. Это дается не каждому, как не каждому встречается в жизни удивительное чудо любви или непонятное богатство яркого таланта. Но в рассказах Любови Скорик мы часто встречаемся с людьми, для которых атмосфера труда, работы ради других людей — единственно возможная, единственно оправданная. Не всегда эта атмосфера такая праздничная, как в воспоминаниях старого плотника Федота, но всегда она светлая, добрая, ра-

зумная. Работа, забота — не в тягость. Они — сама жизнь человеческая. Мало того, они продлевают эту жизнь, когда, казалось бы, вышли все сроки, отмеренные человеку. В одном из лучших рассказов сборника «Собрался дед помирать» герой, удрученный тем, что «чужой век заживает», держится на этой земле лишь заботой о правнуке, которому будет без деда Мирона несладко в новой, чужой для него, семье матери. Согбенный, усохший так, что, «кажется, солнечные лучи проходят сквозь деда, только слегка задерживаясь в его одежонке», а тень его — светлее, чем у маленького Василия, ходит он порой на деревенское кладбище и там, у могилки своей старухи, ведет вечный спор с бабкой:

«— Лежишь, стало быть, полеживашь! А мне, стало быть, мыкайся, майся с малым!.. Рази мужицкое это дело — дите вскармливать? Лежал бы час здесь, горюшка не знал. А ты бы хвосталась с парнем-то...

Дед вслушивается в не слышимые Василем бабкины слова, согласно кивает или же сердито трясет головой.

— Без тебя знаю, что давно пора тута место занять. Срам один — зажился так, словно зановсе стыд забыл. Перед людьми совестно. Дык как помрешь-то, куда супостата этого денешь!..

Но даже совсем решившись освободиться от мирских забот и передать Василия матери, дед МIRON в последнюю минуту дрогнет душой («Кака там мать, язви ее...») и потянет дальше лямку хлопотливой жизни кормильца и воспитателя. А чтоб не осуждали люди Василеву мать за бессердечие, не говорили, что сына она бросила, разыгрывает даже небольшой спектакль на деревенской улице. Уже мирно провожая городскую гостью на автобус, вдруг остановится он и ни с того, ни с сего закричит, насколько хватает голоса:

«— Не отдам я тебе Василия и все тут! И не проси и не требовай! Неча ему в городу твоём делаться!»

И останется жить дед МIRON, жить для того, чтобы светлее и теплее было мальчику, чтобы уберечь его, насколько удастся, от горя и унижений, чтобы успел Василий окрепнуть и вырастал в уважении к труду и людям.

Для Пелагеи из рассказа «Сюрприз» в горестной ее потере (ниточка за ниточкой) связей с родной Шалаевкой, с привычным родным бытом, жизнь ненадолго вспыхивает теплым светом лишь тогда, когда находится ее рукам полезное, нужное близким дело. А когда от дела ее отлучают, вспышки эти гаснут, и Пелагея остается лишь доживать во внешне благополучной, но какой-то чужой для нее, бесполезной, холодной, пустой обстановке.

Воспитательница Анастасия Федоровна («Долги наши»), неугомонная заводила множества интересных дел, живая душа детского сада военных лет, уйдя на пенсию, очень скоро расстается и с жизнью. Старость, конечно. Но нянечка тетя Фрося говорит: «...В ней сил на двести детишек хватало. Рази их на одного-то внука израсходуешь! Только на полгода и хватило. А потом разорвало сердце». И есть какая-то доля правды в этих наивных словах. Неиспользуемые силы души либо гибнут сами, обедняя, обесцвечивая человека, либо убивают его.

Богатство душевной энергии, направленной на добро, ее практическая неисчерпаемость, несмотря на все испытания судьбы и времени, — это общее свойство роднит всех дорогих автору героев книжки «Шли дожди»: Пелагею, старожил Шалаевку дедов Мирона и Федота и юную героиню рассказа «Не стой у окон моих», деревенского блаженного Федю и маленького Василия, Марию Миронову и Розу из рассказа «Присуха», Федора Игнатьевича Пряхина («Ко Христову дню») и Нюрку («Паришонка»).

Одиннадцать рассказов Л. Скорик не припишешь к какому-то одному тематическому ведомству — «деревенской», например, или «бытовой» прозе. О разном они. Но объединение их в одну книжку не кажется искусственным. Кроме деревни Шалаевки, так или иначе проходящей через судьбы большинства героев, связывают рассказы в единую книгу те лучи поиска взаимопонимания между людьми, которыми просвечивает свои истории автор.

Счастливое взаимопонимание деда Мирона и маленького Василия, трудно рождающееся взаимное доверие шалаевских баб и возмущительницы их спокойствия Нюрки, отцовское прозрение Федора Игнатьевича, нетрадиционная нерасторжимая привязанность Розы и ее свекрови Марии Мироновны, наконец, трагически беспросветная душевная слепота детей Пелагеи — все это не только составляет основу нравственной проблематики, влияет на выбор жизненного материала, но и определяет сюжеты рассказов, особенности конфликта и его разрешения в каждом из них.

Многие старики, пожалуй, могли бы позавидовать Пелагее, героине рассказа «Сюрприз». Дети ее не забывают, любят. Комната у нее отдельная, в удобной городской квартире. Ни о воде, ни о еде заботиться не нужно. И дрова не запасать. Живи, радуйся, благодари судьбу. Вон все дети собрались семидесятилетие матери отметить, издалека съехались. Торопились, подарки готовили. Даже неловко кого-то — не привыкла она обременять собой кого-то. Сколько помнит себя, для других старалась, ради них трудилась. А вот семь

лет скоро, как в город попала — перевез к себе сын Гооргий из деревни, — а места в этой жизни не нашло.

Всё дали матери доти — и комнату, и деньги, и еду, и покой, а в душе своей уголочка ей не отвели и в ее душу не заглянули. А этого ведь не попросишь, не потребуешь. И не винит детей старая мать, во всем входит в их положение: заняты, нервы у всех, заботы (хотя иной раз дивится про себя мелочности и неестественности забот).

Тянется день за днем, и тянутся бесконечные думы Пелагеи. В них — Шалаевка, родная деревня, где вырастила детей, где была когда-то, давно-давно, до войны еще, счастлива со своим Степаном, где остались родительские могилы и та самая банька, что стала их со Степушкой первым домом; где доживает век Стеша, когда-то соперница, а потом подруга задушевная.

И с Шалаевкой, и с прежней, иногда безмерно трудной, а сейчас, кажется, счастливой жизнью связывают Пелагею не только думы, но и старые ее вещи, с которыми не смогла расстаться, покидая деревню. Постороннему глазу что в них. Одно старье, барахло, «рухлядь», как говорит внучка Валерия. Стыдятся старого скарба в семье сына. А для Пелагеи сколько свету, радости в нем! В прялке, которая помогла детей поднять, от голодной смерти в тяжелую военную пору отвести. В сундуке, на котором впервые постелила себе постель, общую со Степаном. В старой Степановой гармонии, что враз одряхлела, как без хозяйна осталась: и черные лаковые бока пожухли, и кожа в мехах потрескалась, и перламутровые пуговицы, «словно глаза неживые застыли». В потускневшем ковре с лебедями, расписанном масляными красками, — первой их со Степушкой покупке.

Удивительно поэтичны портреты всех этих вещей. Каждый — это развернутый художественный образ, где и душа Пелагеи, и ее тоска, и поэзия молодости ее далекой, и певучесть народного слова. Уже чего хорошего, кажется, в коврах с лебедями? Давно стали они символом махровой безвкусицы и бескультурия. И вряд ли можно требовать от семейства высокообразованного Георгия восторгов по поводу такого украшения в доме. Но мы-то видим ковер этот глазами Пелагеи, которая как посмотрела на него когда-то, так и «обмерла от восторга»: «Озеро, как зеркало, блестит. Цветы да деревья в нем отражаются. На берегу — дворец сказочный. А в самой середке озера — два лебедя». И казалась Пелагее, «что деревья те ночью потихоньку шумят, цветы сладко дурманят». С годами да с бедами менялся, тускнел ковер: «...от старости озеро словно тиной серой поросло, деревья пожухли, цветы осыпались».

После войны уже заезжий маляр обновил его своими красками, снова засверкало озеро, и цветы распустились, но что-то изменилось в самой Пелагее, и она «не чуяла уж их аромата, не слышала шелеста листьев. И лебеди стали какие-то грустные, словно друг с дружкой прощаются».

Отрваться ли Пелагее от всего этого, если жизнь вся в этих вещах перед ней проходит, за них держится? Не задавались ее дети таким вопросом, готовили матери сюрприз ко дню рождения — новую, совсем новую, дорогую современную мебель. В складчину спроворили подарок. Тайком в комнату втащили, а старье — на свалку отправили. За что их винить? Вон как старались, радовались за нее. Речи говорили: «От матери в мире жизнь, добро, тепло и красота... Если в нас, ее детях, есть что-то хорошее, — это все от нее, от ее трудолюбия, сердечности и великодушия... Спасибо тебе, мама, за науку!» А в это время у нее душа «застывала и веяло морозом». Оставалась еще робкая надежда, что спрятали куда-то ее старые вещи. Но нет. Увез на свалку их тот же шофер, что новую мебель доставил. И всего-то за трешку.

Подлинного трагизма полон финал рассказа, где Пелагея, чувствуя, что уходит из нее жизнь, настойчиво ищет оправдания неразумным своим детям, которые «не по злобе больно ей сделали», и в то же время не может избавиться от зрительно четкой картины умирания своих вещей, своей памяти: «Ей представилась огромная гора разных чужих вещей. А на самой верхушке она узнала свои.

...Совсем наверху — Степанова гармонь. Ах ты, господи, что ж это они не спрятали-то ее? А ежели дождик пойдет — размокнет же она! Знать бы, где свалка эта самая, пойти бы ей, хоть в сундук гармонь-то спрятать!».

Драматизм и сложность жизни, от которых ни в одном своем рассказе не уходит Л. Скорик, в «Сюрпризе» нашли самое совершенное, зрелое воплощение. Автор сознательно намечает и ломает здесь привычные схемы (самоотверженная мать — и неблагоприятные дети, одинаково безошибочное, на все случаи жизни, чувство прекрасного у человека из народа и др.), и неподдельная жизнь выплескивается на страницы книги. И хотя в рецензии на книгу начинающего писателя опасно проводить какие-то (особенно столь обаявающие) литературные параллели, трудно отмахнуться от мысли, что судьба Пелагеи — это один из вариантов судьбы героини Валентина Распутина, старухи Дарьи, уже простившейся с Матерой. Причем судьбы, не почерпнутой из литературного источника, а зорко уиденной в самой действительности. Жизнь жестока в быстроте своего движения, и различия в характерах и обстоятельствах могут

Изменить лишь протяженность и детали, но не саму основу этого процесса доживания человека, вырванного из родной почвы. Тем большее значение приобретает в человеческих взаимоотношениях душевная зоркость и тонкость, доброта умного, чуткого сердца, способность услышать чужую боль и взять хоть часть ее на себя.

Почти в каждом рассказе сборника «Шли дожди» есть поиски образа такого героя. Не все они одинаково убедительны в художественном отношении. Слишком явно сконструирована Юля («Не стой у окон моих»), во многом схематична Роза («Присуха»). Благодарно-благоговейное чувство, с которым вспоминает воспитателей детского сада лирическая героиня рассказа «Долги наши», не помогло автору обличить все эти благородные тени прошлого в кровь и плоть запоминающихся художественных образов. Пожалуй, лишь надломленная блокадой Антонина Петровна и в какой-то степени нянечка Фрося выделяются из галереи идеализированных и несколько анемичных портретов героинь просто прекрасных и прекрасных во всех отношениях. Не избежал елей благостности в общем удачный образ деда Федота (рассказ «На посту»). Особенно чужеродным кажется сахарное по тону воспоминание его о больнице с сестрами-ангелочками в кудряшках и белоснежных халатиках, с яблоками и апельсинами — не иначе из райского сада. Да и само представление о рае — больнице — явно противоречит как характеру плотника Федота, так и общему стилю повествования.

Но есть в сборнике рассказы «Собрался дед помирать», «Ко Христову дню», «Парнишонка» и наконец «Сюрприз». Простые житейские ситуации. Обыкновенные, ничем осо-

бым не примечательные герои, люди, каких множество рядом с нами. Автор, казалось бы, не мудрствуя лукаво, переносит их на страницы рассказов из жизни, сохраняя каким-то чудом живые их голоса, естественность поступков и жестов, запоминающуюся пластичность облика. Только не всегда заметные в действительности черты и черточки характера, внутренние побуждения, мотивы поступков, штрихи настроения становятся чуть явственнее да мысли — очевиднее... Каким-то чудом...

А чудо это — талант: зоркость писательского (именно писательского, несмотря на литературный дебют) взгляда, чуткость слуха, богатство языка. Особенно богата языковая палитра рассказов «Собрался дед помирать», «Парнишонка», «Сюрприз». В них царит стихия народного говора сибирской деревни, причем деревни сегодняшней, не обойденной веяниями времени, современной лексикой.

В поисках меткого народного слова, своеобразия и яркой характерности речи героев автор иной раз слишком увлекается и теряет чувство меры, злоупотребляя всякими «тока», «дак», «дык», «ишшо», «рази», а в авторской речи не брезгуя порой давно затертыми от употребления «упоительным хохотом», «калой сладостью ягоды», «волшебной ночью» или не менее «волшебными чарами вальса». Можно было бы оговориться, что это-де неизбежные издержки первой книги начинающего автора. Но в данном случае для таких оговорок нет оснований. Лучшие рассказы сборника «Шли дожди» говорят о том, что Любовь Скорик, оставив где-то за порогом книги период ученичества, входит своей первой книжкой в литературу.

И. Емелин

ЮМОРЕСКИ

ГОНИ ВЫДЕРГУ

— Алле, слушаю. Привет, дорогой. Чего не можешь достать? Выдергу?

— Ну да. Понимаешь, план по гвоздям горит.

— А много тебе? Всего одну? А что можешь предложить ты?

— Камнедробилку.

— Заметано! Значит, так. Все просто. Слушай внимательно. Сперва звони Бельдюгину. Ему, правда, камнедробилка в ателье сто лет не нужна, но ему жутко нужны баллончики для сифонов. Ящиков сто. Которые, в свою очередь, днем с огнем ищет Кувалда из конторы Водоканал. Баллончики есть в ОСВОДе у Жеребцова. Но Жеребцов — жила, просто так не отдаст. Но если ему засветит цистерна бустилата, он выложит все и еще вагон череседельников впридачу, которые откуда-то пришли на его фамилию. Ты улавливаешь? Бельдюгин с твоей камнедробилкой в кармане едет в НИИ к Хавкину за бустилатом, они все это дело перебалабасывают на Жеребцова. Счастливый Жеребцов брякает Кувалде. А Водоканал — Кувалда — за баллончики мать родную готов отдать, потому что он их год выколачивает, чтобы передать Сельхоз-

технике, Забубырину, и получить от него фольгу, без которой у него во все дырки свищет. Тогда Кувалда звякает в аптекоуправление Бренчайловскому, которому неделю назад прибыла по ошибке платформа гипсолита...

— Извини, что такое гипсолит?

— Черт знает, но говорят, жутко дефицитная вещь. Так вот. Пупкин строит дачу, он этим гипсолитом бредит. Как только Пупкин узнает, что у Бренчайловского платформа гипсолита, он у него на крючке. И ты катишь прямиком к Пупкину. Уловил?

— Уловил, но Пупкин, это ведь овощная база.

— Верно, база. Но у Пупкина на овощной базе все есть. Кроме овощей. Значит, забираешь у Пупкина пару этих выдерг...

— Мне всего одну надо.

— Ты что, рехнулся? Бери две. Одну мне отдашь.

— Тебе-то зачем выдерга, ты же свистульки выпускаешь?

— Как зачем, смеешься? Квартал только начат, а у меня дырки к свистулкам на исходе. А куда я сунусь без дефицита в кармане?! Жуть. Так что, гони выдергу, дорогой!

ПО СЕНЬКЕ ЛИ ШАПКА?

Прихожу в свое учреждение. Стоит младший сотрудник Мямлин, а на нем великолепная меховая шапка, этакая, черт подери, с искрой. Я даже весь расстроился. Однако виду не подал. Вспомнил, что Мямлин на днях принес мне на подпись бумагу с двумя опечатками. Подозвал я его и стал делать внушение. Тут входит посетитель, поглядел на нас — и к Мямлину, который в шапке с искрой:

— Товарищ управляющий!..

Черт знает что такое!

Сел в кабинете, думаю. Трудно, думаю, Мямлину справляться с должностью младшего сотрудника. Молод еще.

Назавтра курьер Мямлин дважды пробежал под моими окнами в своей новой шапке. Это

уже вызов! Я виду не подал и думаю: человеку с таким почерком, как у Мямлина, и должность курьера слишком высока. И тут же издал приказ о переводе Мямлина в вахтеры.

Иду утром, сидит вахтер Мямлин. Гляжу — и глазам не верю. На Мямлине прежний его облезлый малахайчик. Виду не подаю, оставившись, тонко выпытываю: куда девалась, мол, твоя новая шапка, та самая, с искрой? «А это — отвечает Мямлин, — не моя шапка была, а своякова. Свояк в отпуск с Севера приезжал».

Сел я в кабинете, мысли в порядок привожу. Что это, думаю, Мямлин в вахтерах засиделся, способный ведь парень. Не пора ли двинуть Мямлина в курьеры?

МОНОЛОГ ВЫМИРАЮЩЕГО МУЖЧИНЫ

Раньше, в эпоху матриархата, жизнь моя была терпимой. Все руководящие посты, а с ними инфаркты, принадлежали всецело женщине. Я только сидел в своей пещере, пряд свою пряжу и размножался. С тех пор расстановка сил в мире круто изменилась. Вместе с ролью главы семьи на меня возложена забота о женщине.

Неся это бремя сквозь века и народы, я напрягся и создал для женщины хозяйственную сумку в прекрасном оформлении и предельного объема, уступил ей все очереди, кроме очереди за пивом, поднял цену на золото, отчего женщина враз вздоржала.

Когда еще существовала полигамная семья (много жен), я мог поступать так: сказать первой жене, что ночью у второй, второй, что ночью у третьей, а третьей, что ночью у пер-

вой. И в результате меня все оставляли в покое. Нынче это — пустой номер.

Где черпать силы? Просидеть в воскресный день даже каких-то шесть часов кряду у телевизора — я не в состоянии, падаю со стула.

Все эти дела и заботы выматывают в стельку и ставят меня на грань существования как вида.

На основании вышеизложенного, прошу занести меня в Красную книгу природы. Может быть, тогда общественность обеспокоится и снимет с меня бремя моих забот, одновременно окружив меня истинным теплом и неподдельной лаской.

P. S. Хочу предупредить, что слухи о том, что синтетический мужчина якобы заменяет меня, живого, хоть и ослабленного, пущены зря. Он, может быть, и не будет пить водку, но в загс вы его калачом не заманите.

Владимир Матвеев

СО СТОЛА ПЕРЕСМЕШНИКА

ОБЛАВА НА РЫЖИХ

В каждом классе непременно
Рыжий должен быть,
Чтоб его на переменах
Можно было бить.

Лев МОЧАЛОВ,
сб. «Глядя в глаза».

Ученик, завет поэта
Свято береги:
Ни блондина, ни брюнета
Трогать не моги!
Ну, а если волос красен,
Если нос рябой,
Навалитесь целым классом,
Дайте смертный бой!
Бедный скорчится от боли,
Будет волком выть,
Для того и рыжий в школе,
Чтобы дружно бить.
Помни, юный друг, об этом
И не будь лапшой!
Я, хотя и стал поэтом,
Хулиган душой.

ОЧЕВИДНОЕ НЕВЕРОЯТНОЕ

Однако всякое бывает.
И даже то, что никогда,
Кажись, на свете не бывает,
Бывает все же иногда...
Я готов целоваться с любовью крякухой...

Леонид МЕРЗЛИКИН,
сб. «Облепиха-ягода».

Витают дух поверий древний,
Его и нынче не избыть:
Лягушка может стать царевной,
Невеста жабой может быть.
С ужом я нежно обнимался,
А он гадюка из гадюк,
Свиньей сосед мой оказался,
Ослон — давно любимый друг.
И делают слона из мухи,
Поскольку с хоботом она,
И зацелованы крякухи,
И не целована жена.
Комар медведя убивает,
Подлец сгорает от стыда...
И даже то в стихах бывает,
Что не бывает никогда.

БЫЛИ ЛИ
В ВОЗВРА

ОЛЖНА Т
ОДНА ТЕР

ПИСАТЕЛЮ ГЕННАДИЮ ЕМЕЛЬЯНОВУ—50 ЛЕТ

Дорогой товарищ, друг и со-
брат!

Сердечно поздравляем тебя
со славным юбилеем!

После окончания Московско-
го государственного университе-
та ты пернулся в родной Ново-
кузнецк и много лет работал сна-
чала в районной печати, а потом
собственным корреспондентом
областных газет. На журналист-
ских тропах ты повстречался и
подружился со многими интерес-
ными людьми, которые впослед-
ствии стали героями твоих книг,
таких, как «Когда друзья рядом»,
«Берег правый», «Хочу удивлять-

ся», «Далекие города», «Бабым летом». Книги эти, а также твои фан-
тастические и юмористические повести «Медный таз из сундука»,
«Истины на камне», «В огороде баня» снискали тебе читательскую лю-
бовь и уважение.

Талантливо, правдиво и тепло рассказал ты о рабочих-металлургах
Новокузнецка в очерках, составивших книги «Капля из моря», «Зап-
сиб — железная держава».

Читатель ждет от тебя, Геннадий Арсентьевич, новых произведений,
таких же правдивых и честных, как и прежние. Уверены, что ты оправ-
даешь эти ожидания, потому что знаем: у тебя много новых замыслов,
а мастерство твоё — крепнет.

Желаем тебе искренне, от души неугасимого творческого вдохнове-
ния. И конечно же, крепкого здоровья. Будь, как всегда, добр и отзыв-
чив. Будь, как всегда, справедлив. Будь, как всегда, весел. И будь —
счастлив!

Твои друзья, писатели Кузбасса

50 к.

**В 1981 году
Кемеровское книжное издательство
выпускает в свет
поэтические сборники:**

Михаила Небогатова—«Лето»,
Владимира Поташова—
«По небу птичья клинопись...»,
Валерия Зубарева—«Мыслящий огонь».